

Миры Артема Каменистого

СТИКС

Александр Кормильцев

Постигая прошлое

Цикл: Освобождение

Книга вторая

Позади разоренный одержимыми поселок, а впереди — неизвестность. Воспоминания из растворенного в пустоте прошлого беспокоят сознание туманными фантомами, а окружающая действительность то и дело подкидывает новые сюрпризы. В основном неприятные: чудовища, жаждущие наживы бандиты, а также воины света, несущие слово господнее на остриях мечей. Даже встреча со старыми знакомыми, вместо ответов на вопросы, лишь увеличивает количество самих вопросов и дает какую-то неясную цель. Но выбора нет. Единственная возможность вернуть потерянное прошлое — двигаться вперед.

Глава 1

Босые ноги мягко ступали по пляжу, между пальцев тонкой струйкой лился нагретый солнцем песок, оставляя на коже ощущение тепла и приятной щекотки. Тело оведал равномерно дующий с моря ветерок.

На душе, несмотря на благоприятную атмосферу, было невесело.

Солнечные лучи, вместо тепла и ласковой неги, били в лицо горячими стрелами, вынуждая щуриться и прикрывать глаза рукой, а свежий бриз скреб по щекам сухой колючей щеткой.

Впереди, прямо из песка, зеленой стеной поднималась рощица. Разглядеть хоть что-нибудь сквозь переплетение ветвей не получалось, но веселые крики и смех, раздающиеся откуда-то из глубины зарослей, слышны были отчетливо.

Вот только и эти вполне себе мирные звуки не внушали ничего, кроме неясного чувства тревоги. Словно где-то там, глубоко-глубоко внутри, была спрятана, давным-давно позабытая, страшная правда.

Несмотря на нехорошее предчувствие, старался отрешиться от тяжелых дум и сосредоточиться на веселых голосах. И чем больше вслушивался в эти полные радости крики, тем меньше давила на сердце тревога, а душа наполнялась легкостью и теплом в предвкушении счастливой встречи. С кем?

До зарослей уже было рукой подать. Ветер практически стих, а смех и крики, наоборот усилились, уже можно было различить отдельные слова. На душе вдруг стало спокойно, все плохие мысли исчезли вместе с угомонившимся ветром.

Ещё пару шагов. Притормозить перед вставшими в полный рост деревцами. Вытянуть руки, раздвигая кусты, что густо обступали стволы понизу. Двинуться внутрь образовавшегося в зарослях коридора.

Звуки уже совсем рядом. Ну же. Ещё чуть-чуть...

Одна из веток, которую отгибал, двигаясь вперёд, соскользнула с руки. Стремительно распрямившись, от души хлестанула по лицу. Инстинкт самосохранения заставил остановиться и зажмуриться. Всего лишь на миг, на мгновение.

Темнота...

Первое, что увидел, когда открыл глаза — непроглядная темень, с еле прорисовывающимися силуэтами деревьев. За жалкую секунду ясный день сменился чернильной ночью.

Что за хрень?! Кто выключил солнце???

Хотя, если приглядеться постепенно адаптирующимся к темноте зрением, стволы деревьев совершенно непохожи на те, что были посветлу.

Только что передо мной стояла рощица тонких молодых осинок, с плотными зарослями кустарника, а теперь вокруг сплошь великаны неизвестной хвойной породы, кедры, наверное, а кустов и в помине нет. К тому же совсем рядом начали проступать очертания каких-то строений. Похоже на коттеджный посёлок или что-то наподобие, но деталей не разобрать — темно.

В следующую секунду мощная вспышка осветила окружающее пространство. Слепануло. Ушам тоже досталось — грохот добротного шарахнул по барабанным перепонкам.

Тело двигалось без лишних команд. Ещё не погасло зарево от взрыва, а я уже лежал в

неглубокой впадине меж двух выпирающих из земли корней, уткнувшись лицом в прелую листву и прикрыв голову руками.

Приобретенный ли где-то боевой опыт заставил тело в мгновение ока спрятаться от ударной волны в еле заметной ложбинке или просто инстинкт самосохранения сработал, неизвестно. Главное, что обжигающий вал огня, вперемешку с обломками одного из коттеджей, не снёс мою безмятежно замершую тушку, а лишь прошелся по спине, заставив сильнее вжаться в импровизированный окоп.

Секунды, что провел, прикидываясь частью лесного пейзажа, показались днями, ну или, как минимум, часами. Все потому, что обожжённая спина горела, словно волна огня не рассеялась, а продолжала висеть в воздухе исполинским грилем, поджаривая тыльную сторону туловища до золотистой корочки.

Переждав с полминуты, приподнялся, начал оглядывать местность в направлении взрыва. Непонятно, был ли его причиной скопившийся за стенами газ или ящик тротила, сберегаемый в подвале запасливым хозяином, но рвануло знатно. От ближайшего коттеджа осталось лишь основание в виде фундамента и жалких фрагментов стен. Соседние домики тоже пострадали, хоть и не так критично. Кстати, от взрыва и польза была — естественных источников освещения добавилось. Хотя, называть полезными пожары, разгорающиеся там и сям, дело сомнительное.

Очагов возгорания было немало, пострадавшие строения по большей части деревянные, но света от этого огня оказалось чуть-чуть. Правда и рассматривать было особо нечего. Лишь коттеджный поселок, окруженный стеной высоких деревьев. Все прочее скрывала тьма.

Оглядывая освещенное пространство, не забывал и об осторожности, во весь рост выпрямляться не стал. Да ещё и за стволом одного из "кедров" частично укрылся. Возможно, это меня и спасло.

Осмотр местности прервал треск автоматной очереди. Пули сочно впечатывались в ствол ни в чем неповинного дерева. Несколько из них пролетели совсем рядом, в жалких сантиметрах от моего, поспешно прятавшегося за "кедром" тела.

Боковое зрение успело уловить цветы сгорающего пороха, вырастающие метрах в пятидесяти левее разметанного взрывом коттеджа. Было их как минимум два. Но выстрелы раздавались и с противоположной стороны, скрытой от взгляда деревьями.

Вот же балбес! Высунулся на горящие коттеджи полюбоваться! А то что меня при этом будет на всю округу видно не подумал. Нужно было сразу сделать выводы, что там, где случаются подобные взрывы, наверняка можно встретить и тех, кто эти взрывы устроил. И при этом быть готовым к тому, что помимо взрывчатки у них могут оказаться и другие смертоубийственные штуки.

Все эти мысли проскальзывали в голове, пока спешно отползал спиной вперёд в направлении, противоположном позициям стрелков. При этом старался не смотреть в сторону, освещенную горящими останками коттеджа. За спиной была темнота. Чтобы хоть что-нибудь разглядеть в ночном лесу, по которому придётся удирать, нужно дать зрению немного привыкнуть к отсутствию освещения, а то после взрыва до сих пор перед глазами круги маячат.

Пальба не прекращалась, и судя по интенсивности, с которой автоматчики обрабатывали дерево за которым я минуту назад прятался, решение оставить временное укрытие было верным.

Продолжая отступать, по-пластунски прижимаясь к земле, попытался анализировать

происходящее и сопоставить его с предшествующими событиями.

Это что получается, я вернулся обратно в будущее, то есть в свое настоящее?! Или просто очередной странный сон посетил мою бедную головушку?! Да нет. Не может сон быть таким реальным. Вот даже если ущипнуть себя — боль чувствую, но не просыпаюсь.

Хотя на фоне горящей огнем спины такую мелочь можно не почувствовать. В общем, будем исходить из того, что все происходящее сейчас — реально и мне каким-то образом удалось вернуться в современный мир.

Ага, будто я знаю, каким ветром меня до этого в прошлое закинуло...

Кстати, в прошлом я оказался не просто так, а ещё и в этот непонятный Улей попал. А сейчас я как, до сих пор в улье, только в современном?! Или в нормальном мире?!

Хотя, разницы особой нет. Что в прошлом сходу попал в экстремальную ситуацию, что здесь вляпался не пойми во что. Из огня да в полымя — как говорится. Памяти, к сожалению, возвращение не вернуло. Оттого нет даже самых общих предположений, о том, кто за мной охотится, не жалея боеприпасов.

Стрельба, кстати, стихла. Теперь слышны были лишь короткие выкрики, то слева, то справа. Причём в голосах слышась азарт и уверенность, то и дело раздавались улюлюканье и смех. Будто подвыпившие охотники загоняли подраненного зверя.

Пока я предавался размышлениям, преследователи бросили поливать очередями несчастное дерево и двигались за мной. При этом шли, раскинувшись длинной цепью, видимо старались охватить как можно большее пространство при прочесывании местности. С каждой минутой расстояние до них сокращалось.

Продолжая перемещаться в том же темпе, что и сейчас, рисковал в скором времени повстречаться с загонщиками. Пешком даже не торопясь будешь двигаться быстрее, чем ползком. Я и раньше собирался выбрать место поудобнее и под какофонию стрельбы слинять незамеченным. Но теперь придётся срочно корректировать планы, чем дальше затягиваю, тем меньше форы остаётся. Сейчас, обогну вон то дерево и рвану.

По стволу "кедра", за которым собирался начать рывок, что-то гулко стукнуло. И вновь тело сработало быстрее, чем мозг успел осознать всю опасность этого безобидного звука. Уже не скрываясь, выпрямился во весь рост. Напрягая все силы, рванул прочь от упавшей позади гранаты. Нужно было успеть спрятаться за дерево, иначе ничего хорошего не жди.

Если даже не прикончит сразу, преследователи застанут оглушенную, посеченную осколками тушку, которую и добивать не придётся. Но эти ребята не откажутся от контрольного выстрела, успел заметить, что патроны экономить они не привыкли.

Не успел. Ударная волна настигла, тараном врезавшись в многострадальную спину. Энергией взрыва тело подняло в воздух и швырнуло под ближайшее дерево.

Удивительно, но оказавшись на земле, сознание не потерял. Несмотря на то, что несколько осколков точно попали в цель, чувствовались эти попадания просто, как тупые толчки. Один под правую лопатку, два других в бок и бедро. Боли не было. Не чувствовалось ее и в обожженной и израненной спине. Болевой шок что-ли?!

Попытался было подняться, но не тут то было. Тело стало чужим и непослушным. Конечности еще кое как шевелились, а само туловище словно гвоздями к земле прибили.

Единственное утешение — упал на спину и теперь, пусть обездвиженный, но могу наблюдать, что вокруг творится. Хотя, радость сомнительная. Какая разница, пустят пулю в лоб или в затылок, исход один. Осталось лишь дожидаться преследователей, и всё — конец.

Кстати, что-то они не особо торопятся. Уже давно должны были дойти, в последний раз

слышал их голоса метрах, наверное, в двадцати от себя. Ещё и звуки стихли, должно быть, оглушило взрывом.

В следующую секунду понял, что ошибся, со слухом все в порядке. Подтвердило это утробное рычание, раздавшееся откуда-то слева. Такое же издавали твари, что напали на поселок, в котором оказался вчера. Причём, судя по звуку, чудовище было не из рядовых, наверняка не меньше топтуна.

На рычание тут же ответили преследователи. Новое действующее лицо разворачивающихся событий они встретили автоматными очередями и истошными криками. Причём от былой веселости в голосах стрелков не осталось и следа, а вот страха и боли было с избытком.

Несмотря на то, что лежал на спине, увидеть, что там происходило не удалось, шея почему-то отказывалась поворачиваться. Так что смотреть получалось только вперёд, то есть вверх, где перед глазами тянулись ввысь исполинские стволы, скрывающиеся в густом переплетении крон. Все это природное величие то и дело окрашивали отсветы вспышек от выстрелов. Но постепенно их становилось все меньше и меньше, пока не прекратились совсем.

Вместе со вспышками пропали и звуки. Оружие и держащие его люди стихли одновременно. Последнее, что донеслось до слуха: рычание твари и какой-то влажный чавкающий звук, от которого похолодело на душе.

Да уж, увлеклись охотнички. Кошка гонялась за мышкой и не заметила, как к ней подкрался страшный голодный волк. Раз! И слопал кошку! Правда и мышке от этого не легче, ею волк тоже не станет брезговать. Больно уж голодный волчара.

Со стороны недавнего побоища донеслось шуршание и еле слышные шаги. Если бы заранее не знал о приближении серьёзной твари, можно было подумать, что звуки издает какой-нибудь чахлый бегун.

Поле зрения загородила чудовищная харя кусача. Везёт мне на них! Знакомство с одержимыми у меня началось как раз с такой же образины, правда, тот кусач был поменьше.

Тело среагировало на угрозу, загоразвиваясь от твари выставленной вперёд рукой. Мозг осознавал абсолютнейшую бесполезность жеста, но инстинкты есть инстинкты. Даже перед лицом неминуемой смерти человек надеется на чудо: что летящую в лоб пуля сдует порывом ветра, что падающая на шею гильотина развеется в пыль, а ужасная тварь превратится в милого котика.

Не превратилась. Видимо, среагировав на движение, разглядывающее дотолу беззащитную жертву, чудовище угрожающе зарычало и кинулось на выставленную вперёд руку, открыв пасть размером с хороший чемодан.

Адская боль пронзила конечность. Заорав во всю мощь лёгких, рванулся из тисков монструозных челюстей, намертво зажавших руку в районе локтя. Вырваться получилось на удивление легко. Неужели предплечье осталось в пасти твари?!

Но разбираться с потерями не было времени, неожиданно вернулась подвижность в теле. Пользуясь вернувшейся мобильностью, рванулся в сторону. Не думал о том, как израненный, смогу скрыться от чудовища. Главное, хоть чуть-чуть разорвать дистанцию.

Внезапно рев кусача разделился на несколько голосов одержимых. К твари подкрепление пожаловало?! Тогда мне точно конец!

Откатился в сторону, вскочил на ноги, радуясь, что схвативший было паралич оказался временным. Сделал шаг, другой. Но нижние конечности вдруг превратились в кисель, а

картинка окружающего леса стала стремительно тускнеть.
Темнота...

Глава 2.

— Твою мать! — С криком вскочил на ноги, трясая стреляющей болью рукой. До самого локтя всё было перемазано сажей. Во время тряски несколько угольков, осыпающихся искрами, упали на песок.

Продолжая чертыхаться, кинулся к темнеющему в десятке метров урезу воды. На берегу рухнул прямо на колени, втыкая обожженную конечность в ледяную жижу. Благо глубина позволяла погрузить не только руку, но и самому занырнуть. Замер в таком положении на пару минут, пока руку не заломило от холода. Хорошо!

Не сразу понял, что спину тоже припекло, но несравнимо слабее, чем ладонь и предплечье. Тем более, тело до сих пор было защищено курткой из толстой кожи, что вместе с арбалетом досталась от погибшего паренька.

При ближайшем осмотре, ожоги оказались не такими серьезными, как казалось на первый взгляд. Вода смыла сажу, а под ней лишь несколько покрасневших участков кожи, да пару волдырей. Пустяки. Правда болели эти пустяки жутко. Но для ожогов это характерно, да ещё и спросонья, получается... Спросонья?!

Вернулся к спешно оставленному импровизированному лежбищу. Куча примятых веток от надерганных по округе кустов, рядом разбросанные дымящиеся остатки кострища.

Прошлым вечером, когда выбрался из реки на этот небольшой пятачок суши, продрог так, что зубы выбивали чечетку. К счастью, на островке, помимо кучи огромных камней, нашелся на совесть высохший ствол дерева. Частично трухлявый, но разжечь костер хватило.

Кстати, о костре. Особенно удивила та легкость, с которой добыл огонь, ничуть не смутившись отсутствием зажигалки или спичек. Ствол оказался берёзовый, что было несомненным плюсом. Первым делом приготовил трубочку из бересты. Даже сворачивать не пришлось, отслоившийся кусочек скрутился в нужную форму сам собой, когда дерево высыхало. Небольшой пучок высохшей прошлогодней травы, удачно подвернувшийся под руку — пойдет на трут. Для верности, полученным от Тимофея ножом споро настругал, даже не настругал, а нашелушил тончайшей стружки, ссыпал их в трубку, вместе с травой. Уложил все это на плоский камень, сверху навалил ещё бересты и тонких щепок. При этом все манипуляции производил в неясном свете местных ночных светил и тоже не ощутил особых проблем.

Дальше дело техники. В качестве кресала выступил всё тот же нож, на роль кремня выбрал средних размеров камень. Пару минут высекания искры в сторону упакованного в берестяную трубку трута. Потом раздувание начавшей тлеть травы (видимо, не такой уж она и сухой оказалась). И счастливый взгляд от созерцания созданного с помощью первобытных технологий огонька, весело побежавшего по приготовленной бересте и щепкам.

Оказывается, в прошлом, которого не помню, успел нахвататься полезных выживальщических навыков.

Когда костер разгорелся как следует, ещё и приличных размеров бревнышко положил сверху, да лежак устроил рядышком, чтобы ночью не замёрзнуть.

Видимо, пока спал, придвинулся излишне близко к огню. Потому и спину подогрело хорошенько. Под утро наверняка ворочался и угодил рукой в костер, ладно хоть он успел к этому времени прогореть, одни угли остались. А во сне все эти ощущения превратились в

реалистичные травмы: осколки в спине, рука в пасти чудовища.

Всё-таки сон. Только непонятно, что я в нём увидел, игру воображения или отрывок потерянных воспоминаний из прошлой жизни? Если второе, то получается, в прошлое мира Улья я попал из современного мира Улья. Это объясняет тот факт, что местные не признали меня новичком. Но не объясняет много другого. Как я вообще попал в Улей? Чем там занимался? Что делал до него? Снова вопросы, ответов на которые нет. А если и есть, то они надёжно скрыты этой дурацкой амнезией. Хотя, может прошлое мое настолько ужасно, что лучше и не вспоминать.

Знакомое урчание выдернуло из пучины невеселых мыслей.

Одним прыжком оказавшись возле арбалета, начал судорожно натягивать тетиву. Обернулся, уже готовый стрелять, но, увидев подающего голос одержимого, опустил оружие.

До твари было метров пятьдесят. Невеликое расстояние для матерого бегуна, коим оказался вышеупомянутый. Проблемой для него было то, что большую часть этого расстояния пришлось бы преодолевать по воде.

Насколько помню полученную от местных информацию, воду одержимые терпеть не могут. А пловцы из них лишь чуток получше камня, который использовал для добычи огня. Может быть у упырей и волотов дела с этим обстоят чуть лучше, но их здесь пока что не видно. Что не может не радовать.

Зато видно других.

Помимо бегуна по берегу слонялась еще тройка чудовищ. Тоже ничего выдающегося, вряд ли кто-то выше жрача отъелся. Точнее разобрать их по ступеням развития не получалось, мешали предрассветные сумерки и тень от прижимающегося к берегу лесочка.

Все без исключения одержимые недвусмысленно зыркали в мою сторону. Шарахались туда-сюда по берегу, то и дело забредая на мелководье, но тут же выскакивали из воды, недовольно урча.

Не будь между нами реки, твари давно бы растерзали меня. Пускай далеко не самые опасные, но справиться с четверкой, навалившихся толпой, чудовищ не выйдет даже при самых лучших раскладах. И арбалет не спасёт. Оружие мощное, но вот со скорострельностью явные проблемы. Вряд ли успею выпустить больше двух болтов, до того, как твари до меня доберутся. Да ещё ведь попасть нужно не абы куда, а в уязвимые участки. Эх, мне бы автомат, как у преследователей из сна.

Ладно, оставим пустые мечты и жаждущих встречи одержимых тоже оставим. Нужно осмотреться и понять, куда меня забросило в этот раз.

Небо на горизонте начинало светлеть. Сумерки понемногу рассеивались, обнажая рубленные грани серых каменных глыб, нагроможденных без всякой системы на противоположной стороне островка. Некоторые каменюки были высотой в полтора человеческих роста и, наваленные друг на друга, полностью скрывали правый берег реки.

Пожалуй, стоит забраться на эту кучу, с неё будет хороший обзор на всю округу.

Пока карабкался по каменным глыбам, чуть шею не свернул. Но не зря — результат оказался интересным.

В первую очередь увидел тот самый посёлок, в котором так занимательно провёл вчерашний день. До него было даже ближе, чем в прошлый раз, когда увидел впервые, выбравшись на берег возле причала из расколотых пополам бревнышек. Вон он виднеется чуть дальше, примерно в полукилометре выше по реке.

Значит, забросило меня недалеко и при желании можно будет вернуться в посёлок. Это

хорошо!

Стоило увидеть высокие стены, за которыми в один день пережил столько событий, как вспомнились люди, приютившие меня. Новые знакомые, за столь короткое время ставшие близкими друзьями. Рыжеволосая болтушка Настасья и ее подруга Варвара, любознательный лучник Тимофей, угрюмый здоровяк Демьян, маленький любитель догонялок Антошка и, конечно же, крестный — дядя Прохор.

Где они сейчас, что с ними? Справились ли с нашествием тварей? Или уже нет никого живых? Да нет, уверен, что с ними всё в порядке. Тем более смертей за вчерашний день и так было достаточно. Нет больше суличника Феофана и хмурого деда Василия, его крестника — Митрошки косоного, которого я так и не поблагодарил за спасение, едва знакомого Егорки, от которого достались арбалет с кожанкой и остальных. С кем-то из них стоял в строю, сражаясь с человекоподобными монстрами. Кого-то видел и помню в лицо, а кто-то так и остался совершенно неизвестным. Ещё прошлым утром все эти люди жили себе спокойно не тужили, занимались домашними делами, растили детей. И тут, в один день, всех их не стало. И никакие "такова жизнь" или "на все воля господ" не объяснят эту чудовищную несправедливость.

До поселка и впрямь недалеко. Нужно только переплыть метров сто-сто пятьдесят по реке, а там уже по прямой через степь, с редкими вкраплениями деревьев, минут за пятнадцать доберешься — пустыки.

Единственная проблема — прямо на берегу ожидает компания, аналогичная той, что видел на левом берегу. Правда здесь встречающих на порядок меньше, всего двое. Но количество компенсируется качеством — один из одержимых явно до топтуна дорос. Характерное цоканье по усыпанной камнями прибрежной полосе слышно отчетливо. К тому же, в прибрежных зарослях, состоящих из приземистого ивняка, камыша и кустов, мог скрываться не один десяток чудовищ.

Получается, я в окружении. Оба берега стерегут кровожадные твари. До меня им не добраться, но и мне с острова не уйти. Пат. Есть, конечно, ещё вариант слинять по реке. Минус, что твари двинутся за мной. Обогнать их и бегом вряд ли получится, а по воде и думать нечего, тем более без плавсредства.

Будь под рукой завалящая лодочка или, на худой конец, плотик, ещё можно было попробовать скрыться от чудовищ где-нибудь ниже по течению. Но, непонятно сколько придётся петлять по реке, пока одержимые отстанут. При этом придётся удалиться от единственного известного поселения, где можно рассчитывать на радушный приём. Как будут встречать незнакомца в других деревнях, неизвестно. Да и получится ли потом вернуться обратно той же дорогой, вопрос тоже интересный. Вывод один — никуда мне с острова не деться.

Пока размышлял, не переставал вглядываться в виднеющиеся вдаль стены. Из-за их чрезмерной высоты внутренние постройки невозможно разглядеть. Лишь несколько еле заметных дымных столбиков поднимаются изнутри. Ещё в одном месте, если зрение не обманывает, пара голов видна, поверх частокола выглядывающая. Дозорные? Расстояние велико, да и темновато, лишь верхушки стены освещаются, в низинах до сих пор ночь прячется.

На всякий случай все же помахал руками, да покричал чуток. Вдруг у кого-то из наблюдающих за округой воинов дар в темноте видеть или ухо такое, что комариный писк за километры услышит.

Не услышали. По крайней мере никаких ответных знаков подано не было. Остаётся ждать, пока небо посветлеет, чтобы дым от костра был лучше виден. Костер!

Обернувшись на разметанные по песку еле тлеющие остатки углей, начал торопливо спускаться. Не хотелось повторять вчерашние манипуляции по добыче огня. Пускай и удалось это сделать довольно легко, но времени при этом потратил немало.

Собранные в кучу угольки, щедро подкормленные сухой травой и мелкими веточками выдали хорошее пламя. Дальше уже пошли деревьяшки покрупнее, а венцом разгорающегося костра стали остатки бревна, до которых огонь не успел добраться ночью.

Правда, древесина была чересчур просушена и дыма выдавала немного. Ну ничего, пока что и не надо. Попозже, как рассветет окончательно, накидаю сверху зеленых веток, оставшихся от лежака. Сигнал будет что надо.

А пока что есть ещё одно дело, не терпящее отлагательств — завтрак. Может быть по времени рановато, но ничего страшного, переживу. К тому же прошлый завтрак был мною съеден почти сутки назад и после него во рту не было даже крошки. Но главной проблемой было то, что этот завтрак ещё надо добыть и приготовить. Так что по времени могу и опоздать.

Рассчитывать найти на островке чудесным образом попавшего сюда поросенка или, на худой конец курочку, не стоило. Маловата площадь для развития живности в естественной среде обитания. Какие-то птицы в высоте все же кружили, но спускаться не торопились, видимо слышали голодное урчание моего желудка. Фруктовых деревьев и грядок с овощами тоже не наблюдалось, даже съедобных кореньев не видать. (будто я знаю, как они выглядят, эти коренья)

Остаётся старая добрая рыбалка.

Ещё раньше, когда осматривал с высоты округу, разглядел в темной толще воды скользящие в глубине тени. Надеюсь, это не был обман зрения, иначе существует перспектива остаться голодным.

А самочувствие и так не особо бодрое. Какая-то слабость в теле, мутит слегка и голова побаливает. Ну ничего, вот покушаю и полегчает сразу.

Ещё жажда дикая, будто с похмелья или от перегрева, хотя жары особой не наблюдается, скорее даже наоборот. Но с водой проблем нет, её тут целая река под боком. Причём вода прозрачная и вкусная, хоть в бутылки закатывай и продавай. Только кому?

После того, как напился речной минералки, приступил к добыче хлеба насущного.

Прежде всего, нашёл место помельче, не сказать, что по колёно, но и нырять, в случае чего, не придётся. Всё потому, что единственный из доступных мне способов рыбной ловли предполагал вероятную потерю снастей, а их у меня и так осталось — кот заплакал.

Я болты имею в виду, их всего шесть штук. А учитывая мой не особо выдающийся навык стрельбы из арбалета, это просто крохи. Придётся быть предельно аккуратным, чтобы не остаться с полностью бесполезным оружием.

Жаль, нет даже веревки какой завалющейся. Можно было бы привязать болт и стрелять сколько влезет. Наверняка при этом пострадает точность, ну и пусть. Зато число попыток увеличится, а главное — болты сохраняться. Да и рыбу удобно вытаскивать. Не придётся в воду лезть лишний раз.

Насколько я помню, в современном мире такой способ рыболовства довольно популярен. На арбалет даже специальные катушки с леской продают и прочие навески для такого дела. Или все-таки на лук такое навешивают?! Не помню.

Конечно, нужно будет ещё придумать, как все это изобразить на средневековом арбалете, чтобы веревка не цеплялась при выстреле, чтобы... Да что толку размышлять о том, чего в моем положении осуществить невозможно по одной простой причине — нет веревки.

Долго искать рыбу не пришлось. Кристальная прозрачность воды обеспечивала прекрасную видимость. А приличных размеров тушки сновали туда-сюда, словно у них тут пролегла главная подводная магистраль с развязкой.

Первый болт ушёл в глубину. Очень уж аппетитным показалась проплывающая рыбина. Поторопился, не учел траекторию. В итоге — минус один снаряд из боекомплекта исчез без надежды на возвращение.

Со вторым выстрелом не стал торопиться. Главным приоритетом считая сохранение болта, нажал на спусковую скобу лишь убедившись, что снаряд не улетит в дальние дали.

Так и случилось. Жертва благополучно скользнула в глубину, на жалкий сантиметр разминувшись с болтом. К счастью, место, в которое тот погрузился я заметил и не сводил с него взгляда, пока снимал остатки своей скудной экипировки. Тяжелую кожаную куртку и пояс снял заранее. В воду лезть пришлось бы в любом случае, а заново мочить и так не до конца просохшую одежду не хотелось.

Холод охватил тело, едва начал забираться в реку. Хотя и готовился к неприятным ощущениям, но всё же вздрогнул от соприкосновения кожи с ледяной водой. Оттого слегка ошибся с местом и провозился на пару минут дольше задуманного.

Наградой за задержку, помимо найденного таки болта, стала крупная ракушка, с высунутым меж створок раковины "языком". Или эта штука у них "ногой" называется, если на уроках биологии не обманывали.

Правда, прихватил её не для научных исследований, а в чисто гастрономических целях. Если не получится с рыбой, придётся "лакомиться деликатесом". Не знаю, насколько вкусные "ноги" у этих ракушек, но тех же устриц лопают в дорогих ресторанах и не морщатся, а они вроде как одного поля ягоды — моллюски. Хотя их вид мне не особо приятен и мысли, что придётся есть эту хрень, не вызывают восторга. В любом случае, между пустым желудком и желудком, набитым запечённым на костре мясом ракушек, выберу второе.

На берег выбрался подмерзший и злой. Сначала хотел плюнуть на такую непродуктивную рыбалку. Но то ли упорство не позволило отступить от задуманного, то ли нежелание угощаться ракушками заставило продолжать промысел.

Перед тем, как продолжить тратить бесценный боезапас, последил за движением кружащих в толще воды рыбин, пытаюсь понять закономерность их перемещений. Особо строгой системы не разглядел, но манеру движения, скорость рывков и прочие выверты запомнил.

Теперь, нацеливая заряженный арбалет на взмахивающие плавниками тушки, заранее брал упреждение, анализируя их поведение и с удовлетворением отмечал, что, в большинстве случаев, угадывал следующее движение рыбины.

Выщелить жертву. Задержать дыхание. Плавно повести оружие вслед за целью. Хлоп. И словившая смертоносный подарочек тушка уносит очередной бесценный снаряд куда-то в глубину.

Ругаться не стал, лишь заскрипел зубами, перезарядил арбалет и продолжил охоту.

Долгожданная добыча была у меня в руках спустя три выпущенных болта. Два из них

привели лишь к ещё большему уменьшению боекомплекта, а третий наискосок пробил полуметровую рыбину, войдя в тушку в районе спины, при этом наконечник вышел из левой глазницы.

Еще через полчаса, куски ароматной поджаренной на прутиках рыбы стремительно исчезали прямо из рук, после чего ухали на дно желудка, отзываясь внутри благодными волнами, предвещающими ощущение сытости и счастья.

Запредельную степень удовольствия, с которой поедал «рыбный шашлык», можно было сравнить только с чувством, испытанным при вытаскивании добычи из воды.

Правда, вкус у, где-то недожаренной, а где-то наоборот, почти сгоревшей рыбы, был соответствующий. Видимо, кулинария не входит в число талантов, которые развиты у меня на высоком уровне. Хотя, сам виноват. Торопился. Не стал дожидаться, когда угли прогорят до нужной кондиции, потому и обжарилось неравномерно. Ещё и без соли. Но голод напал зверский, так что ел и не морщился.

Когда половина тушки была благополучно прикончена, решил остановиться. Остатки пиршества обернул листьями лопуха и положил в тень под камень.

Потяжелевший желудок советовал немедленно упасть прямо там, где сижу и вздремнуть часок-другой. Благо солнышко поднялось достаточно высоко, разогнав предрассветную мглу из низин и согревая всё вокруг своим теплом. Но ещё больше усилившаяся после съеденной рыбы жажда заставила подняться и доковылять до воды.

Умывшись и залив оставшееся внутри место под завязку отнятой у реки жидкостью, завалился на лежанку. По телу разлилось умиротворение. Правда, немного беспокоила головная боль. Да и слабость, одолевавшая с самого утра, никуда не делась, потяжелевший желудок лишь немного притупил это чувство. Ну ничего, вот посплю и силы вернуться.

Сладкая дрема мягко давила на веки, увлекая сознание все дальше в мир сновидений. Отключиться моментально мешали продолжающие голосить с берега одержимые. Но за время "рыбной охоты" уже успел свыкнуться к их неугомонными голосами. Поэтому постепенно урчание тварей превратились просто в фон, наподобие звука работающего за стеной холодильника, под который засыпается особенно сладко.

Глава 3.

Поспать не удалось.

Едва только за смеженными веками заиграли отблески светила, отраженного в накатывающих на берег волнах, посторонний звук расплескал начинающие формироваться фантомы сновидения.

Хотя не успел как следует задремать, но ещё, наверное, минуточку-другую лежал в состоянии полусна, пытаясь отделить реальное от видений.

Вода и небо. Песок и солнце. Волны и ветер. Явь и сон.

Всё перемешалось.

Единственным несоответствием было беспрестанное урчание тварей. Но доносилось оно как будто через стену. Да и в последнем сновидении тоже присутствовали одержимые. Так что и эта деталь вполне совпадает.

Я тупо лежал с открытыми глазами, пытаюсь понять, что увижу, когда поднимусь: полосу пляжа с зелёной рощицей или же нагромождение глыб, вросших в желтый песок. Мысли были тяжёлые и неповоротливые, как те самые глыбы. Думать их казалось невозможным, да и не было никакого желания пробовать. Хотелось просто абстрагироваться от всего, расслабиться и отдыхать.

Снова тот звук. Гораздо ближе. Абсолютно посторонний сну и яви. Тоже всплеск, но не волны. Сначала шлепок по воде, потом всплеск, снова шлепок... Весло?! Лодка!

Уже вырываясь, одновременно из ласковых объятий дремы, и из приятной мягкости лежака услышал знакомый голос:

— Эгей, на острове, подмогни причалить!

— Дядька Прохор! — подскочив к кромке воды, ухватил брошенную крестным веревку, начал подтягивать небольших размеров лодку.

Нос челнока ткнулся в песок. Одновременно с судном на берег выбрался и "капитан". С бородой, заплетенной в косу, облаченный в кольчугу и шлем, с топором на широком воинском поясе и луком за спиной крестный действительно походил на капитана какого-нибудь древнего судна, типа ладьи или драккара викингов.

Оказавшись на твердой земле, бородокосый подошел к крестнику и, не говоря ни слова, по-отечески обнял. Со стороны это и впрямь могло выглядеть, как трогательная встреча отца с сыном, не видевшихся долгое время. Правда "отец" был на голову ниже "сына", ну так и возраст у первого, судя по внушительной седой бороде был совсем не юный. К тому же расстались "родственники" только вчера. Другое дело, что до этого часа ни один из них не знал о судьбе другого.

Несмотря на не особо выдающиеся физические данные, силы в невысоком бородатом мужичке было как в троих тяжелоатлетах. Убедиться в этом успел ещё при первой встрече. Так что после дружеских объятий чувствовал себя изрядно помятым. Но радости от вида живого и здорового крестного эта мелочь не омрачила. Ведь до последнего момента не был уверен в благополучном исходе случившегося в посёлке нашествия.

Значит, отбились! Значит, выжили!

Бородокосый отстранился на длину вытянутых рук, продолжая при этом сжимать мои плечи тисками крепких пальцев. Нахмурился, оглядел с ног до головы суровым взглядом из-

под кустистых бровей, спросил полуутвердительно:

— Живой, значица?! А наши тебя уж похоронили.

— Сильнее обрадуются, когда вернусь.

— Дык, энто навряд-ли. — негромко ответил крестный при этом в его голосе слышалась неуверенность. Потом добавил уже более живо: — Хотя, иньшие и впрямь рады будут. Но мало их.

— Да и нельзя тебе вертаца. — закончил он еле слышно.

— Почему нельзя? — от неожиданности чуть не упустил веревку, что до сих пор сжимал в руках.

Прежде чем ответить, крестный с минуту глядел на беснующихся на берегу одержимых. За прошедшее время к ним успел добавиться ещё один бегун. При появлении лодки твари заметно оживились: громко урчали, носились по берегу туда-сюда, даже забредали на мелководье, но тут же выскакивали, недовольно урча.

— Нельзя и вся недолга! — наконец выдал он, отпустив мои плечи. Оглядел лежак и потухающий костерок. — Попозжей об том скажу. Счас сбирайся, поплыли отседова.

— Да куда собираться?! Давай хоть перекусим, я тут рыбу поймал, поджарил, сейчас угли раздую, подогрею. Правда соли нет. Ну и так ничего, есть можно. Заодно и расскажешь, что у вас...

— Кака рыба?! Крестничек, ты совсем безголовый?! Тут скоро сота меняца будет. Останеся, сам в таку же рыбу превратися. Да брось ты веревку энту, вона петлю на ту каменюку накинь и сбирайся.

По интонации, с которой была выдана последняя реплика, понял, что дело серьёзное, поэтому мешкать не стал. Спешно натянул куртку, подхватил арбалет, колчан с жалким остатком болтов, да сверток с недоеденной рыбой, всё — готов.

На последних движениях вдруг накатила слабость, даже покачнуло слегка. После чего, дремавшая где-то в районе затылка боль вспыхнула, словно тлеющий огонёк, на который щедро плеснули бензина.

Собранные вещи вывалились из рук. От неожиданной и сильной боли схватился за голову, хотя легче от этого не стало. Глаза сами собой зажмурились. Стиснутые зубы закрипели, пытаясь сдержать рвущийся наружу стон.

— Ты чегой энто, Пустой? — бородокосый придержал за плечо, заглянул в лицо участливым взглядом.

— Да ничего, башка раскалывается только. — отнимая руки от головы, продолжал ощущать боль, но уже не так остро. Спазм, огненной волной прокатившийся внутри черепа, ослаб, оставив дотлевать обгоревшие, агонизирующие остатки мозга. Может быть, описывая случившееся, немного приукрасил, но, примерно так эта боль и ощущалась.

— Погодь, ты живчик-то давно пил?

— Вчера вроде. — отвечая, уже понимал в чём причина предательской слабости и вспышек нестерпимой головной боли. Чудодейственное средство, главным ингредиентом которого служат виноградины, добываемые из затылочных наростов одержимых. Напиток, обладающий лечебным, тонизирующим и бог знает какими ещё эффектами. И, в дополнение, вещество, без которого жизнь человека, оказавшегося в улье и, при этом, не превратившегося в одержимого, закончится быстро и мучительно.

— Так чегой молчал-то... — бородокосый снял с пояса бурдючок, но не успел его передать. Чья то нетерпеливая рука грубо вырвала кожаный сосуд у него из рук. Чьи то

трясущиеся пальцы судорожно вцепились в крепко прилаженную пробку, с натугой выдернули её. Чье то горло ритмично задвигалось, пропуская вниз по пищеводу целебный напиток.

Лишь влив в себя изрядную порцию жидкости, сумел остановиться и отдышаться. Необходимость в живце была настолько неодолима, что, только заметив его в непосредственной близости, организм среагировал самостоятельно. Невзирая на отсутствие прямых сигналов мозга, руководствуясь при этом какими-то внутренними инстинктами.

Правда, неловкость от странноватого поступка моментально растаяла в блаженном предвкушении внутренней гармонии.

— Извини, дядь Прохор! Надо мне. — Проговорил, поясняя свои действия. Легкость от принятого "стимулятора" ещё не чувствовалась, но ожидание его воздействия несомненно оказывало на организм благотворный эффект.

— Пей, чего уж. — кивнул крестный, глядя на меня взглядом, наполненным глубоким пониманием ситуации.

Последовав его совету, ещё раз приложился к бурдючку, сделав пару добрых глотков. Только после этого вернул живец бородокосому.

Лишь вчера во мне вызывала тошноту одна мысль о постоянном потреблении подобного напитка. А сейчас, продолжая ощущать во рту привкус вина, смешанного с потрохами одержимых, был в нескольких мгновениях от экзальтационной эйфории.

Ещё пару минут ушло на то, чтобы осознать, что ожидаемого чувства всеобъемлющего счастья не наступило. Зато головную боль и слабость как рукой сняло. Потому не стал сильно расслаживаться. Подхватил оброненные вещи, двинулся было к лодке. Но, уже уходя, зачем-то начал забрасывать почти затухший костер песком. Причём понимал абсолютную бесполезность этого действия, ведь на островке гореть особо нечему, пару полянок пожухлой травы, да зеленые кустики. А если огонь все-таки доберётся до них, не страшно, дальше не пойдёт, остров он и есть остров. Но, вопреки голосу здравого смысла, взялся засыпать потрескивающее углями кострище.

— Чегой ты там дурью маешься?! Эх, дал бог крестничка безголового! Бросай с песочком играца, бедовый! — едва схлынула волна радости от встречи, бородокосый взялся за старую, насмешливо-назидательную манеру общения.

— Да иду, иду уже. — чтобы не обострять внимание на непонятном поступке, поспешил перевести разговор на другую тему. — Дядь Прохор, а что там с этой сменой соты? Что происходит в это время? Ты мне об этом не рассказывал.

— Дык, што-што, энто самое и происходит... И впрямь чтоль не сказывал?! Ну энто я маху дал! Да и в той круговерти, што у нас прошлым днём длилася, чегой-то сказывать не можно. Счас, значица, чрез версту есче суша посреде реки будет, тама сядем по-путнему, про всё сказывать и стану. Обо многом надо с тобой нам говорить-то.

Спущенная на воду лодка оказалась выдолбленной из цельного древесного ствола плоскодонной колодой, с наращёнными бортами из хитро переплетенных берёзовых веток. Плавсредства с конструкцией, наподобие этой, видел когда-то давно, ещё в прошлой жизни, на одной из выставок в музее. Правда, ни названия того музея, ни причин, побудивших его посетить вспомнить не удалось.

Несмотря на чудовищный, по современным меркам, труд, вложенный в изготовление сей "каравеллы", назвать её удобной можно было лишь с большущей натяжкой. Несмотря на плоское дно, ширина судна была более чем скромная, чуть не втискиваться приходилось.

Зато от носа до кормы оказалось метра четыре, а то и больше. Узость бортов компенсировали длиной, чтобы повысить вместимость лодчонки. Получилось какое-то подобие индейского каноэ с плоским дном.

Уключин или их подобия для таких посудин тут, видимо, ещё не придумали. Пришлось грести тем, что есть. А имеющиеся в комплекте весла оказались непривычно короткими и не особо удобными. Но альтернативой было грести ладошками, так что выбор очевиден.

По мере движения река все больше разливалась вширь и несильное течение, что вначале плавания немного помогало толкать судно, стало еле заметным. Скорость тоже упала, что позволило больше времени уделить окружающему ландшафту.

Мимо проплывали берега, где поросшие лесом просторы чередовались с обширными участками степи. В целом гармоничный пейзаж пару раз нарушался элементами, не вписывающимися в общую картину типичной лесостепи. Первый раз этим элементом оказалась высокая, немного неестественным наклоном похожая на пизанскую башню, гранитная скала, в окружении более мелких собратьев. Во второй каменистая проплешина. Будь дело где-нибудь в горах, ещё ладно, но посреди степи этот двухкилометровый пятачок серого камня смотрелся чужеродно. Ощущение было, что оба этих объекта были грубейшим образом вырваны из естественной среды обитания и вколочены сюда исполинским молотком. После чего границы ландшафтов попытались сгладить, чтобы в глаза не бросались, но получилось неважно.

Вот и наглядный ответ на заданный вопрос об Улье и сотах. Если включить фантазию, эти два чужеродных объекта можно было принять за пустые ячейки на рамке из пчелиного улья. А если приглядываться более внимательно, не составит труда увидеть несоответствия и неправильности в раскинувшемся вокруг пейзаже. Тут вот половина березового леса отрезана, а на его место пришили кусок густого елового. Причём граница между ними настолько заметна, что только слепой не разглядит. А вон там овраг прерывается, внезапно упершись в участок степи. И полоса, что его ограничила, ровная, словно отведенная по линейке. При таком резком изменении рельефа неизбежны обвалы, но обрезанный край даже не шелохнется, несмотря на то, что порода, его слагающая, с большой примесью песка, и должна уже давным-давно осыпаться.

Наверняка, можно у каждого участка найти границы, что очерчивают его по периметру. Где-то совсем незаметные, а где-то вполне себе видимые. Так вот из каких сот весь этот улей состоит. И эти самые соты как-то обновляются.

— Дядь Прохор, так что с этими сотами? — обратился к сидящему впереди крестному, размеренно погружающему весло в воду.

— Обновляеца, говорю же. Туманом кислым всё заволакиват поначалу. Потом, значица, как развееца туман тот, всё как было становица. Коли была на той соте изба, да сгорела, обратно такая ж стоять будет. Коли лодчонка, така вот как у нас была, да уплыла, сызнова на том месте будет. Да и людишки, што с сотой этою попали сюда, тожить сызнова появяца.

— Нормальные дела, допустим, такое селение как ваше обновляться будет, сколько нужного и полезного каждый раз можно взять, это же озолотиться можно! — выдал я, а сам вспомнил первый разговор с Настасьей. Она рассказывала, что основная часть поселкового войска отправилась на промысел в большой город, который только что обновился. Тогда я так толком и не понял, что за промысел такой. Думал, какая-то разновидность набега на соседнее селение ради наживы. Теперь всё ясно стало.

— Дурень что-ли?! Наше селище на крепии стоит, а крепь — энто такая сота, которая не

обновляца. Ну иль обновляца, но оченно редко. Коли останеся на соте, которая обновляца, там и конец тебе придёт. Иль помрешь сразу, иль дурачком на всю жизнь останеся.

Следующие десять минут прошли в молчании. Повисшую в воздухе тишину нарушали лишь ритмичные всплески шлепающих по воде весел, да урчание тварей, продолжающих неотрывно следовать за нами по обеим берегам.

Несколько раз путь одержимым преграждали врезающиеся в сушу, густо поросшие камышом, заводи. А однажды преградой оказался неширокий рукав с ленивым течением, уходящий куда-то вглубь поросшего лесом берега. Недолюбливающие воду твари вынуждены были обходить эти участки, делая большие крюки. При этом им приходилось прилично удаляться от реки, теряя из виду лодку с приглянувшимися людишками. Несмотря на то, что такие моменты иногда затягивались на немалых размеров временные отрезки, одержимые неизменно догоняли нас, издав издали оповещающую о своём приближении плотоядным урчанием.

Бородокосый то и дело косился на преследующих лодку тварей. Лица его я не видел, но в продолжавшем длиться молчании явственно чувствовалось напряжение. Напряженной казалась и, застывшая впереди, выпрямленная спина крестного. То же самое было с, двигающимся в такт гребкам, плечевым поясом.

Хотя, может это я свое беспокойство мысленно переношу на него. И, кажущаяся скованность движений, на самом деле является обычной собранностью бывалого воина, готового к схватке в любую минуту.

Глава 4.

Упомянутая крестным суша оказалась ещё одним островом. В противовес покинутому, этот был вдвое больше, порядочно вытянут между берегами и имел форму пологого холма. На вершине, занимающей не менее половины всей площади возвышенности, располагались какие-то невзрачные хижины. Центральная часть островка была покрыта сочной зелёной травкой. Ближе к берегу растительность сходилась на нет, сменяясь полосой белого песка, уходящей в бирюзовую прозрачность воды.

— Стаём тут, значица. — прервал возникшее было молчание бородокосый. При этом зачем-то начал править неповоротливое судно к правому берегу. Уточнять цель внезапного маневра не пришлось, следующей фразой крестный все пояснил. — Счас токмо подход к реке очистим от одержимых. А там уж и посидим, погутарим, да гостей дорогих дожидаться станем.

— Каких ещё гостей?

— Знамо каких. Тайка подойтить обещалася. Счас у нас там утрясет все хлопоты и прыскачет.

Спросить о цели визита не получилось. Правый берег был уже в двадцати метрах и бородокосый дал знак молчать.

— Лодку держи носом по течению, штоб не вертало. Счас я их угомоню. — произнося эти слова, Прохор, лучший лучник поселка, встал в полный рост, потянул первую стрелу из колчана и занялся привычной работой.

В мастерстве стрелка я не сомневался. Видел не раз, что вытворял, с луком в руках, этот невпечатляющего вида мужичок. Но в прошлых случаях, под ногами у него была земная твердь. Сейчас же опорой служило неустойчивое дно лодки, движущейся вместе с течением реки и, тои дело подпрыгивающей на волнах. В таких условиях не вывалиться бы за борт, который, кстати говоря, особой высотой не отличался. О том, чтобы вести прицельную стрельбу и речи быть не могло. С тем же успехом можно было попробовать жонглировать пудовыми гирями, шагая по натянутому над пропастью канату. Но лучник, вопреки всем законам физики, а также здравого смысла, с, казалось бы, невыполнимой задачей справлялся без особых проблем. Правда, сумасшедшей скорости, которая так поразила меня в самом начале знакомства с бородокосым, не было. На ее место пришла крайняя степень сосредоточенности и безупречный баланс профессионального эквилибриста, позволяющий безошибочно выбирать момент для выстрела.

Первая стрела пробила голову чахлому бегуну, войдя в череп между левым глазом и носом. Вторая — прямо в лоб его собрату по несчастью и степени развития.

Топтун оказался самым старшим из собравшихся на берегу одержимых и, судя по тому, что был единственным из всех, кто хоть как-то прореагировал на безнаказанный расстрел своих товарищей, самым сообразительным. Правда это его не спасло.

Ринувшаяся с угрожающим рыком к лодке тварь быстро потеряла прыть, погрузившись в воду по грудь. Рванулась дальше, замолотила лапами по поверхности воды, став при этом идеальной мишенью даже для неопытного стрелка. Хлопок тетивы прервал неудавшийся заплыв чудовища.

Подергавшись ещё немного, топтун ушел под воду. Последним, что скрылось в

кольшущейся поверхности реки, оказалось древко стрелы, торчащее из левой глазницы. Оно погружалось неторопливо, словно мачта получившего пробоину корабля.

Оставшийся в одиночестве бегун на скоростижную гибель товарищей обратил внимания не больше, чем корова на покрашенный забор. Продолжал беспокойно топтаться у кромки воды, тоскливым взглядом уставившись на лодку.

— Давай, Пустой, подгребай к берегу. — поторопил крестный, пряча лук на дно лодки. — Этого сам упокоишь, на берегу. Мне стрелу беречь надо, заодно погляжу, что ты в бою ближнем с оружием можешь.

Увлеченный картиной жестокого геноцида над беззащитными одержимыми, я и не думал, что придётся принимать участие в расправе. Тем более сталкиваться с тварями в рукопашной. Пускай для меня такое не впервой, да и противник несерьёзный. Но проблемой оказалось не нежелание вновь сходить на коротке с кровожадной тварью, а отсутствие более-менее серьёзного оружия для ближнего боя. Нож не в счёт, а подаренный на крестины меч так до сих пор и не позволил вытащить себя из ножен. Озвучил эти мысли бородокосому, для наглядности ещё и вышеупомянутый презент показал.

— Коли так, оставим это на потом. — ответил крестный, после недолгой паузы, враз посмурнев, после чего внимательно посмотрел на красиво инкрустированные металлом ножны. При этом, в его застывшем взгляде сквозило такой глубокой задумчивостью, что сразу становилось понятно — повествование о подаренном мече будет непростым.

Укрытый от посторонних взглядов, в выложенном камнями углублении, костерок задорно постреливал искрами. Пересушенные сучья, что в немалом количестве обнаружили в одной из хижин, венчающих островной холм, почти не давали дыма. Зато жар, исходящий от них, позволял подогреть подкопченное мясо и колбасу, что привез с собой крестный. Хотя вкус у них был такой, что и холодными уплел бы с превеликой радостью.

Помимо мясных деликатесов, на расстеленном куске полотна уютно расположились пироги с мясом и капустой, печеная репа, квашеная капуста, душистый хлеб, вяленая соленая рыба и небольшой бочонок пива.

После того, как добились последнего бегуна и освободили затылочные наросты тварей от ценного содержимого, сразу отправились на остров. Находящиеся на нем строения оказались рыбацкими хижинами, сейчас пустующие. В определенное "рыбное" время здесь собиралась артель рыболовов. Пространство между берегами и островом перекрывали сетями, в результате чего, за каких-то полдня можно было наловить рыбы на месяц вперед.

Под навесом нашелся удобно устроенный в ямке очаг, немедленно разожженный. Расположенные по обеим сторонам от него бревнышки признаны пригодными для сидения, а расстеленный кусок полотна вполне сошёл за стол. Бородокосый достал заветный мешок и начал выкладывать на импровизированный стол кушанья и яства, от вида которых в животе у меня заголосило так жалобно, что крестный лишь с пониманием усмехнулся. Наверное, этим смешком напомнил мне о попытке угостить его недожаренно-подгоревшей рыбой. С таким аппетитом съеденная утром тушка самостоятельно пойманного речного обитателя сейчас казалась отвратительной гадостью, от которой даже бродячие собаки носы отвернут.

К трапезе приступили незамедлительно. Время уже перевалило за полдень, к тому же речная прогулка способствовала сжиганию калорий. Да и крестный, как оказалось, успел здорово нагулять аппетит. Так что, следующие двадцать минут прошли в тишине, нарушаемой лишь звуками поглощаемой пищи, под аккомпанемент хорошего урчания

одержимых с левого берега.

Лишь, когда разложенная на полотне снедь была уменьшена примерно на половину от первоначального количества, а пенный напиток из бочонка был разлит по кружкам, бородокосый начал говорить о том, как завершилось вчерашнее нашествие одержимых.

После того как к поселковому войску прибежали перепуганные бабы с ребятей, бородокосый скомандовал потихоньку отходить к крепости, в надежде, что оставшиеся войны успеют их догнать.

На середине пути их и впрямь нагнала группа во главе с Ловкачом, принеся вест о большом количестве одержимых и намерении деда Василия сдерживать их до последнего.

Тут уже мешкать не стали и дальше двинулись скорым шагом.

Несколько бегунов и жрачей попало по дороге. С ними справились без потерь, а вот возле самой крепости случилась стычка посерьёзней.

Напавшие с нескольких сторон одержимые, в числе которых была пара топтунов, разделили войско. Справиться с ними удалось немалой ценой — семеро убитых и с десяток раненных. К тому же, при нападении тварей, несколько человек разбежались по закоулкам, поддавшись панике. Искать их не стали, торопясь как можно скорее спрятаться за стенами крепости.

Там и отсиделись, через бойницы отстреливая появляющихся тварей, правда особо тяжелых моментов больше не случилось. Единственной проблемой, не на шутку перепугавшей обороняющихся, оказался исполинских размеров волот, наверняка уничтоживший бы весь поселок вместе с обитателями. Но одна из зачарованных знахаркой стрел, выпущенная верной рукой крестного, сразила громадину еще на подходе к крепости.

Через некоторое время твари перестали подтягиваться. Осажденные решили отправить пару человек на разведку. Оказалось, что вовремя.

Оставшиеся одержимые и впрямь ушли за стену, лишь на парочку заблудившихся бегунов наткнулись.

К тому же староста с дружиной вернулись с промысла и с удивлением обнаружили наглухо закрытые ворота и отсутствие дозорных на стене. Свое удивление возвратившиеся воины высказывали предельно громкими криками, при этом совершенно не стесняясь в выражениях. уже немало времени провела под стенами и даже успела зачистить пространство вокруг поселка от остатков одержимых.

После того как ворота, наконец, были открыты, состоялась радостная встреча. Поначалу, вернувшиеся с промысла воины не на шутку разволновались, видя пустые стены и наглухо запечатанные ворота. Подозревали худшее. Так что встреча и впрямь была радостной, хоть радость эту и омрачали прозвучавшие имена тех, кто не пережил нашествия одержимых.

Долго разговаривать не стали, несмотря на ночную тьму, начали дружно наводить порядок на территории поселка. В дерганом свете горящих факелов осматривали все проулки и закутки, погибших уносили на площадь, трупы тварей собирали на телеги и вывозили за стены. Знахарка тем временем занялась оставленными в крепости ранеными.

Долго думали, что делать с тушей того самого, исполинских размеров, волота. Утащить его целиком было невозможно. По словам крестного, веса в убитой твари было не меньше ста пятидесяти пудов, а то и все двести. Единственный приемлемый вариант — порубить тварь на части и уже потом вытащить за пределы поселка. Но быстро справиться с, закованной в костяную броню, плотью чудовища не выйдет. Так что оставили это дело на

потом.

До утра худо-бедно управились. Собрались на совет. Главными вопросами были: причина нашествия и кому держать ответ за погибших во время этого нашествия людей. В итоге крайним оказался бородокосый, на время отсутствия старейшины, оставленный за главного. Наказанием стало изгнание из поселка.

— Подожди, дядь Прохор, а ты то в чём виноват?! — возмутился я, узнав о произошедшем.

— Што людей не уберег, што не увел сразу в крепость, што по дурному оборону держал, да и вообще... — Он хотел сказать что-то ещё, но, прервав фразу, лишь махнул рукой. У меня было что возразить по этому поводу. Уже открыл было рот, но крестный не дал сказать и слова, остановил жестом. Помолчали.

— Ты с дедом Василием и Феофаном сам третий остался, нет их теперь. Мы и тебя похоронили уж. Как уцелел то? — прервал затянувшуюся тишину бородокосый, глядя серьезным взглядом из-под нахмуренных бровей.

— Поначалу мы деда Василия прикрывали, пока он этой хренью улицу перегораживал. — Я сделал паузу, вспоминая ту страшную сферу. Творение мрачноватого паренька, за два десятка минут, превратившегося в дряхлого деда.

— Ты про яму?

— Да, он тоже ее ямой называл. Сразу нам сказал, чтобы уходили, как на всю ширину ее растянет. Ну мы и побежали к крепости. Феофан сказал, что деду Василию недолго осталось, как помрет, яма исчезнет.

— Мы его там и нашли. — покивал головой крестный. — Седой весь и высушенный. А пред ним яма. Глубокая! Саженой пять, не меньше! И по обеим сторонам по две избы как корова языком смела, ни полешка не осталось. До последнего стоял, значица. Эх, добрый воин был!

— Он ещё до того с одержимыми бился. Топтуна и жрача с арбалета, в упор практически, свалил, а бегуна топором приголубил. Но успели его достать, бок порвали сильно. Рана страшная была, даже непонятно как на ногах ещё стоял.

— Да, могучий воин, мало таких... Давай помянем деда Василия. — Бородокосый заново наполнил опустевшие кружки. Выпили, снова помолчали.

— А Феофан как...? — крестный не закончил, заскрипел зубами. До этого он особо не демонстрировал чрезмерную эмоциональность, в основном даже наоборот. Но сейчас, во взгляде серых, а от отражающихся в них отблесках костра, казавшихся стальными, глаз плескалась целая река горечи по погибшим соратникам.

— Феофан быстро... — вытолкнуть из пересохшего рта произнесенное бородокосым слово не удалось. Пришлось обходиться коротким мгновением тишины, материализовавшимся на его месте. — На пути к крепости на нас напал волот, здоровенный! Одним ударом Феофана зашиб, тот, наверное, и понять ничего не успел. Волот, наверняка тот самый, которого ты потом свалил. Получается, что отомстил за Феофана, тварюгу эту пристрелив.

Крестный в ответ лишь покивал, поднял кружку, отсалютовал в сторону скрытого далью поселка и со словами "за Феофана" опрокинул содержимое в рот. Повторив в точности его жест, поставил опустевшую посудину на импровизированный стол.

Прохладный пенный напиток скользнул вниз по пищеводу, ухнул в желудок, добавляя приятной расслабленности в теле и голове. Пиво было небольшой крепости, вряд ли больше

трех-четырёх градусов. Но массивные деревянные кружки, в которые его разливал бородакосый, объемом если и не доходили до литра, то совсем немного. А за неполный час, что мы провели в компании пузатого бочонка, кружек было выпито уже по три штуки. И как раз сейчас наполнялись четвертые. Так что настроение было как раз для душевного разговора, пускай и омраченного трагическими событиями.

— Он и меня бы прибил, волот этот, — не дожидаясь вопросов, продолжил рассказ. — то есть даже попытался прибить. Я и сам думал, что всё — конец! Никакое чудо не могло спасти из-под опускающейся на голову огромной лапы твари! Но вот спасло! Случилось! Не знаю, как вышло, но вдруг оказался в воде, посреди реки, как раз недалеко от острова на котором ты меня и нашёл.

— Ого, так вот у тебя што за дар, получаеца! Может враз в иньшее месте перенести, от верной смерти спасая. Добрый-добрый!

— Вот и я подумал, что дар открылся. Правда, снова им воспользоваться не получилось, как не пытался. Думал, в посёлок обратно перенестись сразу, но не выходит никак. Может посоветуешь что? Вот ты, дядь Прохор, как своим даром управляешь?

— Как, как?! Каком кверху сажуся! У меня даров пять штук, и каждый по-своему пользую. С одним слово про себя скажу, с другим палец по-особому сгибаю, третий сам зачинат работать. В обчем сам и придумаешь, как его пользоваться. Вот Тайка придёт с ей о дарах и говори, на то она и знахарка, штобы с энтим делом помогать. И с другим тожить...

Последние слова крестный проговорил негромко, взгляд его при этом был прикован к толкущейся на левом берегу кучке одержимых.

За прошедшее время группа на порядок усилилась, причём не только количественно, но и качественно. Одна из тварей, возвышающаяся над прочими, словно заядлый второгодник среди одноклассников, была похожа на приконченное Феофаном на стене чудовища, даже слегка поздоровее. Упырь, или всё-таки волот?

— Упырь матерый, вскорости до волота дорастет. — словно прочитав мои мысли, избавил от сомнений бородакосый. — Не бойсь, оне воду оченно не любят. Дажить если захотит до нас добраца, у меня стрела заговоренная есть, Тайка дала, как с промысла возвернулись.

— А если они всей толпой поплывут?

— Не поплывут. Плавают они хреново, потонут. А тут ещё, значица, течение меж берегом и островом, хоть и несильное, но есть.

Несмотря на успокаивающие пояснения крестного, смотреть на добрый десяток чудовищ во главе с матерым упырем, находящийся в пятидесяти метрах от нашего бивуака, было тревожно. Вдвойне тревожно было осознавать, что количество тварей продолжает увеличиваться. Тем более раньше, как утверждают местные, территория, прилегающая к посёлку у одержимых особой популярностью не пользовалась.

Вот, кстати, ещё один жрач топает, выбравшись откуда то из лесу. Что его заставило пойти в эту сторону, что привлекло? Дым от костра?! Так его немного и ветер дует в сторону, противоположную той, откуда вырулила эта образина. А может жрач прибежал на крики одержимых?! Может быть и так. Но что заставило целые стаи кровожадных чудовищ сняться с облюбованных мест и отправиться к находящемуся черт знает где поселку?

Этим вопросом я задавался ещё вчера, когда вместе с дедом Василием стоял на стене и разглядывалдвигающиеся по степи фигурки одержимых. В тот момент мне не дали как следует поразмышлять. Но сейчас, отвлекшись от беседы с крестным, взглянул, наконец, на

происходящее трезво. Ну, пускай и не совсем трезво, но вполне обстоятельно.

Оказалось, что ответ невероятно прост. Нужно было лишь задуматься, кто или что появилось в посёлке прямо перед нашествием одержимых.

— Дядь Прохор, так это я! Это из-за меня твари лезли в посёлок, словно мухи на мед! — Слова эти проговаривал, ошалело уставившись на бородокосого.

— Понял-таки, крестничек. — В его голосе слышались насмешливые нотки, но, лично для меня, ничего смешного в открывшейся правде не было.

Глава 5.

Левый берег продолжал полниться горловым урчанием и криками чудовищ. По воде эти звуки разносились на приличное расстояние, приманивая других тварей, находящихся неподалеку.

Хотя, о чём я говорю?! Зачем им прислушиваться, если прямо посреди реки, на вытянутом островке, расположился живой магнит для одержимых. Непонятно каким органом чувств они безошибочно определяют мое местоположение, но то, что эта чуйка работает у них исправно и на многие километры, несомненно.

По этой же причине правый берег, всего час с лишним назад очищенный нами от тварей, вновь оказался ими занят. Правда, недолго. Всего лишь два жалких бегуна, но крестный не стал позволять им безнаказанно разгуливать поблизости. Он потратил ровно две стрелы. По одной в каждую урчащую голову. С расстояния в пятьдесят метров. Стрельба, достойная аплодисментов и оваций.

Но настроения, чтобы аплодировать и с одобрением поднимать вверх большой палец, не было. С настроением дело вообще было швах. После открывшейся истины, переполнявшая душу радость от встречи с бородокосым, от добрых вестей и приятно потяжелевшего желудка истаяла, словно остатки хорошего сна, уступившие место суровой действительности с первыми лучами солнца.

Ладно хоть крестный не стал настаивать на моем участии в очередной акции геноцида. Даже вскрывать затылочные наросты тварей сам поплыл, оставив крестника в одиночестве, наедине со своими мыслями.

За это ему большое спасибо, именно этого мне сейчас и не хватало.

Страшная правда ударила в голову тяжелым, наполненным чугунными чушками, мешком, убивая и лишив способности мыслить. Поначалу вообще не мог привести разум в порядок. Мысли металась внутри черепной коробки, словно стая сумасшедших пчел. Руководили ими исключительно покотившиеся вразнос эмоции и вернуть обратно власть над собственным разумом долго не получалось.

Перед глазами вставали картины из такого долгого и, преимущественно, мрачного вчера. Раздавленный кусачем парнишка, доспех и арбалет которого не раз выручали меня в трудную минуту. Осиротевшая маленькая девочка, плачущая на руках, пытающейся успокоить её, Настасья. Дед Василий, с разорванным боком и он же, доживающий последние свои мгновения рядом с темной сферой. Суличник Феофан, убитый огромным волотом. Все эти трагические события и остальные, свидетелем которых мне не случилось быть, все они, так или иначе, на моей совести.

Сердобольные люди, подобравшие обессилевшего и замерзающего незнакомца. Откуда им было знать, что этот самый незнакомец одним своим присутствием навлечет беду на их дома, подвергнет смертельной опасности их родных и близких. Тем более он и сам не спешил делиться с приютившими его людьми своим секретом.

Скольким жителям поселка не удалось пережить нашествие одержимых?! По моим подсчётам, не меньше двадцати. Именно такую цену им пришлось заплатить за человечность и сострадание.

Лучше было бы патрулирующим окрестности реки дозорным, в тот злополучный

момент, пройти мимо выбравшегося на берег человека. Не тащить его, бездыханного, в родной поселок, не отогревать, не кормить, не отпаивать живцом. Лучше всего было бы взять топорик и тукнуть как следует по темечку незнакомого субъекта, расположившегося в непосредственной близости от поселка. Тогда бы и нашествия не было и люди в живых остались и не пришлось бы уцелевшим погибших оплакивать.

Неизвестно, сколько времени продолжалось бы мое самобичевание, если бы вернувшийся бородокосый не прервал его хлопком по плечу и словами.

— Хорош горевать, крестничек. Нечего вину с чужих плеч на свои тянуть.

— Так вина то и впрямь на мне! — не сразу ответил я, чувствуя горечь в выходящих наружу словах. — Твари по мою душу в посёлок заявились!

— По твою, не по твою, чаво о том болтать-то?! Ты про отметину не помнил и не знал! — хмуро парировал крестный. — Я вот тожить не сберег людей, но топица не собираюсь и крест на себе не ставлю! Потому как энто и моя, и твоя и старейшины вина тожить! Я ему так и сказывал на сходе, как воротилися! Што он почитай всех воев увел на промысел, хотя мы с Тайкой его отговорить пыталися. Негоже родной дом без толковой защиты оставлять. Но не услышал он тех советов. Да и как слушать, коли не было у нас сильных одержимых уже с год как. Токмо Тайка чуйкой своею што-то там учуяла, да не могла толком о том сказывать. А старейшина решил, што у них на промысле беда будет, потому и усилил дружину вдвое обычного. Вот и рассуди, чья тут вина-то?

Сказать мне было нечего. Ответственность, словами бородокосого разделенная на несколько частей, сделала давивший душу груз и впрямь немного полегче. Но до конца все равно не отпустила. Да и возможно ли полностью смириться со столь страшной истиной?! Думаю, что нет. Вина день за днем и год за годом будет следовать рядом, словно призрак, от которого нет спасения. Так что на прозвучавшую поясняющую речь лишь вяло покивал.

— Вот и ладненько! С энтим, значица, решили. Теперича давай о прочем потолкуем. — в словах бородокосого должно было звучать спокойное удовлетворение, но слышалась лишь неясная тревога. Хотя, если учесть взгляд, устремленный на лежащий рядом с прочей экипировкой меч, причина этой тревоги становилась вполне себе ясной. Крестный весь день смотрел на подаренный мне клинок так, словно тот в любой момент мог превратиться в ядовитую змею.

— Ты про меч что-ли?! Так я и сам давно хотел спросить, как его из ножен вытащить. Там секретный замок какой-то?

— Так и не вытащил, значица. Не распознал. И я не успел об том тебе сказать. Да и не хотел вот так, посередь боя о том толковать. Думал, как одержимых одолеем, тама уж все расскажу, да покажу. А оно вона как все повернулося! Ну энто и к лучшему, пожалуй. И для чего вся энта котовасия?! Уж почитай семь лет минуло и тут ты появился. Я тебя сразу признал. Но беспмятный, не помнишь ничаго. А она об том не сказывала...

— Да какие семь лет? Кто эта она? Дядь Прохор, ты про что вообще? — глядя, как бородокосый задумчиво рассуждает вслух, неотрывно глядя на меч, я не сдержался и выпалил эти вопросы, постепенно повышая голос, чтобы отвлечь его от воспоминаний.

Крестный не ответил. Кряхтя, потянул из-за пазухи что-то, тщательно завернутое в тряпицу, развернул.

Внутри оказалась лишь одна вещь — небольшой белый прямоугольник, сантиметров десять в длину и семь-восемь в ширину. С первого взгляда вещица поразила своей ослепительной белизной и какой-то чрезмерной для этого времени точностью линий. На

ладони бородокосого она выглядела чужеродно, словно последней модели айфон в руках у голозадного пигмея из диких джунглей Амазонки.

Когда прямоугольник переключал мне в руки, подушечки пальцев обожгло знакомым тактильным ощущением. Пластик?! Гладкая матовая поверхность, толщина не больше пары миллиметров, похоже на обычную кредитку. Откуда здесь взяться кредитке?

Но этот вопрос уплыл куда-то в область не особо важных и второстепенных, стоило перевернуть пластиковую безделушку.

Всю невеликую площадь прямоугольника занимало напечатанное на пластике фото анфас. Снимок был высокого качества. Несмотря на невеликие размеры, можно было разобрать мельчайшие поры на лице запечатленного на фото человека. Но и без дополнительных разглядываний узнал, чей снимок крестный хранил, бережно завернув в ткань. С похожего на кредитку куска пластика на меня глядели мои собственные глаза.

До этого момента свое лицо я видел лишь отраженным в, покрытом рябью, зеркале воды. Но в прошлый раз это был лишь странный акт знакомства с собственной внешностью, позабытой вместе со всей прошлой жизнью. Сейчас же, сжимая в руках фотографию, ощутил нахлынувшую волну воспоминаний. Правда все они были лишь статичными картинками, словно скриншоты, надёрганные из разных фильмов. Из этих скриншотов собрали слайдшоу и с бешеной скоростью пропустили перед моим внутренним зрением. Различные картинки вызывали такие же различные эмоции, но все они были настолько неоднородные и даже разнополярные, что разуму зацепиться было абсолютно не за что.

— Так мы были знакомы и раньше? — подняв глаза от снимка, с надеждой уставился на крестного.

— Неее, што ты, я б сказал, коли так было бы.

— Тогда откуда? — надежда сменилась непониманием.

— Оттуда, крестничек, оттуда! — бородокосый усмехнулся невесело, разлил пиво по кружкам, отхлебнул как следует, отер пену с усов и начал рассказ.

— Давно энтэ было. Уж почитай семь весен минуло с той поры... Хотя, какие тут весны, энтэ ж улей. Тут в каждой соте время свое, и не меняеца. В обчем, был я тогда, по местному мерилу сопляком, чуть больше полгода как в улей попал. И в посёлок энтот не так давно пришёл, раздумывал осесть тут иль дальше куда двинуть. Пускай и не было у меня толком опыта в улье, и дар какой-то непонятный, которые и не знахарский и хрен пойми какой. Но с луком я ещё в прошлой жизни дружен был, да и с мечом да копьем умел немало, а таких тута везде ценят. В тот день или чрез день, значица, одна богатая сота обновляца должна была. Энтэ верстах в четырех-пяти выше по теченью, на правом берегу. Где-то там недалече и тебя тожить дозорные наши. На той соте обнаковенно немало добра собирали, кажны две седмицы она обновялася. Правда бывало не день в день, потому загодя туда дозоры засылали. В энтот раз и я в таком дозоре оказался. Втроем мы туда пошли, значица. Старшим у нас был Илья — десятник из дружины нашей, добрый воин. С ним Ванюшка — малец, годков пятнадцати от роду, тощий и пугливый, што твой заяц. Зачем токмо его в дальний дозор заслали?! Ну и я, значица, с ими. Большой кус пути на лодочке вверх по теченью забиралися. Пехом с полверсты оставалося, а то и того меньшей. Но энтот путь по правому берегу пролегал, да ещё и чрез лес. А на правом ухе востро держи в степи дажить, одержимых тама хватат. Вот и мы нарвалися на стаю малую. Пяток тварей, но слабые, бегуны да жрач зелёный, управилися бы с ими, пожалуй. Токмо оказалось, што шшестером онитама были, твари-то. Пока мы с той пятеркой билися, сзаду есче один жрач

подкрался и враз нашего старшого упокоил. Ванюшка и так напуган был, а как увидел, что Илью жрач свалил и горло ему рвет, давай обратно к реке драть. Ну, думаю, тут мне и конец будет. Одержимых есче трое на ногах, а я с копьцом супротив их. Лук в начале боя оставил, одну токмо стрелу пустить успел, а тама уж навалилися твари. В обчем, есче одного бегуна на копьцо поймал, и готовился смерть принять. А тут откуда-то слева хлоп-хлоп-хлоп... И оне уж лежат все, родименькия, ножками сучат и угоманиваюца поманеньку.

Голос бородокосого прервался, но ненадолго. Ровно на столько, чтобы успеть проглотить очередную порцию пива. Я от него не отставал, скорее был даже впереди, все время рассказа не переставал прикладываться к кружке.

Количество выпитого постепенно стало переходить в качество, а урчание и визг одержимых, поначалу заставлявшие то и дело оглядываться, отступили на второй план. Потрескивающие угли догорающего костра, потягивающий от воды свежий ветерок и наполненный вкусами желудок пытались погрузить сознание в блаженную полудрему, а повествование бородокосого превратить в байку, рассказанную на отдыхе ради забавы. Но кусок пластика в сжатой до боли руке не позволял расслабиться. И даже, то и дело, подносимая к губам кружка была лишь попыткой успокоить скопившееся внутри напряжение.

— В опчем, выходят из-за деревьев четверо: две бабы и два мужика, хотя, каки мужики?! Сопляки зелёныя, до твоих годов дажить не доросли, пожалуй. И бабы тожить молодухи. Одна вопще соплячка, годика на два-три постаршей Настасьи нашей, вторая твоих годов, а можа и поболе, не понять. Сурьезная такая, глянет — аж мороз по коже. Вопще они все тама сурьезныя, хоть и зелёныя с виду, но энта... Я б с волотом раз на раз сошёлся без ничаго, чем супротив её с парой рубак, да при оружии.

— Это они тебе фотографию дали? — прервал я неторопливое повествование бородокосого.

— Энту вещицу что-ли?! — кивнул на кусок пластика крестный, — Оне, кто ж ещё?!

— То есть моя фотография уже давно у тебя, и ты знаешь людей, которые меня искали?! И только сейчас об этом говоришь?! — взволнованно проговорил я, вскакивая с места. От избытка эмоций в горле пересохло, а дыхание участилось. — Ведь это наверняка близкие мне люди, может даже кто-то из родных! А ты молчал!

— Да погодь, сядь, што вскочил! Дай досказать, там уж и будешь думать, близкие али родня. — размеренный голос бородокосого пусть немного и успокоил, но только самую малость. Бушевавшая внутри буря эмоций не стихла, лишь спряталась в тень, задвинутая волевым усилием.

Продолжая сжимать во вспотевшей ладони свое фото на пластике, до которого технологиям этого мира развиваться ещё не одно столетие, присел, кивнув крестному чуть рассеяно.

Рассказ продолжался.

— В обчем, говорила токмо энта, старшая. Прочие по сторонам стали дозором. Дала мне в руки энту вот... как ты сказывал... фоту. Не видал ли, спрашивает, такого вот добра молодца? А я, понятно дело, не видал. Тогда, говорит, коли попадеца он тебе, энтот вот мечишко ему отдашь. И есчѐ дала жемчужину белую. И добавила, што есче одну получу в награду, после того, как выполню обещаное, значица. Потом ушли оне и все. За все восемь неполных годков, што в улье живу, больше никого из их не видал. Попервой то мотался по иньшим краям с фотой энтой, да выпрашивал, но никто знать не знал про тебя и не видел.

Думал уж, што никогда и не найду. Дажить были думы про то, што все энто померещилося. Но фота энта и мечишко не были виденьями. Доселе обо всех делах энтих ни одной живой душе не сказывал. В опчем так и жил, пока тебя дозорныя не притащили. Вот и весь сказ.

— Тааак, меч ты мне отдал. — после того, как стихли последние слова бородокосого, посидел немного, осмысливая услышанное, после чего заговорил сам. — Значит, теперь они должны тебя вознаградить, отдать эту самую жемчужину. Но как они узнают, что ты сделал то, о чем просили, как поймут?

— Энто ты с мечишком чегой-то сделать должен, вроде как ты научен, што да как. Но погодим покамест. Што-то мне с самого с начала вся энта котовасия не нравица. Белый жемчуг за так не дают, недоброе тут, нутром чую.

— Ну жемчуг и жемчуг, белый и хрен с ним! — я крутил в руках меч, не особо вслушиваясь в суть произносимых крестным слов. Нужно было как можно быстрее разгадать загадку намертво заклинившего оружия. Для начала нужно просто-напросто вытащить его из ножен. Вряд-ли это будет чересчур сложно. Главное найти механизм, с помощью которого происходит фиксация.

— Эгей, крестничек, а ты и впрямь того! Это ж БЕЛЫЙ ЖЕМЧУГ!!! Понимаешь???

Вообще-то не понимал. Из вчерашних разговоров лишь сделал вывод, что жемчуг круче гороха и тоже добывается из одержимых. В основном из тех что достигли предельной степени развития. Оттого и ценится он неимоверно. Но то, что жемчуг бывает разных цветов, точно не слышал.

— Ага. Про энто тожить не помнишь и не сказывал никто. — Проговорил бородокосый, качая головой с пониманием, — Я то думал, Тимофей тебе все про улей успел досказать, вы ж с им трещали без умолку. Ну коли так, значица, слухай про жемчуг. Его с волотов и упырей берут, с кусачей тожить попадаеца, но очень редко. В одержимых два вида их бывает: черный и красный. Ими дары улья улучшают иль новые открывают, тама как повезёт. Красный подороже и действует лучшее, но и у чёрного цена ого-го.

— Погоди, ты сам говоришь, что только двух цветов они бывают. А тебе белую какую-то дали?!

— То то и оно! Белый жемчуг, энто... Энто чудо-чудное! Така диковинка, што не видел никто, не токмо у нас, но и в больших селеньях да городищах! Про него дажить и не всякий знат, а кто знат, сказкой щитают!

— И из кого его добывают? — оставил возню с мечом, замороженный скрипуче-серьезным голосом бородокосого, в котором даже проскакивали благоговейно-трепетные нотки, вещающего о каком-то местном подобии святого грааля. До сего момента я сомневался, что этого невозмутимого мужичка вообще можно было пронять какими-либо мистическими вещами.

— Знамо из кого! — крестный отвечал, но голос его, только что возвышенный и громкий, вдруг стих и даже какое-то недовольство в нем появилось. — Но не добыть её никак. Потому как... В обчем, об том не будем счас, примета дюже плохая. О таковском токмо на крепи сказывать можно, да и то лучшей не поминать лишней раз.

— Я понял про что ты говоришь. Мне Тимофей рассказывал. — увидев, как бородокосый нехотя выталкивает изо рта слова, вспомнил аналогичную ситуацию.

Тогда перепуганный парнишка, подрагивающим от страха голосом рассказывал о самых страшных существах, обитающих в улье, одно упоминание о которых может привести к большой беде. В тот раз после сказанного и впрямь начали происходить очень нехорошие

вещи. Так что не стал нарушать местные неписанные законы и произносить вслух запретные слова о Хозяевах улья.

— Эх, язык бы повыдергать болтуну энтому! Ну ничаго, Настасья с Тайкой будет, а энтот олух за ей увяжеца, как пить дать. Тута я ему и покажу, про што сказывать не можно!

Ну вот, ещё и Тимофею из-за меня влетит.

— В опчем, давай с тобой условимся, с мечишкой я тебе подмогну, но покамест ничаго с им не делай, а то и впрямь энти, которыя тебя ищцут, появяца. А у меня к им доверья нет. Пущай и подмогла мне та жемчужина дар развить, да не один, но недоброе от их чую. Дажить ради второй жемчужины не желаю с ими видица. Не знаю, откуда ты с ими знаеся, но не родня оне тебе, и не друзья дажить. Так што обождем покамест. Тайка придёт, глядишь, подмогнет одержимых отвадить, штоб за тобой гоняца бросили. А мечишко на крайний случай оставим. Добро?

— Добро. — не особо хотелось соглашаться на поставленное крестным условие, но пришлось признать его правоту. Хотя желание поскорей разобраться со скрытым в ножнах клинком было сродни укусу комара, который руки сами тянутся расчесать.

— Пока хранил его, успел и поперек и вдоль каждый кус, каждую завитушку проглядеть да прощупать. — говорил бородокосый, совершая какие-то манипуляции с мечом. Спустя пару мгновений прозвучал еле слышный шелчок и оружие перекечовало обратно ко мне. — Держи вот. За все энти годы токмо одну штуку на ём нашёл. Но оттого, што её отодвигаешь, мечишко из ножен не выходит, я пробовал и не раз.

Меч и ножны я рассматривал не раз и всегда восхищался их красотой. Какой-то искусный мастер украсил оружие прекрасной инкрустацией. В основании ножен, у самой гарды распускался затейливый растительный орнамент. Ближе к середине, среди тянущихся вниз и в стороны металлических ветвей были изображены четыре вытянутых плода разных размеров — сливы или что-то похожее. Только сейчас один из плодов, самый крупный, располагавшийся прямо по центру, был отведен в сторону на манер крышки дверного глазка, а на его месте красовалась скрытая доселе неглубокая впадинка овальной формы. На металле впадинки тоже были выгравированы узоры. Их я узнал сразу. Потому что невозможно было не узнать так реалистично изображенный отпечаток пальца.

Рука с вытянутым вперед большим пальцем, который больше всех подходил по размеру впадинки, сама потянулась вперед.

Сейчас узнаем, кто разыскивает людей столь странным способом. Кто целых семь лет ждёт весточки от потерявшегося в мирах и времени беспмятного меня. Четверо: двое мужчин, две женщины. Кто же они? Друзья или всё-таки враги? Какая разница, главное, что они могут приоткрыть наглухо запечатанную дверь в мое прошлое. Надоело бестолково тарабаниться в неё самому, получая в лучшем случае, какие-то неясные, ничего не поясняющие фрагменты. Нужно, наконец, понять кто я и почему здесь оказался? Ответ передо мной. Осталось только приложить палец.

— Пустой!

Окрик бородокосого вернул меня к реальности, заставил отдернуть руку, а меч со злостью отбросить в сторону.

— Все-все, больше не буду!

— Вот и не будь! Уж скоро Тайка придет, погодим.

Глава 6.

После выпитого и съеденного немного клонило в сон. Но при попытке подремать, в голове забрезжила куча вопросов, возникшая после полученной, за время разговора, информации. Их обдумывание ни к чему новому не привело, лишь добавило уверенности в том, что ответы скрыты в треклятом клинке. Оттого руки чесались вытащить его из ножен как можно скорее. Но обещание, данное бородокосому не позволяло этого сделать.

Время тянулось неспешно, уже давно перевалило за полдень, а обещанных гостей до сих пор не было видно. Успели ещё раз сплавать к правому берегу, где бородокосый прострелил головы жрачу и бегуну. Мне же пришлось все-таки выбраться на сушу, чтобы, под надзором крестного, вступить в схватку с оставшимся бегуном. В этот раз отмазка про отсутствие оружия не прокатила, для сражения мне был выдан топор.

Сам бой был каким-то быстрым и больше походил на расправу. Оставленный бородокосым бегун был медлительный и чахлый. После его неуклюжего замаха, от которого не увернулся бы только спящий, осталось лишь дважды рубануть тварь по черепушке и схватке конец.

Правда крестный результатом боя доволен не был, сказал, что бегун не должен был успеть замахнуться, а я должен был его в один удар свалить.

Оставшееся до прихода знахарки время провели добывая почти опустевший бочонок. Бородокосый занимался ремонтом покалеченных одержимыми стрел. Я сидел напротив, лениво цедя из кружки пиво и то и дело поглядывая на так и оставшийся валяться в стороне меч. Почему-то не хотелось его поднимать. Казалось, стоит взять оружие в руки, и уже не удастся удержаться от того, чтобы вновь попытаться вытащить клинок из ножен.

Крестный на мое безалаберное отношение к оружию ничего не сказал. То ли с пониманием отнесся к переполнявшим меня противоречивым чувствам. То ли, считал, что выполнив обещание и избавившись от многолетней ноши, больше не несёт ни за что ответственность.

— Дядь Прохор, а что за оружие было у этих? Как ты там говорил, хлоп-хлоп и все. Какие-нибудь винтовки с глушителем, угадал?! — перебирая в голове рассказанную крестным историю, вдруг понял, что тот упустил немало довольно важных деталей в описании случившегося. Одна из них — экипировка того странного отряда. По ней сразу можно будет немало понять. Ведь если у тех ребят есть доступ к современному оборудованию, на котором делают такую качественную и устойчивую печать на пластике, то, может быть, есть и возможность раздобыть лучшие образцы современного вооружения. Да хотя бы и не особо современного. Меня и старый добрый калаш устроит, главное, чтобы патронов побольше.

— Не знаю, што у тебя тама за витофки таки в голове. А у их самострелы были, да мечишки и топор тожить у одного, здоровенный с шипом на обухе, ну и по мелочи тама всякое. Самострелы, правда, чудные какийе-то, поменьшей, чем у нас делают. Да и тетива не одна дажить и всяко непонятно торчит из его. С виду несурьезныя какийе-то, но бьют так, што ого-го. Я ведь опосля того, как ушли энти, проглядел одержимых, которых оне побили. Все болты, значица, в голову попали, но в тех головах не задержались. Дажить у жрача во лбу дырка насквозь чрез всю голову, а у того башка покрепчей бегуновских.

Ничего не понимаю, ведь был практически уверен, что эта компания, как и я из будущего. А они, оказывается, тоже вон со средневековым оружием, пускай и немного мощнее местного.

— А одежда у них какая? — добавил, уже без особого энтузиазма.

— На одежду я особенно не глядел, да и как глядеть, коли всё под броней упрятано. А вот броня у их и впрямь добрая, богатая. С головы до пят все в ее, как в чешую закованы. Дажить сдалека видать, што непроста вещица. Токмо не ясно с чего...

Внезапный далекий звук, откуда-то выше по течению, прервал расхваливающего чужие доспехи бородокосого. Непонятный протяжный гул. Как будто что-то большое, даже огромное, какая-то циклопическая масса ухнула во внезапно образовавшуюся бездну. От нашего бивуака звук отделяло очень приличное расстояние, потому происходящие там процессы казались ещё более непонятными и пугающими.

Одержимые тоже заметно оживились, рычали вдвое громче обычного, метались у самой кромки воды. Некоторые даже заскакивали в речку. Кто заходил по колению, а кто и по пояс. Вели себя так, словно собрались, наконец, преодолеть расстояние, отделяющее их от желанной добычи.

— Это как жешь так то?! — Обернувшись на еле слышный, словно вмиг севший голос бородокосого, увидел, как тот торопливо натягивает тетиву. При этом руки его двигались самостоятельно, а взгляд был устремлен вдаль, откуда продолжал доноситься странный гул. — Токмо седмицу назад... и сизнова.

— Что случилось? — глядя на приготовления крестного и сам взялся за арбалет. Зацепил крюком тетиву, разогнулся, приводя оружие в боевое состояние. С сожалением заглянул в, практически опустевший, колчан.

— Вода ушла. Та сота, с которой тебя забрал, обновилась. Обнаковенно то вода не уходит, но раз в год, аль почаще случаетца такое. Тама сота на версту тянеца, сама река значица, мелет. А тут подле острова как раз не очень глубоко, так што и у нас счас уйдёт.

— И одержимые смогут до нас добраться?

— Смогут, пожалуй.

— Так чего стоим, давай в лодку и уйдем вниз по течению.

— Не, не поспеет. Дажить если на воду сойдём, нагонют по мели. Тута на полверсты счас по пояс будет.

Я потерянно глядел на наше судно, беспомощной колодой застывшее на берегу. До него было метров пятьдесят, да ещё и вниз по склону. Вмиг добежишь. Проблема была в другом. Лодка пришвартована к небольшому причалу, который всего минуту назад едва торчал из воды. Сейчас же он представал в полный рост, красуясь на солнце влажными, кое-где подгнившими, облепленными тиной опорами-бревнами. Пока отвяжем, пока дотащим тяжелую колоду до воды, пока загрузимся, пока наберем ход. Бородокосый сказал верно. За время, необходимое нам для всех этих действий, твари успеют догнать и разделить нас на порционные куски, превратив лодку в тарелку с мясной нарезкой.

Остров, выбранный нами, как самое безопасное место, оказался ловушкой. И очень скоро эта ловушка захлопнется.

Вода отступала на глазах.

Этот факт не укрылся от внимания одержимых. Точнее, они начали проявлять активность ещё раньше нас, едва только появился тот звук. Может быть, какое-то внутреннее чутье позволяет им определять глубину водоёмов?! Кто знает.

Часть тварей преодолела уже с десяток метров вперёд от своей первоначальной позиции, в основном это были находящиеся на начальных уровнях развития бегуны и жрачи. Видимо, с размером увеличивалась и сообразительность тварей. Такая теория вполне объясняла поведение не торопящихся лезть вперёд топтунов, кусачей и упыря. Наверняка, развившиеся зачатки интеллекта позволяли им прогнозировать дальнейшее падение уровня воды в реке, что позволит добраться до острова, не соприкасаясь лишней раз с ненавистной жижей. Но хоть и показывая способность проявить некоторое терпение, урчали и рычали чудовища не менее плотноядно, чем раньше.

Причём количество тварей заметно увеличилось, полтора десятка бегунов, среди них трое или четверо жрачей, насчёт последнего не до конца уверен, может бегун-переросток. Эти пугали своим количеством, но если бородокосый успеет повыбивать самых опасных до того, как они доберутся до острова, да я парочку сниму, пожалуй, и выстояли бы.

Главной проблемой было то, что за спинами младших тварей возвышались мощные туши их более развитых собратьев. Двое здоровенных кусачей, тройка топтунов, выделяющихся необычной, какой-то подсакивающей походкой и упырь, как будто всех вышеперечисленных нам было мало.

Один из бегунов, видимо самый нетрепливый или же просто самый тупой, рванул было вперёд, ушёл в воду по грудь, но потерял опору и, неуклюже взмахнув рукой, будто попросившись, погрузился полностью. Усиливающееся течение подхватило барахтающееся тело и потащило дальше.

Ну хоть плавают они и впрямь, как топоры.

Созерцание готовящихся к переправе тварей прервал хлопок тетивы. Пока разглядывал одержимых, бородокосый времени зря не терял. 60–70 метров, дистанция, конечно, не запредельная, но с моей меткостью при такой хотя бы в силуэт попасть, а для него это расстояние вполне приемлемое для прицельной стрельбы.

К неосторожному бегуну присоединился ещё один. У этого, правда, причиной внезапного заплыва была не рассеянность, а прилетевшая в голову белооперенная стрела. Этот даже дергаться не стал, ушёл под воду, словно подрубленный. Следующий отправился за товарищем, спустя пару мгновений, необходимых лучнику для выстрела. За ним в последнее плавание по стремительно мелеющей реке ушёл одержимый посерьёзнее — жрач. На него времени оказалось потрачено на пару мгновений больше. После первой стрелы тварь почему-то не захотела нырять, хотя попадание было удачное, древко торчало над ощеренной верхней губой, да и погрузилось на добрую треть. Но то ли у чудовища в этом месте не было жизненно важных органов, то ли ещё по какой-то причине, одержимый угомонился только после второй стрелы.

— Пустой, залазь на тот вона навес, он покрепчей будет. Токмо промеж бревен не ступай, тама стреха да солома, провалися. — проговорил бородокосый, не прекращая снижать поголовье тварей.

— Наверху сидеть, пока тебя тут одержимые будут убивать?! Не, дядь Прохор, если уж помирать, так вместе. — слова эти дались непросто, быть разорванным кучкой чудовищ не хотелось, но альтернативы не было. Даже если заберусь на крышу постройки, только ненадолго оттяну неизбежное. После того, как твари растерзают крестного, доберутся и до меня. Не знаю, как с этим обстоит дело у бегунов да жрачей, но кусачу или топтуну ловкости заскочить на не особо высокое строение труда не составит.

— Дурень, залазь, кому говорю! Я от их даром сберегуся, а тебя враз схарчат.

— На крайний случай у меня тоже дар есть, как опасно станет, сработает. Так что это тебе лучше наверх залезть, оттуда обзор лучше. Я буду тварей отвлекать, а ты отстреливать. Как тогда с кусачом. — Вспомнив свое чудесное спасение из-под опускающейся на голову лапы волота, попытался переубедить крестного. Хотя, честно говоря, полной уверенности в даре не было. Один раз спас, но неизвестно как часто он может срабатывать.

— Экий ты бестолковый, крестничек! На твой дар надежи нету, покамест знахарка не проглядит его как следует. А свой дар и уменье я знаю, не раз выручал и счаз сдюжить поможет, коли ты мешаца не станешь. Залазь, говорю!

Больше спорить не стал. Да и времени не было.

То ли обидевшись на безнаказанный расстрел младших собратьев, то ли признав уровень воды приемлемым для переправы, вперёд двинулась сильная половина отряда одержимых. И двинулась шустро. Причём никакой заботы о младших товарищах они не проявляли. Скорее даже наоборот. Проносья через изрядно прореженный строй "пехоты", "кавалерия" втоптала в зыбкое илистое дно нескольких случайно подвернувшихся под ногу бегунов.

Я, тем временем, спешно забирался на указанный бородокосым навес. Пришлось довериться словам крестного, хотя не мог представить, чем его телекинез, или "дар невидимых рук", как называл его Тимофей, поможет справиться с шестёркой могучих одержимых. Может у расстреливающего остатки бегунов лучника есть ещё какие-нибудь козыри в рукаве?!

— Болты сберегай, бей токмо если сзаду получица.

— У меня два штуки только.

— Вот и сберегай! — крикнув напоследок, крестный вдруг двинулся вниз, продолжая выпускать стрелу за стрелой в направлении приближающихся тварей.

Всё-таки лучник он был исключительный. В одиночку, за несколько минут перебил полтора десятка бегунов и жрачей, да ещё одному из топтунов что-то в опорно-двигательном аппарате повредил. Тварь серьёзно хромала и заметно отставала от двигающихся кучкой соратников.

Правда, несмотря на поразительные успехи и на время выведенного из строя топтуна, надвигающаяся пятерка могла устроить проблемы не только одинокому бойцу, но и хорошо вооруженному отряду умелых воинов.

Одержимые были уже под самым островом. Топкое дно и уровень воды, доходящий до пояса упырю, а топтунам по грудь, их немного тормозил, но остановить не мог. Ещё немного и чудовища выберутся на сушу. А там уже рванут во всю прыть, прямо на бородокосого, который зачем-то продолжал спускаться с вполне удобной для лучника позиции вниз по склону. То ли собирался ускорить неизбежную встречу, то ли... Не знаю, какие мысли заставляли невысокого мужичонку с примитивным оружием неспешно шагать прямо на пятёрку кровожадных машин смерти.

Перед следующим выстрелом бородокосый замешкался, немного дольше времени потратив на то, чтобы достать стрелу из колчана. Зато результат этих действий превзошел все предыдущие успехи.

Упырь — самый опасный из присутствующих здесь одержимых, резко прервал свой бег, будто споткнулся. При этом разогнавшуюся тушу понесло в сторону, прямо на, неотступно двигающегося рядом с лидером, кусача. От чудовищной силы удара оба покатались по берегу, взметая в воздух кучи песка. Но кусач на ноги вскочил, а упырь так и остался лежать,

конвульсивно подергивая конечностями.

Бородокосый использовал единственный оставшийся козырь против хорошо защищённых тварей — заговоренную знахаркой стрелу. Использовал с максимальной пользой, уничтожив самого опасного из одержимых. Но, что он собрался делать с остальными, до сих пор оставалось неясным. Но совсем скоро станет известно. Не больше пяти секунд нужно вырвавшемуся вперёд остальных кусачу, чтобы смести застывшую посреди склона маленькую фигурку крестного.

Кстати, лук бородокосый отбросил в сторону сразу после удачного выстрела по упырю. Теперь в руках у него были зажаты топорик и длинный кинжал. Этим он собрался убивать топтунов и кусачей?!

Хотелось броситься на помощь, закричать или, на худой конец, зажмуриться. Но ничего из этого я не сделал. Просто застыл, скрипя зубами и до боли в пальцах сжимая арбалетное ложе. Взгляд немигающих глаз уперся в разворачивающееся внизу действие.

Кусач прыгнул вперёд, не добежав пары метров до жертвы. Огромная туша, наверняка не меньше полутонны весом, всей своей массой обрушилась на застывшую фигурку, на фоне страшной твари показавшуюся совсем маленькой и беззащитной.

Крестного унесло в сторону.

Но не от удара. Одержимый вообще не успел его коснуться. Неведомая сила подхватила тело и резким рывком убрала с пути разогнавшейся туши чудовища. После этого, та же сила бросила тело дальше, чуть ли не под ноги следующей твари — одному из топтунов.

Дальше произошло событие, не вписывающееся вообще ни в какие логические рамки.

Топтун, вместо того, чтобы разорвать на части оказавшегося в пределах досягаемости, человечка, застыл на мгновение, после чего развернулся и с ревом бросился на подбегающего сзади собрата. Сцепившиеся топтуны покатались по песку, а бородокосый "взлетел" вверх. И вовремя. Кусач, добыча которого, в прямом смысле слова, ускользнула из-под самого носа, успел развернуться и вновь броситься в атаку, но вновь не поспел за излишне шустрой жертвой.

Второй кусач, тот, которого сбilo тушей убитого упыря, уже оклемался от случившегося и тоже спешил поиграть в догонялки.

В мою сторону пока никто не смотрел, топтуны были заняты друг другом, кусачи гонялись за добычей, причём и те, и те частенько оказывались ко мне спиной. Оставалось выбрать удобное время для выстрела. Не факт, что попаду в какой-нибудь жизненно важный орган, но сидеть без дела тоже не дело. А два болта — это два выстрела.

Мишенями выбрал кусачей, они и останавливались чуть чаще и крестного пытались достать. Неизвестно, насколько у него хватит этого необычного, позволяющего левитировать, дара. Стоит "пропеллеру" отказать, и никакая ловкость уже не спасет.

Бородокосый видимо тоже это понимал и, в последние моменты ускользая от когтистых лап тварей, заставлял их подставлять под выстрел более уязвимые места.

Прильнув щекой к неожиданно холодному дереву арбалета, глядел на заостренный конец болта, рисующий невидимые зигзаги на широких спинах кусачей. При этом молил бога, всех святых и смастерившего оружие умельца, чтобы выстрел удался. Пускай хотя бы повредит что-нибудь важное у одной из тварей, чтобы снизить их поистине звериную ловкость и дать нам мааленький шансик выжить в этой заварухе.

Раздавшийся стук спускового механизма оказался неожиданно громким, тем более болт выпустил как-то наспех, толком не целясь. Даже не успел сообразить, зачем тяну за скобу.

Непонятный внутренний позыв заставил выстрелить настолько поспешно, что уже собирался начать отчитывать себя за бездарно потраченный болт, но взглянув на результат, приятно удивился. Очень удивился.

Опаснейшее создание, только что застывшее на миг перед очередным рывком за желанной добычей, дрыгалось и скребло лапами землю, уткнувшись мордой в траву. Из затылочного нароста победным штандартом торчал самый краешек болта с оперением.

— Молодчина, Пустой! Так их! — от внимания крестного не ускользнуло произошедшее, несмотря на то, что он то и дело перемещался стремительными рывками, вверх-вниз и в стороны.

Свалил кусача! С пятнадцати метров! Не иначе мои молитвы дошли по адресу, ничем другим объяснить подобную удачу не могу. Хотя, что-то внутри ведь заставило выстрелить именно в нужный момент. И это точно не был холодный расчёт, скорее какое-то подобие интуиции. Может, она и со вторым болтом поможет?!

Воодушевленный случившимся, зарядил арбалет последним болтом. Вновь отдал дань врождённому человеческому суеверию, повторно помолившись. Свел вместе три точки: свой взгляд, наконечник болта и спину гонявшейся за крестным твари. Теперь оставалось подловить кусача в момент кратковременной остановки. Надеюсь, интуиция, так замечательно сработавшая при первом выстреле, поможет и сейчас.

Но узнать, поможет или нет, было не суждено. Увлёкшись ожиданием подходящего для выстрела момента, надвигающуюся опасность заметил лишь в последнее мгновение. Зрение уловило движение на пределе видимости.

Пока две твари, рыча и повизгивая, рвали друг друга где-то в стороне, а бородакосый и я были заняты кусачами, позабытый всеми хромой топтун, подстреленный в самом начале переправы, наконец добрался до места действия. За прошедшее время одержимый как-то восстановил поврежденную конечность. Ничем другим объяснить тот факт, что именно сейчас он головокружительным галопом неся прямо на занятый мною навес, было нельзя.

Стремительный разворот. Наугад пущенный болт улетает в направлении мчащейся фигуры твари. Обратный разворот и прыжок вниз. Ставший бесполезным арбалет отброшен в сторону. Ничто не должно мешать улепетывать от разъяренного чудовища.

Несмотря на то, что навес не отличался высотой, приземление вышло жестким, пускай и смягчил его перекатом. Но обращать внимание на отбитые ступни времени не было. Рванул вперёд со всей возможной скоростью. Бежал не просто так, а к вполне определённой цели, к мечу, так и брошенному, впопыхах, рядом с прогоревшим костром. Но останавливаться там не стал, лишь чуть сбавил темп, подхватывая валяющееся на земле оружие.

Грохот и треск ломаемого дерева возвестил о том, что не отличающееся основательностью строение не выдержало веса заскочившей на него туши.

Обернувшись на бегу, увидел, как одержимый, яростно урча, выбирается из-под обвалившихся на него балок и стропил.

Ну и хорошо, пускай небольшая, но фора!

Тут же вспомнилось первое знакомство с одержимыми, когда удирал от кусача, словно заяц, петляя по поселковым закоулкам. Жаль на островке толком нет строений, среди которых можно было бы затеряться.

Стараясь не снижать скорость, завозился с мечом. Сдвинул в сторону крышечку, приложил большой палец к выемке. И чуть не споткнулся, ошарашенный эффектом,

вызванным столь незначительными манипуляциями. Из-под пальца вдруг полился зеленоватый свет, а клинок легко выскользнул из ножен, стоило лишь потянуть за рукоять. На нем тоже что-то светилось. Правда, останавливаться, чтобы как следует разглядеть что именно, было некогда. Позади отчетливо раздавался перестук. Куче обвалившихся бревен не удалось задержать топтуна надолго.

Земля под ногами пошла под уклон. Бежать стало легче, но через двадцать метров суше приходил конец. Получается, весь остров от края до края пересек. Здесь и придётся дать бой топтуну. Причём бой короткий и с предсказуемым финалом. Хотя нет, возможных вариантов финала все-таки два: в первом кусач быстро разделяет мою тушку на фарш, во втором, вновь сработает тот непонятный, спасающий от гибели дар, и я опять окажусь в воде.

Видимо, механизм способности переносит в ближайшее безопасное место. А где вероятность встречи с одержимыми минимальна? Естественно, в воде.

Конечно, полной уверенности в повторении чудесного спасения не было. Просто это единственное, на что оставалось надеяться. Бородокосый на помощь не придёт. У него там и без моего топтуна одержимых хватает. А вероятность выйти победителем в ближнем бою против топтуна равнялась нулю. Тварь превосходила не только весом и силой, но и о её ловкости и скорости мне можно было только мечтать. Да и шкура наверняка толстая, даже если успею ткнуть мечом, не факт, что пробью. Удары наносить нужно куда-нибудь в шею, под мышку, а лучше всего в затылок — гарантированный результат. Хорошо было бы твари споткнуться, стукнуться головой и потерять сознание. Хотя бы на пару секунд — мне бы хватило.

Но споткаться чудовище, к сожалению, не собиралось.

Обо всём этом думал, пока бежал. Теперь остановился на самом краю островка.

Дальше было оголившееся илистое дно и мель, протянувшаяся по руслу ещё метров на триста.

Стоял, дожидаясь поотставшую тварь с мечом в руке.

Кстати, то самое свечение исходило из расположенного посередине клинка отверстия. В нем и находился источник иллюминации. Им оказалась какая-то пластинка овальной формы. Быстро разгоревшись зеленоватым светом, пластинка также быстро и потухла, после чего сразу же осыпалась серой пылью.

Непонятно, что это было за свечение, что за пластинка. Да и некогда осмысливать. Вновь вернувшись к топтуну хромота и так дала лишнее время, чтобы разглядеть как следует происходящие с мечом метаморфозы.

Теперь оружие превратилось в обычный клинок, единственной странностью которого было сквозное отверстие овальной формы прямо посередине лезвия.

А чудовище вновь припадало на покалеченную ногу. Обломок стрелы торчал из внутренней стороны его бедра. Сам наконечник ушёл куда-то глубже, в область колена. Моего, пущенного второпях, болта на теле твари видно не было, либо не попал, либо толстая шкура спасла.

Ну зато, хоть хромота вернулась. Хотя радоваться рано, всё равно с моим навыком владения мечом рассчитывать нанести серьёзный урон чудовищу не стоило. До этого момента, всё же надеялся, что вытащив клинок из ножен, почувствую что-нибудь этакое. Что какие-то позабытые навыки хотя бы частично вернуться, может сработает память тела и оружие вдруг станет продолжением руки. Но нет, рукоять по-прежнему чувствовалась в ладони неудобным и незнакомым предметом.

Ну и хрен с ним! Сейчас кинусь вперёд и буду рубить и колоть, пока смогу. Хоть какой-то урон нанесу, глядишь, крестному потом останется просто добить тварь. А я?! Ну что, умру я. Жаль, конечно, что не узнаю о своём прошлом, кто я на самом деле и кем мне приходились те ребята, что меня по фото разыскивали. Ничего не поделаешь.

После этих размышлений на душе вдруг стало легко и спокойно. Страх ушёл. Вообще все чувства куда-то исчезли, оставив внутри лишь пустоту. Может быть, эмоциональный перегруз, и раньше державший нервы на пределе, достиг апогея, и, от греха подальше, отключил отвечающий за чувства орган. Не знаю, чем ещё можно было бы объяснить образовавшийся внутри абсолютнейший штиль. Но даже эти размышления уплывали на периферию сознания и гасли, сметенные подавляющей всё пустотой.

Внезапно хлынувшие в голову мысли-образы заполнили разум, освобожденный от лишних дум. Старые добрые знания в виде событий, мест, голосов и лиц хлынули в голову неостановимым потоком. Сознание воспринимало их удивленным узнаванием, непонятно было, как обо всём этом можно было забыть?! Ведь всё это было неотъемлемой частью самой моей сути. Ощущение было такое, будто все время, пока находился здесь, был каким-то ущербным калекой. И теперь, наполненный вернувшимся прошлым, почувствовал, наконец, что значит по-настоящему быть собой.

Пришедшей извне сигнал предупредил об опасности. С трудом выдирая увлеченное внутренним созерцанием сознание, открыл глаза.

Когда это я успел зажмуриться?!

Но вспоминать об этом незначительном моменте было незачем. И некогда. Топтун был уже рядом и замахивался своей страшной лапицей. На ответную реакцию оставались считанные доли секунды.

Нырнуть под летящую к голове конечность, в то же мгновение перебрасывая меч в левую руку.

Локоть твари взъерошивает волосы на макушке.

Следующий шаг с резким разворотом.

Разогнанный инерцией тела и приложенной к нему силой, клинок с хрустом врубается в затылок чудовища.

Не тратя времени на вытаскивание меча, буквально вбитого в голову одержимого, отпускаю рукоять, отскакиваю дальше.

Недостаточно быстро. Удар агонизирующей твари настигает в движении. Ещё и отбрасывает в нужном направлении.

Но все это уже не важно. Топтун повержен. Победа!

Глава 7.

Так внезапно вернувшиеся воспоминания требовали сосредоточить на них внимание, принять и осмыслить, но до краев наполненное адреналином тело желало дальнейших подвигов, да и крестному стоило бы помочь.

Шагнул к распростертой на песке туше, собираясь выдернуть меч, ухнувший в затылочный нарост на половину длины. Однако ногу, что до сих пор служила надежной опорой, вдруг повело, словно из нее вытащили все кости. Не удержавшись, упал на колени. Кое как оперся на руки, которые внезапно тоже наполнила предательская слабость. Да что такое?!

Опустив взгляд вниз, едва сумел сдержать крик. Куртка из плотной кожи, способная, пожалуй, сдержать скользящий удар мечом, оказалась бессильной против лопатообразных когтей топтуна. Весь правый бок разорван, но это так, мелочь. А вот то, что вместе с кожаным доспехом, удар могучей лапищи наполовину вмял, наполовину снес часть грудной клетки, было уже серьёзно. И страшно! Вывернутые наружу обломки рёбер торчали в обрамлении исходящих кровью мышц и расползшихся лоскутов кожи. Моей кожи!

Видимо организм, накачанный адреналином и окрыленный эйфорией от победы над топтуном, отключил нервные окончания. Лишь это могло объяснить полнейшее отсутствие боли при получении ранения.

После увиденного, силы окончательно меня покинули. Остатков их хватило лишь отклонить назад, отказывающееся подчиняться, тело и упасть не на живот, а на спину.

Выходит, предсмертный удар, которым достал меня одержимый, оказался далеко не безобидным, как показалось сначала. Рана серьёзная, причём серьёзная настолько, что смерть становится лишь вопросом времени, причём очень короткого его отрезка. Не знаю, способны ли, полученные в Улье, лекарские умения лечить подобные раны, хотя у местных на этот счёт сомнений не бывает. Но если через пять-десять минут обещанная крестным знахарка не прибудет, лечить будет уже некого.

К заблокированным нервным окончаниям вновь вернулась чувствительность, отчего организм в один миг погрузился в бездонный океан боли. Время в нем шло иначе, каждая секунда могла превратиться в минуту или час, а могла казаться вечностью. Бытие обратилось растянутой в пространстве и времени мукой, и эта мука длилась и длилась. Вплоть до того момента, как появился звук.

Шелест сминаемого подошвами песка сообщил о приближении живого существа. Крестный или один из одержимых? Если второе, то вряд ли кто-то серьёзнее жрача, больно уж шаг легкий. Хотя, в моём состоянии без разницы. Даже самая жалкая из тварей представляет смертельную угрозу.

— Пустой! — запыханный голос бородокосого развеял сомнения. — Пустой, да как же ж так-то?! Погодь, под голову счас подкладу.

Разлепив веки, внезапно ставшие чужими и непослушными, увидел склонившегося крестного. Во взгляде серо-стальных, устремленных на меня глаз, явственно читался испуг. Неудивительно, полученные увечья и впрямь страшны до такой степени, что можно лишь поражаться живучестью раненого.

— Дядь Прохор, я топтуна завалил! — попытался произнести слова бодро и весело, но

получилось неважно. Голос прозвучал еле слышно и хрипло, будто запись, проигранная на старом магнитофоне с посаженными в ноль динамиками.

— Вижу-вижу, молодца, Пустой! — покивал бородой крестный, подсовывая мне под голову обмотанный тряпками шлем.

— Ты всех перебил?

— Всех, всех. Тихо, не балаболить попусту, покой тебе нужен!

— Да нормаль... — попытавшись выдать из себя очередную фразу, вдруг закашлялся, после чего во рту стало излишне мокро и солёно.

— Тихо, Пустой, не шевелись. Силы береги, Тайка вот-вот уж должна подойти. Я тебе подмочь не могу ничем, энтакую дыру и не закроешь толком. — крестный говорил, а сам рвал какие-то тряпки, обкладывал ими края раны и снова говорил. — Энто ничаго, Тайка всё залечит, у ей лекарский дар силы невиданной, таки, как она, знахари, наперечет! Ты токмо потерпи маненько, дождись уж ейного приходу. Добром всё кончица, коли ее...

Раздавшийся крик сильной твари прервал успокаивающую речь бородокосого. Ей в ответ проурчали ещё несколько одержимых. Обернувшись на звук, крестный прекратил перевязочные манипуляции. Опустил руки. Сел рядом. Вздохнул тяжело.

— Всё, крестничек, конец сказочке.

— Кто... кто? — прохрипел, пытаясь повернуть голову в сторону раздавшихся звуков.

— Волот с парой дружков-кусачей. Да лежи ты, лежи, не шевелись! Счас оне чрез брод перескочут и поглядишь.

— Так ты... беги... успеешь... я то уж...

— Не, крестничек, не уйти мне. И последний бой дать нечем. Дар кончал весь, стрел маненько найдеца, так оне от их и не почешуца дажить.

— Как же... — с каждым словом говорить становилось все труднее, голова шла кругом, а сознание то и дело пыталось покинуть слабеющее, с каждой минутой, тело.

— Держи вот нож, коли помирать, так с оружием в руке. — В, частично онемевшую, потерявшую чувствительность ладонь, легла твердая и шершавая рукоять. — Прощевай, Пустой!

— Прощай... дядь Прохор! — последние слова вышли на удивление легко. Окончательно потеряв надежду на спасение, почувствовал облегчение, а на душе разлилось безмятежное спокойствие.

В следующую секунду, твари, перебравшиеся через реку, показались во всей своей ужасающей красе. Впереди несся волот. За ним, чуть поотстав, двое кусачей. Волот, кстати говоря, был заметно меньше той твари, с которой повстречался в посёлке, не больше трёх метров в высоту. Но легче от этого не стало.

Фокусировать зрение было проблемно, картинка то и дело мутнела, а неподъемные веки, в открытом состоянии, вообще держал каким-то чудом. Может быть поэтому новые действующие лица, появившиеся на самой периферии видимости, сначала принял за обман зрения или галлюцинации.

Отсвечивающий зеленым круг, метров трех в диаметре, неожиданно вспыхнул прямо в воздухе, над склоном, где-то метрах в двадцати, недалеко от остатков навеса, разрушенного топтуном. Портал?! По краям круга скользили зеленоватые переливы, а в середине клубилось туманное ничто. Из этой, скрытой парящей пеленой, неизвестности, одна за другой начали выскакивать фигурки, облаченные в серое.

Долго раскачиваться выбравшиеся из портала люди не стали, сходу вникнув в

происходящее, также резво начали на него влиять.

— Сет, стопь их!

— Не достану.

— Никакого от тебя толку!

После короткого обмена репликами, появившаяся первой высокая фигура с места рванула наперерез одержимым. И, судя по невероятной скорости, имела все шансы их опередить. Остальные подняли оружие, судя по зазвучавшим хлопкам, арбалеты и начали осыпать стаю тварей болтами. Правда, попаданий было немного. Чудовища неслись с приличной скоростью, а стрелять приходилось сбоку, с расстояния метров в сорок, при этом учитывая упреждение на стремительно перемещающихся целях. Помимо этого, кто-то из оставшихся у портала отправил вслед за болтом какой-то светящийся шар. Летел он медленнее, зато на порядок точнее, да и результат при попадании в одного из кусачей был хорош — тварь упала подрубленным деревом и вставать не торопилась. Второму кусачу тоже не удалось достигнуть цели. Один из удачно пущенных болтов повредил ногу, после этого, замедлившийся одержимый стал лёгкой мишенью для арбалетчиков.

Волоту оставалось преодолеть меньше десятка метров, чтобы растерзать нас с крестным, безмолвно наблюдающих за стремительно разворачивающимся событием, когда высокая фигура преградила дорогу твари. На фоне трехметрового чудовища, выглядевшего, словно живая машина смерти, наш нежданный "защитник" смотрелся жалко и обречённо. В дополнение ко всему, руки у, облаченной в серое, фигурки были абсолютно пусты, что лишь добавляло уверенности в сумасбродности поступка. Непонятно, на что этот шустрый бегун надеялся, выходя безоружным против трехметрового чудовища?! Зато понятным становится другое — теперь, вместо двух жертв, волоту достанутся три.

Тварь была уже так близко, что почти нависала над замершим, словно окаменевшим от страха, защитником.

Глаза так и норовили закрыться, но уже не от слабости, одолевающей находящийся на грани организм, а от нежелание смотреть на сцену кровавой расправы. Но любопытство и теплящаяся глубоко-глубоко внутри, едва ощутимая искорка надежды, заставляли продолжать наблюдение за происходящим. Ведь не мог этот неожиданно появившийся защитник встать на пути одержимого лишь для того, чтобы глупо умереть в лапах твари, оттягивая нашу гибель на десяток жалких секунд.

Волот начал заносить свою лапищу для смертельного удара, но и его противник не зевал, тоже повел рукой снизу-вверх, зеркально повторяя движение чудовища. Не знаю, показалось мне или и впрямь что-то такое было, но во время этого ответного взмаха, прямо перед движущейся ладонью, возник едва заметный отблеск, словно луч света по стеклу скользнул.

После этого фигурка стремительным прыжком ушла в сторону от надвигающегося одержимого.

Сама тварь покатила дальше, но уже частями. Безобидный взмах ладонью рассек пополам тушу чудовища, закованную в природную броню, которую, наверняка и автоматная очередь не пробьёт. Причём эта самая ладонь даже не коснулась рассекаемой материи. Во время проделанного движения до одержимого было не меньше полутора метров.

Очередная, дарованная ульем, суперспособность. Повезло её обладателю. И нам повезло, что этот обладатель так вовремя оказался рядом. Но удивляться невероятно сильному дару и чудесному спасению сил не осталось. Сознание отправилось в свободный

полет, оставляя в покое бесполезное, растратившее остатки жизненных сил, тело.

Темнота... Прекрасная и беспечная! Она освобождает от необходимости производить какие-то действия, даёт возможность отринуть все мысли и чувства, позволяет просто замереть, застыть в умиротворенном состоянии абсолютного стазиса, превратиться в ноль и раствориться в великой пустоте безвременья, что была, есть и будет во веки вечные.

Но долго наслаждаться этим замечательным состоянием не удалось. Кто-то неизвестный, пришедший откуда-то извне, грубо ухватил расслабившееся в блаженной прострации сознание и выдернул его обратно в жизнь.

Свет... Отвратительный и навязчивый! Он бьёт в лицо, пытается пробиться сквозь сомкнутые веки, не даёт покоя, тревожит, расталкивает, заставляя шевелиться и вновь ощущать невыносимую боль в, вернувшем чувствительность, теле.

— Пустой, ты энто... живи уж! — взволнованный голос бородокосого доносился словно откуда-то издалека, но с каждым произнесенным словом становился всё чётче и яснее. Вместе с ним возвращались и прочие звуки: плеск волн, скрип песка, сминаемого подошвами. Причём последних было с избытком.

Открыв глаза, убедился, что увиденное не было галлюцинацией, а народу и впрямь прибавилось. Прямо над головой, то и дело появлялось миловидное личико совсем юной девушки. Сначала по ошибке принял ее за, неизвестно когда успевшую появиться, Настасью, но сфокусировав взгляд, понял, что обознался. Слева замерли трое: высокая черноволосая женщина средних лет, худой парень неопределённого возраста и крестный, собственной бородатой персоной. Ещё и справа кто-то переминался с ноги на ногу, что-то бурча себе под нос. Поворачиваться, чтобы рассмотреть бурчащего, не стал. Любое движение вызывало вспышку боли, от которой темнело в глазах и казалось, что сквозь грудную клетку продели металлический крюк, и шевелят им из стороны в сторону.

— Ожил, родименький! — вновь подал голос бородокосый.

— А куда он денется?! У Алиски и не такие оживали! — хихикнул худой.

— Всё, вытащила. — подтвердила, склонившаяся над головой, девчушка, которая, по-видимому, и была Алисой. — Но долго его не продержу, надо срочно делать реконструкцию и все сращивать, а то опять реанимировать придётся. Выключаю его.

— Нет. — резкий голос черноволосой заставил всех присутствующих обернуться, а крестный, по-моему, даже дернулся от внезапного выкрика. — Он после этого не один час проваляется.

— Тогда хотя бы спек вколю.

— И спека не надо. Мне он трезвый нужен для разговора, а времени ждать нет. Местную анестезию сделай и сращивай.

— Да какую местную?! Тут половину тела замораживать надо!

— Значит так лечи. Потерпит. Времени нет. Начинай. А вы подержите его. — Последние фразы были обращены к прочим, оставшимся без дела, подчинённым. А то, что все прочие и впрямь были для темноволосой подчинёнными, сомнений не вызывало. Она и говорила, как лидер, короткими, рубленными фразами, словно приказы отдавала. И, судя по молчаливому согласию остальных, имела на это полное право.

— Потерпите, будет больно. — словно извиняясь, сочувственно прошептала Алиса.

После того, как остальные, обступив безвольное тело, придавили руки и ноги к земле, юная лекарка взялась за дело. Полуприкрыв глаза, опустила маленькие ладошки возле раны и, немного надавливая, пошла пальцами по краям. При этом начала потихоньку дуть, словно

пытаясь успокоить боль, вдруг начавшую усиливаться, хотя раньше казалось, что дальше уже некуда.

— А-а-а-а а!!! Ъььььььь!!! — сдерживать рвущийся наружу крик больше не было возможности. Крик выходил сам собой. Крик оказался тем единственным, что могло хоть немного облегчить эти, поистине адские, муки. Ощущение было такое, словно прямо внутри грудной клетки развели костер. И с каждой секундой этот костер разгорался всё сильнее.

Опустил взгляд, рассмотреть, что за действия вызывают столь сильную боль. Лучше бы не смотрел.

Сам вид частично развороченной грудной клетки был ужасающе страшным. Но видеть, как под небольшими ладошками, распростертыми над раной, поврежденные ткани начинают шевелиться, стягиваться и обрастать потерянными фрагментами, было вдвойне ужаснее. Кисти рук девушки едва заметно светились и всё, на что этот свет ложился спешило принять свою нормальную форму: рассеченные мышцы соединялись, порванные сухожилия стягивались, перебитые сосуды тянулись друг к другу, торопясь стать единым целым. Правда из не успевающих затянуться разрывов то и дело брызгала кровь, но в остальном операция по чудесному исцелению шла хорошо. Главное, поскорее отвернуться, не смотреть на всё это действие, иначе с ума можно сойти. Ну и боль куда-нибудь деть. Только вот куда?

— Алиска, давай аккуратней! — недовольно пробормотал широкоплечий здоровяк с грустным оплывшим лицом, морщась от брызнувшей на щеку крови. Видимо, это он бормотал в стороне, когда меня привели в чувство.

— Куда гонишь? — к критике присоединился тощий, хотя на него ни капли не попало.

— Держите молча. Не мешайте ей. Это просто кровь. Не растаете. — вместо занятой делом лекарки ответила темноволосая, причём в своей обычной манере, пресекая на корню зарождающееся недовольство.

Продолжился ли диалог дальше, узнать мне было не суждено. Внезапно раздавшийся громкий хруст переключил градус боли сразу на десяток делений вверх. В глазах потемнело, дыхание перехватило, а сотрясшие тело спазмы выгнули тело дугой, несмотря на навалившихся ещё сильнее "медбратьев".

На периферии видимости мелькнуло лицо бородокосого, бормотавшего что-то успокаивающее. Оказывается, он тоже участвовал в фиксации "оперируемого". Неизвестно, что именно он пытался сказать — слух отрубил. Но это и неважно. Организм, не в силах больше переносить мучительную боль, наконец, решил дать перерыв истерзанным нервным окончаниям и отключился.

Отдых в блаженной пустоте. Что может быть лучше...

Глава 8.

Пустота присутствовала повсюду. Она обволакивала снаружи и наполняла изнутри, проникала в каждую клеточку, превращая любое отличное от неё явление в такую же пустоту, темную и беспросветную.

Но, как известно, нет ничего вечного. Вот и пустоте не удалось нарушить этот непреложный закон.

Вынырнувшее из небытия сознание сходу включилось в работу, отвоевав у пустоты пространство, необходимое для функционирования. Правда, до конца извести покусившуюся на вечность субстанцию не удалось. Она осталась рядом, терпеливо дожидаясь, когда вернувшееся к жизни сознание вновь отправится в небытие.

Ещё толком не придя в себя, начал осмысливать так неожиданно вернувшиеся воспоминания. Причём, восстанавливая последовательность событий, на ум вдруг пришла мысль, что именно воспоминания способствовали той победе над топтуном, до последнего казавшейся невозможной. Может быть вместе с мыслеобразами и картинами из прошлой жизни вернулись и какие-то способности. Кто знает?!

Но, каково же было удивление, когда вместо воспоминаний наткнулся на, уже почти ставшую привычной, пустоту.

Повторная инвентаризация содержимого хранилища памяти и предельное напряжение серого вещества не дали никаких результатов. Неожиданно вернувшееся прошлое, также неожиданно и резко растворилось в пустоте, полностью заполнившей сознание.

Самое неприятное, что от кратковременного возврата воспоминаний не осталось и следа. Всего мгновение назад они казались такими понятными и родными и вдруг исчезли полностью. В один миг.

— Поднимай его. Давай! — внезапно вернувшийся слух прервал дальнейшую ревизию ментального содержимого черепной коробки.

— Лучше бы ещё полежать, рану затянула, но нужен покой.

— Поговорю с ним. Потом вколем спек. Там пусть хоть до утра отдыхает. Поднимай.

Два голоса, оба женские. Один грубовато-резкий, другой наоборот спокойный, мелодичный. Нетрудно было догадаться, что первый принадлежит темноволосой лидерше отряда, а второй лекарю с именем Алиса, с поистине волшебным даром исцеления, за который любой хирург, не раздумывая, отдал бы все свое имущество и полжизни в придачу.

Прежде чем начать двигаться, прислушался к ощущениям. Разрывающая на части боль ушла. В месте ее сосредоточения осталось лишь странное, неприятное чувство чужеродности, словно вместо куска своей собственной плоти какой-то протез пришили.

Открыл глаза, приподнял голову. Оказалось, что по самую шею укрыт тем самым покрывалом, которое заменяло нам с крестным стол. Резким движением откинул ткань в сторону, торопясь увидеть, что за протез установили вместо моего родного мяса и костей.

Торс по пояс оголен, видимо остатки разорванной когтями рубахи срезали после операции. На месте ужасной раны, разорванной грудной клетки и торчащих в стороны обломков ребер, светло розовым выделялось большое пятно словно выращенной заново кожи. Никаких швов, никакой воспаленности и никакого протеза.

Провел рукой по невероятно гладкой, словно у младенца, коже. Прощупал выступающие

мышцы, кости — всё на месте, как будто и не было той страшной раны. Только вот ощущение чужеродности никуда не делось, заставляя повторно ощупывать грудную клетку, восстановленную чудесным даром.

— О, пока вы тут спорили, он сам проснулся! Приветствуйте нашего родного Тичера! — стоящий рядом тощага захлопал в ладоши, сопровождая аплодисменты дурацким хохотом.

— Рот закрой! Клоун! — прикрикнула на него темноволосая.

— Потихоньку, резко не поднимайтесь. — подскочившая Алиса подхватила под руку, помогая встать.

Поблагодарил её кивком головы, хотя помощь была излишней. Едва начав шевелиться, понял, что движения не доставляют никаких негативных ощущений. Ни боли, ни слабости. Самочувствие на высоте, словно проснулся ранним солнечным утром, хорошенько выспавшись.

— Ну ты как, Пустой? — крестный подошел, улыбаясь всей своей бородой, при этом крепко хлопнул по плечу, словно проверяя качество выполненной лекаркой операции.

— Отлично, дядь Прохор, как новенький! Самому не верится!

— И впрямь! Дар у знахарки этой дажить лучшей Тайки нашенской! И в сам час оне на подмогу-то...

— Хватит. Успеете наговориться. — темноволосая шагнула поближе, бесцеремонно вклиниваясь в разговор и оттеснив в сторону словоохотливого бородокосого. — Сейчас о деле. Твой приятель уже рассказал нам кое что. Пока ты спал. Но и ты расскажи.

— Он мне не просто приятель, а ещё и крестный. — ответил, поплотнее натягивая на плечи накидку. — Рассказывать особо нечего, в памяти сохранились только последние двое суток. Не помню ничего с того момента, как очнулся в реке, чуть не утонул в ней, потом местные приютили, потом было нашествие одержимых...

— Стоп! Твой крестный?! Серьёзно?! — темноволосая спрашивала, пристально вглядываясь в лицо, словно сомневаясь в правдивости ответов. — Ты тоже зараженных одержимыми называешь?! Значит и про Стикс не помнишь?! И нас не узнаёшь?! Как в прошлое попал?! И зачем?

— Стиксом вы Улей называете?

— Да. Значит, не помнишь?

— Не помню вообще. Как раз у вас и собирался обо всём этом узнать.

— Хм... интересно! А с умениями что? Приятель твой сказал, что у тебя только два умения. Но рассказать о них не успел.

— Ну да, вроде как два. Первое — полезное, вчера мне жизнь спасло, из-под лапы волота перенесло в реку.

— Стоп! Что за волот?

— Вон лежит, — указал я на располовиненное чудовище, так и оставшееся валяться на песке неподалеку. — Только тот ещё больше был.

— Ты и это не помнишь?! Это ведь просто элита. И насчёт умения ты ошибся. Не умение это. Точнее умение, но не твое. Мы его парашютом называем. На тебя его перед отправкой повесили. Вещь ценная и редкая. При смертельной угрозе телепортирует носителя в наиболее безопасное место, в радиусе нескольких километров. Сколько раз срабатывало?

— Только один раз, вчера. Хотя, изначально я тоже в воде очнулся, значит и в тот раз тоже срабо...

— Плохо. Нет у тебя больше парашюта. Он только два раза срабатывает. А что со вторым умением?

— Второе умение хреновое, в смысле опасное, даже очень. Как я понимаю, оно привлекает одержимых, не знаю на какое расстояние работает, но раньше здесь, по словам местных, тихо было. А как я появился, одержимые переть начали толпами. Вчера поселок еле...

— Бамбук! Метка! Ты не снял метку! — крик черноволосой предназначался тощему, но вздрогнули все.

— Ну да, не снял... Так я ведь в другом блоке был, когда Тичера сюда отправляли. А метка с прошлой тренировки осталась висеть. В тот раз вы тоже без меня бегали, так что некогда было ее снимать. Да и вообще, при временном переходе все бафы и антибафы слетают автоматом. Ну, кроме тех, которые... которые старшие вешают.

— Я тебя! Сейчас сама! Повешаю!

— Так я не специально, вы сами не стали дожидаться, торопились в тот день, ещё и...

— Подождите! Получается, это никакой не дар. И твари гонялись за мной все это время из-за него?! — я влез в диалог, ткнув пальцем в вытаращившего глаза Бамбука. При этом перебил не только его, но и темноволосую лидершу, которая собиралась продолжить отчитывать провинившегося тощагу, и ее взгляд, задержавшийся на мне, после произнесенной реплики, мог бы проплавить дыру в железе.

— Я не специально... Простите... Я не думал, что такое может случиться...

— Снимай метку. — уже более спокойно произнесла темноволосая.

— Да снял я, снял уже! Простите... Я правда не хотел...

Тем временем бородокосый молча шагнул в образованный стоящими круг, направляясь прямо к бормочущему извинения тощему. При этом намерения крестного были явственно выражены в нахмуренных до предела бровях и правой руке, красноречиво опущенной на топор, притороченный к поясу.

— Стоп! Успокоились все! — добраться до цели ему не удалось, темноволосая преградила дорогу, встав на пути неодолимым барьером.

— Уйди, красавица, сейчас я с им погутаю как следоват! Из-за его у нас стоко народу вчера полегло! За каждого покойного ответит! — заговорил крестный, продолжая неторопливо шагать.

— Успокоились! Я сказала! — темноволосая осталась стоять, не сдвинувшись ни на миллиметр. Бородокосому не оставалось ничего, кроме как остановиться.

— Вина на ем, он сам признал, што по его метке одержимыя к нам в посёлок шли. Так што я в своем праве!

— Да. Это его вина. Хоть и не прямая. Я лидер отряда. Несу за него ответственность. Согласна компенсировать. — рука темноволосой погрузилась в один из карманов разгрузки, а когда вынырнула обратно, на протянутой крестному ладони лежали четыре белых шарика, размером чуть крупнее горошин.

— Энто чегой? — голос бородокосого был еле слышен, ошарашенный взгляд устремлен на содержимое ладони. Белые жемчужины, добываемые из Хозяев улья, самых страшных чудовищ этого мира, по сравнению с которыми даже волоты покажутся плюшевыми мишками.

С виду невзрачные белые шарики смотрелись неказисто. Словно дешевая бижутерия, пытающаяся притвориться настоящей жемчужиной. Даже не верится, что подобная

неказистая вещица считается легендарным сокровищем в этом жестоком, сумасшедшем мире. Хотя, удивляться нечему. Какой мир, такие и сокровища.

— Белый жемчуг. Три штуки — компенсация. За погибших. — темноволосая проговаривала фразы громко и чётко, слегка качая ладонью вверх-вниз в такт словам. — Одна — тебе. Награда. За выполненное обещание. Как договаривались.

После сказанного повисла тишина.

Все молчали, ожидая ответа бородокосого, застывшего напротив предложенной награды с упертыми в бока руками и нахмуренными бровями.

Вид у крестного был предельно задумчивый. Неизвестно, что за мыслительные процессы сейчас происходили в его голове, но мне казалось, что даже звуки этих размышлений начали доноситься до слуха.

— Добро, принимаю плату. Но беру токмо за павших откуп. А от награды отказываюсь, благодарствую. Нашим после нашествия много чего надобно. Да тот же народ. Нас и раньше маловато было, а счас есчѐ меньшей осталось. Так што людишек надобно приманивать, а чем есчѐ приманивать, как не виноградинами. — говорил крестный так, будто слова вдруг стали тяжелыми и непослушными, отчего ему приходилось с трудом проталкивать их сквозь охрипшее горло. При этом описывал всё подробно, будто оправдываясь и поясняя, что пошел на соглашение для благополучия товарищей, а не ради себя.

— Отказываешься от награды. Твоѐ право. Причин не буду уточнять. — Три жемчужины перекочевали из узкой женской ладони в грубую, слегка грязноватую лапу лучника. Одна вернулась в карман разгрузки.

Но признаков радости от получения ценнейших сокровищ улья за крестным заметно не было. Более того, повисшие безвольно плечи и понуро опущенная голова свидетельствовали об обратном.

Не сказав больше ни слова, бородокосый развернулся, отошёл назад. Встал рядом со мной.

— Хорошо. Конфликт исчерпан. — кивнула темноволосая удовлетворенно и продолжила, вновь обращаясь к крестному. — Но не пойму одного. Если вчера было тяжело. Почему не активировали маячок? В смысле меч. Почему не передал? Мы бы появились раньше. Бамбук снял бы метку. И жертв удалось бы избежать.

— Дык я вчера и передал. Токмо Пустой не знал, што с им делать. Беспамятный жещь. Да и некогда, така катавасия завертелася, што и дух перевести некогда. Не то, што с мечами хитрыми возица. К тому ж Пустой токмо вчера объявился, а от вас почитай семь годков не слуху ни духу. Другой бы плюнул уж на энтакое дело, да забыл. Добре, што память у меня...

— Стоп! Что за шутки? Какие семь лет? Мы три дня назад виделись. Меч с маяком и жемчужину тебе дали.

— Никаких шуточек, семь лет, с лишком дажить.

— Так это ведь те самые временные парадоксы, о которых нас с... старшие предупреждали! — восхищенно проговорил притихший в стороне Бамбук.

— Точно, так и говорили! — продолжал он, все больше распаляясь. — Они ведь и в нужное время портал прокинули только с двадцатого или даже с тридцатого раза. Да и то лет на сорок ошиблись! Я ведь прикидывал, у них при первичном пробое погрешность в целые века. Да сами помните, то во времена Петра первого, то к древлянам закидывало. Для того и маяк, чтобы в нужное место в нужный момент портал пробивать.

— Семь лет прошло! Ха-ха-ха! Вот это поворот! — в наступившей тишине хохот тощего

прозвучал особенно громко и неприятно.

— Если с той встречи здесь прошло семь лет. А у нас всего три-четыре дня. То отправленный на сутки раньше Тичер провел здесь почти десятилетие. Я правильно понимаю? — задала вопрос темноволосая.

— Не, необязательно. Может, больше, а может и меньше. Десять лет, пятьдесят или же полгода, а может и неделю. А могло случится и так, что вчера только здесь появился. Не вычислить никак. Жаль, он сам ничего не помнит.

— Почему вы называете меня Тичер? — задал, наконец, волнующий вопрос, воспользовавшись возникшей в разговоре паузой.

— Тичер — твой псевдоним. Настоящее имя — Угольков Игорь Викторович. Год рождения — 1988. Работал учителем истории в средней школе. Потому и Тичер. — темноволосая будничным голосом начала перечислять подробности моего такого далекого и забытого прошлого, но ничто из упомянутого не казалось знакомым. Будто говорили о совершенно постороннем человеке.

— После попадания в Стикс, по причине генетической особенности, предполагавшей получение необходимых для выполнения задания умений, был завербован к нам в команду. Пройдя подготовку и развив навыки до должного уровня, отправлен в прошлое, для выполнения определённых процедур и начальной подготовки операции. На выполнение давались сутки. После этого ты должен был подать сигнал с помощью маяка. Сутки истекли. Маяк активирован не был. Пришлось действовать самостоятельно. Организовывать поиски. Попасть в то же место, что и ты не проблема. Координаты известны. Проблема в другом. Бамбук уже пояснил насчёт временных парадоксов. Так что было сложно. Почти два дня потратили на поиски. Вероятность найти тебя без сигнала маяка была практически нулевой. Искали пробой, приблизительно подходивший по времени. Планировали раздавать аборигенам специально изготовленные мечи, в клинках которых были спрятаны маяки. Активация с помощью дактилоскопической экспертизы отпечатка пальца. Так что вероятность случайной активации была исключена. Изготовлена была сотня штук. Но пригодился лишь один. Единственным удачным пробоем оказался тот, в котором состоялась встреча с твоим будущим крестным. Мы продолжали поиски ещё почти сутки. Безрезультатно. А потом активировался маяк.

— Ты правда совсем ничего не помнишь? — закончив рассказ, то ли с надеждой, то ли с подозрением спросила темноволосая.

— Нет, ничего. — ответил автоматически, пытаясь переварить и усвоить кучу информации, обрушившуюся на мою бедную голову.

— Неожиданно и интересно. — после короткой паузы задумчиво проговорила темноволосая. — Вы тут поговорите пока. Я свяжусь с... командованием.

Напоследок посверлив меня пронизывающим холодным взглядом, она развернулась и скорым шагом двинулась к порталу, так и оставшемуся висеть над склоном. Остановилась напротив клубящейся пелены, обернувшись спиной к нам, достала что-то из разгрузочного жилета.

После этого пространство между ней и порталом засияло знакомым зеленоватым светом. Помнится, совсем недавно, очень похожим светом горела овальная пластинка на клинке.

Полыхнув вначале нестерпимо яркой вспышкой, в дальнейшем иллюминация обернулась спокойным зеленоватым свечением. При этом свет, падающий по сторонам от

фигуры ровными пластами, совсем не отражался на поверхности портала. Он проходил сквозь неё, тонул и исчезал без следа в туманной дымке.

Глава 9.

— Ну чегой, давайте штоль знакомица! Давненько мы с вами не видалися. В прошлый раз не стали знакомица чегой-то. — добродушно проговорил крестный, улыбаясь в усы, как ни в чём не бывало. — Пустого вы, получаеца, знаете. А меня звать Прохором. Имя, в Улье полученное — Борода. Но все дядь Прохором кличут.

— Я Алиса. Эти двое Бамбук и Сет, а там Лина, она у нас главная. — юная лекарка представила замерших чуть в стороне парней и удалившуюся к порталу темноволосую.

— Благодарим за спасенье! В сам час вы появились, в сам час! И Пустой благодарит. Токмо от ран есчѐ не отошѐл, видать, вот и молчит. Да, Пустой?!

— Да, дядь Прохор, присоединяюсь к благодарности! Алиса, а что по поводу моей личной жизни, до попадания в улей? Ваша главная описала её в самых общих чертах. Хотелось бы узнать подробней. В каком городе жил? Где родился? Была у меня семья и попал ли в улей кто-нибудь ещё из близких? — подозревая, что бородокосый сведет разговор к чему-нибудь несущественному, вклинился в диалог и начал спрашивать о вещах, касающихся лично меня.

— Я позже вас пришла в отряд, не знаю толком ничего. — пожалала плечами девчонка, и в голосе ее слышалась неподдельная грусть. — Да и не принято это особо, жизнь до Стикса вспоминать. Меня учили, что лучше не спрашивать про такое и постараться забыть.

— Мне бы сначала вспомнить.

— А может оно и к лучшему, не помнить. Потому что вспоминать, как уходишь от родных, навсегда затерявшись в другом мире, вдвойне тяжелее. — на последних словах голос у неё совсем упал, превратившись в еле слышный шѐпот, а глаза едва заметно повлажнили. Но слез не было, сдержалась. Только задышала чуть чаще, да полные губы сжала в тонкую линию.

Мне нечего было возразить. Не знаю, что за история была у нее. Но наверняка очень непросто перейти из уютного мира, наполненного юношеской бесшабашностью, яркими встречами, друзьями, всякими развлечениями и счастливым беззаботным будущим, в мрачную реальность улья, жестокую, кровожадную и смертельно опасную.

Какое-то время все молчали. Видимо, каждому было что вспомнить о дне, когда привычный мир превратился в кошмар.

— Вот еще что интересно, маячок этот, получается, семь с лишним лет без подзарядки был, но сработал как надо. Что за аккумулятор способен так долго сохранять энергию? — решил больше не затрагивать тему прошлого, перейдя на более близкие к действительности темы. Тем более на прочие вопросы лекарка отвечала охотно.

— Технологии не наши. Всѐ оборудование получаем сверху.

— А почему оружия нет огнестрельного?

— Через портал невозможно протащить порох — детонирует. Также с прочими горючими веществами и электроникой, все сгорает.

— А как же маячки эти? Да и средство связи у вашего лидера тоже не на воздухе работает.

— Всѐ это технологии старших, только их устройства продолжают функционировать после прохода через портал. — пожалала плечами девчонка.

— Ну а белый жемчуг в таких количествах? Для местных это недостижимое чудо, на уровне легенд, большая часть населения вообще не верит в его существование, а вы его горстями раздаёте. Или в будущем в Улье с этим делом проще?

— Не проще, но добыть возможно. Но только если хорошую команду при поддержке бронетехники собрать. А нас жемчугом старшие снабжают.

— Славно вы живёте поживаете! Мы тут над каждой виноградинкой трясемся, а вам белые жемчужины на тарелочке подносят. — недовольно проворчал, прислушивающийся к разговору, бородокосый.

— Старшие не жалеют средств ради поставленной задачи.

— А што за задача така?

— Нельзя разглашать. Мне и так, наверное, влетит за то, что с вами тут сижу болтаю.

— Дак Пустой жещь с вами, чагой от его то таетесь?

— Мы не знаем, сколько он здесь пробыл, что у него с памятью случилось. Сейчас Лина пообщается со старшими, они решат, как дальше быть.

— Насчет жемчуга зря завидуете, у нас тоже не все так гладко... Я имею в виду, что вам особо жаловаться не стоит. У вас с тварями и справляться проще, и выхлоп больше. — подошедший ближе Бамбук внезапно влез в разговор, подняв оговоренную раньше тему.

— Чегой энто легче? Ты про што гутаришь-то? — бородокосый нахмурил брови. Несмотря на мирное разрешение ситуации с меткой, на тощего он смотрел совсем не мирно.

— Пока мы вели поиск необходимого нам периода, не раз сталкивались с зараженными. А я человек внимательный, стараюсь все замечать и анализировать. И тут тоже не зевал, сразу заметил кое-какую разницу. Стоило лишь начать сравнивать особей одинаковых ступеней развития в различных временных отрезках. При этом удалось сделать интересные выводы. Так вот, чем больше в своих поисках удалялись от нашего 21 века, тем слабее становились твари. А получаемые из них трофеи были наоборот — богаче. Вот у вас сколько можно получить с такого вот молодого элитника?

— С энтого волота штоль?! — Бородокосый пожевал губами, окидывая оценочным взглядом разваленную на две части тушу, валяющуюся в стороне. — С таковского, пожалуй, пару-тройку жемчужин, а то и поболее. Ну и гороха за три десятка, а виноградин, под сотню, думаю. Ты жещь сам его потрошил, чегой спрашивашь-то?

— Ну да, сам потрошил. Ты почти все угадал, только жемчужин целых четыре. Три черных, одна красная. А вопрос задал, чтобы уточнить, не случайность ли это. Так вот, у нас в будущем с такого вот элитника можно вообще жемчуга не получить! А гороха и споранов в два, а то и в три раза меньше! — тощага довольно улыбался, говорил торопливо, в голосе слышался азарт. Поднятая тема была для него настолько важна, что подошёл еще ближе к бородокосому. Хотя, после случившегося конфликта, старался держаться от него на расстоянии.

— Дааа... И впрямь разница сурьезная! — судя по выражению лица, услышанное если и не особо заинтересовало крестного, то задуматься заставило точно.

— А насчёт силы как? Ты говорил, что здесь твари слабее. — я решил тоже поучаствовать разговоре.

— Насчет силы точно не могу сказать, вопрос сложный. Но по защите точно слабее. У нас такого вот элитника без крупнокалиберного пулемёта или серьёзной винтовки не свалишь. Да и патроны желательнее не абы какие, а бронебойные. У вас тут, конечно, тоже элиту из пистолета в лоб не пробьешь, но наши арбалеты со спецболтами с их защитой

справляются.

— Спецболты, я так понимаю, тоже от старших получаете? — кивнул на поясной колчан, из которого торчали серые пластиковые хвостовики стабилизаторов.

— Да, тоже. — После того, как затронул тему загадочных старших, Бамбук заметно притих, обернулся на темноволосую, продолжавшую диалог со скрытым за клубящейся пеленой портала командованием.

— Ну и что там с тварями-то? Ты вроде не досказал. — решил не обострять внимание на неприятном для Бамбука моменте, переводя разговор к прежней теме.

— А, точно! Так вот, проанализировав всю полученную информацию, сделал вывод, что причиной изменений, происходящих с зараженными является совершенствование вооружения и развитие военной промышленности. Твари наращивали защиту постепенно, от века в век, вместе с улучшением смертоубийственных приспособлений людьми. Человечество проделало путь от примитивных луков и копий с обожженными на огне наконечниками, до артиллерийских минометов и пуль с сердечником из карбида вольфрама. Зараженные тоже времени не теряли. Эволюционировали, усиливая природную костяную броню защитными пластинами с невидимым глазу силовым полем. В том смысле, что на каждый серьезный прорыв в вооружении, твари оперативно реагировали ответным усилением. Так вот, на первый взгляд, всё это смотрится довольно последовательно и логично. Но, если оценить происходящие процессы более детально, можно заметить немало странностей. Главное, что реакция противодействия слишком скорая. Естественным образом подобные процессы растягиваются на тысячелетия или даже миллионы лет. Здесь же обходятся несколькими веками, а то и в сотню лет укладываются. С некоторой натяжкой такое ускорение можно объяснить повышенной регенерацией и необычайной быстротой развития зараженных. Но такая версия выглядит не особо убедительно. Ведь это ломает все представления об эволюции! Так вот, более логичными все эти метаморфозы становятся, если предположить внешнее вмешательство. Вот тогда все происходящее будет по настоящему логичным и последовательным.

— В каком смысле внешнее вмешательство? Искусственная модификация живых организмов? Генная инженерия или что-то подобное? — рассуждения тощего слушал внимательно, информация и впрямь была интересная.

— Не знаю, какие инструменты используются при этом. Я лишь сделал выводы из имеющихся фактов.

— Но ты ведь понимаешь, что улей — это целый мир. Я согласен, что с помощью биотехнологий можно искусственно изменять отдельно взятое существо, но чтобы целый биологический вид. Да ещё и не единожды, а регулярно, с периодичностью в несколько сотен лет?! Как такое возможно?

— Хороший вопрос! — проговорил тощий, улыбаясь во весь рот и заговорщически подмигивая. — Это действительно практически невозможно. Но практически, не значит совсем. Если подобный алгоритм каким-то образом изначально заложен в генетическую структуру данного биологического вида, то вся теория имеет вероятность быть непосредственной частью происходящего. Кому-то необходимо поддерживать определённый баланс между зараженными и иммунными. Чтобы ни одна из сторон не имела чрезмерного преимущества. Я предполагаю, что Стикс — мир, искусственно созданный. И заложенные в него законы изначально отрегулированы таким образом, чтобы иммунные имели возможность выживать в его суровых условиях. Но именно выживать, а не блаженствовать в

мире и спокойствии, периодически выбираясь поохотиться на зараженных ради развлечения. Хотя, может эти невидимые правители Стикса регулируют все параметры мира в реальном времени, кто знает, насколько могут быть развиты технологии у цивилизации, создающей искусственные миры ради непонятных целей.

— Еси я што и уразумел с твоего рассказа, так только то, што всё непонятно. И пользы счас от энтих твоих дум, как от сырых дров в очаге, жару нет, а дыму полна изба. — неизвестно, понял ли что-то из слов Бамбука молчавший всё это время бородокосый, но итог подвел изящно.

— Эх, чего я перед вами распинаясь... — Тощий обиженно махнул рукой и отвернулся.

— Да нет. Мысли интересные, есть над чем задуматься. — я поспешил загладить слова излишне резко выразившегося крестного.

— Ты обиду не держи, я жешь толком и не уразумел ничаго. — хохотнул бородокосый, хлопая Бамбука по плечу. — Лучшей скажи, што за кольчуга аль броня у вас така интересна?

— Бронекостюмы это. Тоже от старших. Хорошая вещь, универсальная, принимают форму любого тела. — после извинений тощага вновь воодушевился, заговорил с азартом. — Так вот, видите, они поверху из чешуек состоят, причём чешуйки эти непростые, пластичные, тоже подстраиваются под того, кто на себя костюм оденет. Но при этом очень прочные. Не всякая пуля способна пробить, а может и вообще никакая. Мы проверяли, надев его на манекен. Стреляли из винтовки, бронебойными пулями с вольфрамовым сердечником калибра 12,7 миллиметров. Десять выстрелов. В результате ни одна чешуйка не повреждена и даже не поцарапана. Хотя манекен сорвало с опоры и унесло к стене, но сам костюм как новенький, да и манекен внутри него не пострадал. Все оттого, что в момент сильного удара чешуйки мгновенно скрепляются между собой, превращаясь в монолитный панцирь.

— Ох и добрая вещица! Нам с Пустым тожить такие бы не помешали. — бородокосый вряд-ли понял хотя бы половину из сказанного, но главную идею о ценности описываемой вещи ухватил. Он выразительно прищурился, подкрепляя намек лукавым взглядом.

— У Тичера как раз такой был, когда его сюда отправляли. И арбалет с болтами такой же и остальное. Экипировка у всех одинаковая. Не знаю, где он посеял всё. — Бамбук хохотнул, глядя на меня испытующе.

— Вот и я не знаю. Когда пришёл в себя, из одежды были только штаны да рубашка, ноги босые.

— Да уж, кто-то отлично прибарахлился, стащив твою снарягу. — вновь хохотнул тощий.

— Слушай, а зачем вы вообще эти метки друг на друга вешаете? — задал я, не успевший прозвучать ранее, вопрос.

— Это не мы, а я. Только у меня такое умение есть. — заулыбался довольный Бамбук.

— Ну и для чего своим такую пакость делать?

— Да, Тичер, сильно тебя приложило, если даже про тренировки не помнишь!

— Тренировки?!

— Ну да. У нас все тренировки проходят в экстремальных условиях. Это одна их них. Выезжаем в дикую местность, где побольше развитых зараженных. Один из нас становится наживкой. На него вешаю метку, он делает круг по ближайшим окрестностям, собирает тварей и выводит их на нас, мы их валим.

— То есть вы делаете это ради гороха и жемчуга?

— Да не. — махнул рукой тощага. — Трофеи берем, конечно, но цель не в этом. Зачем

нам цветной жемчуг, если есть белый?! Им умения быстрее развиваются. Тренировки в экстремальных условиях как раз и направлены на то, чтобы получать новые полезные боевые и защитные умения, а не какую-нибудь белиберду. Мы специально перед такими вылазками и принимаем жемчуг, чтобы запас полезных умений увеличивать и старые прокачивать.

— И часто эти тренировки бывают?

— Пару раз в неделю точно, но помимо них ещё другие есть. С некоторыми умениями Куст помогает, он у нас знахарь. Ну и медитации тоже. Да много чего ещё. График у нас похлеще, чем в армии.

— Да откуда у вас столько белого жемчуга? — не выдержал я.

— Старшие. — пожал плечами Бамбук, и по его серьёзному виду было понятно, что уточнять подробности об этих загадочных старших бесполезно.

— Ещё одну вещь любопытную успел узнать, пока мы по времени туда-сюда мотались, насчёт умений. Информацию получал от рейдеров, встреченных в разные времена. Конечно, есть вероятность, что некоторые приукрашивали или наоборот приуменьшали то, что было на самом деле. Люди, они во все времена приврать любили, но сейчас не об этом. Вероятные погрешности я тоже учёл в своих расчётах. Так вот, умения в ваше время тоже развиваются на порядок проще, чем у нас. И получаете вы их изначально более усиленными. Вот у вас, дядя Прохор, сколько умений?

— О том не спрашивай, негоже про такое чужаку сказывать, да и со своими о дарах тожить говорить не след, примета дурная. — несмотря на уважительное обращение, бородокосый принял в штыки последние слова тощего. Впрочем, удивляться было нечему, к суевериям и в современном мире у многих отношение серьёзное, а уж в далеком прошлом они сродни законам.

— Ну да, плохая. Тогда без живых примеров. Возьмем условного новичка нашего времени и такого же новичка, живущего здесь и сейчас. Каждый из них получает первичное умение, неважно какое. Ну пускай это будет дар невидимости. Так вот, новичок из нашего, то есть из 21 века, сможет использовать дар очень недолго, допустим секунды три. А такой же новичок, но у вас тут, с самого начала сможет по десять-пятнадцать секунд в невидимости скрываться.

— Да ну, прямо такая разница?

— Не "да ну", а точно. Факт. К тому же, в дальнейшем развивая дар с помощью гороха, второй будет получать прирост к улучшению умения на порядок больше, чем первый. И если этим условным новичкам вдруг выпадет шанс обзавестись жемчугом, ситуация будет аналогичная. Живущий в ваше время новичок гарантированно получит новое умение или даже два, а то, что уже было, серьёзно улучшится. Наш же современник, как и в прошлый раз, останется обделенным. Так вот, всё это тоже происходит для поддержания баланса между иммунными и зараженными. С развитыми тварями сложно справиться мечами да копьями, вот и наделяет вас Улей усиленными умениями, чтобы не сгнули совсем. Я и сам, когда пришёл к этому выводу, начал жемчуг принимать непосредственно после перехода в прошлое. Надеюсь, выявленные мною законы и на путешественников во времени действуют. Жаль нельзя самостоятельно...

— Она ваша старшая топает. — очередную фразу Бамбука бесцеремонно прервал Бородокосый.

Обернувшись, увидели темноволосую, быстрым шагом приближающуюся к нам.

Глава 10.

— Снимай костюм и жилет. — подойдя к нам, Лина сходу начала командовать, причём первый, немного странноватый, приказ был отдан Бамбуку.

— В смысле? — по удивленному выражению лица тощего можно было понять, что приказ и впрямь необычный.

— В прямом. Всю экипировку отдашь Тичеру. По возвращении на базу получишь новую.

— Так мне обратно что-ли?

— Не только тебе. Всем отбой. Тичер и дальше один будет двигаться. Снимай уже.

— Я Пустого не брошу! С им пойду! — твердо проговорил стоявший рядом бородокосый, уперев руки в бока.

— Твое дело. Насчет привлечения к делу местных, запретов не поступало. — безразлично пожала плечами темноволосая, но, как мне показалось, на её лице проскользнула тень облегчения. Или и впрямь показалось.

— Дурость какая-то! Зачем мы тогда вообще нужны, если всю работу Тичер выполнять будет?! — арбалет и колчан с болтами тощий опустил на песок и теперь нервно копался в карманах разгрузки, выуживая из них разную мелочевку. Видимо, личные вещи.

— Тичер, посмотри сюда. — оставив без комментариев слова Бамбука, Лина расправила в руках карту, отдала один край моментально появившемуся откуда-то слева Сэту.

До этого момента молчаливый верзила, со странноватым, как будто оплывшим лицом, сохранял дистанцию. Даже когда тощего вдруг пробило на откровенность с последующим раскрытием собственных теорий, тот стоял в стороне, так и не проронив ни слова. Но стоило лидеру отряда вернуться, он тут как тут.

— До необходимого места от первоначальной точки пробоя, по прямой около семидесяти километров. Но сейчас мы, получается, вот здесь. — темноволосая ткнула пальцем в точку на извилистой полосе, обозначившей на карте реку. — То есть расстояние уменьшилось почти вдвое. Это большой плюс. Оптимальный маршрут обозначен красной линией. Он предельно простой. Основная его часть проходит непосредственно по реке. Получится небольшой крюк, но так безопаснее. И удобнее. Вам даже не придётся никуда ходить. Будете спускаться ниже по реке вплоть до того места, где русло начнёт поворачивать на север. Вот здесь. От этой точки придётся пешком. Но недалеко. Порядка семи-восьми километров. Вот цель. Она здесь. Обозначена крестиком. Добравшись до неё, активируешь маяк. Мы прокинем портал. После этого будем действовать вместе.

— А энто што есчѐ такое темныя? — внезапно спросил бородокосый, указывая на горную гряду, изображенную на карте изогнутой полосой неровных пятен, совсем рядом с тем самым крестиком, являющимся конечной целью маршрута.

— Горы.

— Горы погубели! Плохое место, очень плохое! Никто оттуда есчѐ не воротился! Не след туда ходить! Пропадѐм, сгинем мы тама! — крестного было не узнать. Он, конечно, пытался не подавать виду, но я уже успел немного изучить его мимику. И то, что бородокосый пытался сейчас выдать под видом чрезмерной обеспокоенности, на самом деле было страхом. И не просто страхом, а самым настоящим ужасом. Таким, от которого

появляется дрожь в пальцах. Её крестный пытался скрыть сжатыми в кулаки ладонями. А зарождающийся в горле крик задавливал стиснутыми, до скрипа зубов, челюстями.

— Ничего не поделаешь. У нас там дело. — совершенно спокойно ответила темноволосая. Её, кажется, совсем не удивили слова и реакция бородокосого. — Вам не нужно приближаться к горам. В месте, с которого вы активируете маяк, безопасно. Дальше, наше дело.

— Да как там могут быть дела?! Каки?!

— Важные. Ты сам вызвался идти. Можешь отказаться.

— Сам, и пойду, не откажусь! Токмо одно вам скажу, што не возвращаюца оттуда. Вы добры вои и оружие у вас доброе. Но в тех краях не спасут вас ни самострелы ваши чудные, ни дары, што волотов надвое рубят. Туда и малыми силами ходили, и войском несметным, а все тама и остались, все сгинули. Да как не уразумеете вы, што и мы сгинем! Там жешь энти... — крестный говорил, все больше распаяясь с каждым сказанным словом. К концу тирады он почти кричал, но последнюю фразу оборвал и, лишь отчаянно махнул рукой напоследок.

— Кто эти?! Ты про скребберов?

— Не знаю про што вы. Слов таких отродясь не слыхивал.

— Хозяева улья? — наугад бросил я.

— Пустой, дурень! Мы ж не на крепи! На соте обнаковенной об таком сказывать не можно!

— Вы скребберов хозяевами улья называете? — хохотнул Бамбук. То, что после освобождения от защитного костюма, он остался в одном нательном белье и сейчас выглядел ещё более худым, на настроение тощаги никак не повлияло.

— Ничего смешного. — Темноволосая одарила его таким взглядом, что сияющая на лице улыбка сразу сникла.

— Да я ничего, нормальное название, логика есть.

— Замолкни уже. — пресекла его следующую реплику Лина и продолжила, обращаясь уже к нам с крестным. — Насчет скребберов не переживайте. Главное, доберитесь до места.

— Да чегой вы об таком не на крепи гутарите? Неможно жешь! — продолжал увещевать бородокосый.

— Ничего страшного. При нас можешь про них говорить в любом месте.

— Ишь ты, каки вы бесстрашныя!

— Тичер, экипировку забирай. Не знаю, куда твоя пропала. Но больше не теряй. Костюмы — вещь уникальная. Тебе, Прохор, костюм не дам. Мало их у нас. Но арбалет бери любой. И из холодного, что при нас есть, можешь хоть всё забрать.

— Я топор свой не отдам! — впервые подал голос верзила Сэт, и этот его голос, удивительным образом не сочетающийся с внешностью здоровяка-борова, оказался неожиданно звучным, словно у певца.

— Да не нужен мне твой топор. А кольчугу бы взял, но коли невозможно, обойдусь. Самострел не возьму, благодарствую. Со своим то луком, оно сподручнее. Вот коли бы с ваших болтов наконечники посымать, да на мои стрелы приладить.

— С этим проблем не возникнет. Бери, сколько нужно.

— Добре, возьму пару десятков.

Я, тем временем, начал экипироваться. Полог, в который кутался, спасаясь от холода, отдал тощему, пускай греется, на улице не май-месяц.

Первым делом — костюм. Конечно, надевать одежду, только что снятую с какого-то постороннего мужика было не очень приятно. Но, во-первых, это вовсе никакая не одежда, а бронекостюм, какое-то подобие легкого доспеха. А во-вторых: ещё вчера я облачался в, заляпанную кровью, кожаную куртку, стянутую с трупа только что убитого паренька. Так что в плане брезгливости проблем не возникло.

Также не возникло их и с размерами. Костюм, словно сшитый на заказ, специально под субтильную фигуру Бамбука, после снятия потерял форму и немного раздался вширь. В итоге идеально подошёл и к моему телосложению. Действительно подстраивается под фигуру, все, как и говорил Бамбук. К тому же костюм защищал не только тело и конечности. Позади болтался капюшон, который при необходимости можно было быстро накинуть на голову. Так что вполне можно обходиться без шлема.

Весу во всем костюме было едва ли пара килограмм. Потому он совсем не стеснял движений, вдобавок ощущался приятной мягкостью на теле и, что было сейчас немаловажно, сохранял тепло. А если учесть его сверхъестественные защитные свойства, вещь действительно уникальная.

Поверх костюма натянул разгрузку, оставив на потом проверку мелочевки, рассованной по многочисленным карманам.

Обувь тоже удалось сменить на более удобную и современную. Правда, в этот раз пришлось лишать имущества Сэта — размер подошёл. У тощего нога оказалась великовата. Бамбука эта ситуация ужасно развеселила, поэтому разувался молчаливый верзила под его довольное хихиканье. А после того, как Сэт начал брезгливо натягивать мои старые лапти, полученные ещё по прибытии в посёлок, тощага-теоретик и вовсе захохотал в голос. Правда, не совсем понятна была причина его неумного веселья. Ведь, если здоровяк лишился лишь обуви, то сам Бамбук остался в одних ботинках, да подштанниках.

— Да уймись уже! — повысила голос темноволосая, бросив недовольный взгляд на происходящее.

Бамбук хихикать не перестал, но громкость убавил. Сэт же надулся и нахмурился, отчего его лицо оплыло еще сильнее.

— С экипировкой порядок. Маршрут обговорили. Теперь маяки. В этом кармане. Достань. — Лина указала на одно из отделений разгрузки.

Засунув руку и пошарив внутри, обнаружил несколько овальных пластин. Ещё только ощупывая одну из них в кармане, узнал скрытую слегка выпуклой крышечкой пластинку, такую же, как та, что была спрятана в клинке.

— Принцип работы прост. Крышку сдвинул. Палец приложил. Готово. — взяв у меня из рук пластинку, темноволосая продемонстрировала механизм, открывающий доступ к кнопке активации. — Хотя бы одну всегда держи при себе. Спрячь в надежное место. В ботинок, например. Чтобы даже если потеряешь жилет, не остаться совсем без маяка. Или если вещи украдут.

— Сапоги тожить увести могут. — многозначительно добавил бородакосый.

— Значит, к телу примотай пластырем. Один можешь своему приятелю отдать на хранение. Можешь арбалет потерять, костюм. Хоть голым останься. Но маяк не теряй! Маяк — это главное! Без него вся операция теряет смысл. Понимаешь?

— Понимаю, как не понять. Я другого не пойму, зачем мне куда-то идти?! Если я правильно понял, без активации маячка вы меня и за сотню лет не найдёте?! Так зачем вас вызывать?! Метку, мешавшую спокойно жить вы сняли. Оружием и доспехами меня

снабдили. С белым жемчугом нас с крестным примут с распростертыми объятиями в посёлке. Место знакомое, хорошее, там и осядем. — сам не ожидал, что начну именно сейчас говорить эти слова. Но нужно хоть немного сбить спесь с раздающей направо и налево приказы темноволосой. Да и попытаться подробнее выяснить некоторые детали происходящего не помешает. — Так ведь, дядь Прохор?

— Энтэ можно, чегой нет то. — Бородокосый не понимал, почему я так резко перешёл с покладистого отношения в конфронтацию, но тут же встал на мою сторону.

— Что это значит? — после недолгого молчания спросила темноволосая, впившись в меня хищным взглядом. В голосе слышна была сталь, острая и смертоносная.

— То самое и значит. Всё это мне ни к чему.

— Ты — часть нашей команды. Это — наша миссия. Значит и твоя. Это — твой долг. Твоя обязанность.

— Я ничего этого не помню и не знаю, ни миссии вашей, ни вас самих. Зачем мне рисковать жизнью ради неизвестных мне целей?

— Потому что это твоя обязанность. Лучше не зли меня, Тичер! Я напоминаю тебе о долге. Но могу и по-плохому. Ту же метку можно обратно повесить. — сталь в голосе темноволосой начала скрежетать и сыпать искрами.

— Не страшно. Тут тоже есть свои умельцы, знахарка снимет метку и всего делов. — ответил ей, улыбаясь. Хотя, в последнем не был особо уверен, но как аргумент это вполне годилось.

— Лина, нельзя его держать в неведении. Он просто хочет ясности. — в разгорающийся конфликт вмешалась Алиса. Девчонка сходу поняла мои намеки.

— Мы не виноваты, что ты память потерял. Рассказали тебе достаточно. Подробно все описывать нет времени. — темноволосая бросила недовольный взгляд на лекарку, потом на меня. — Что ты хочешь знать?

— Начнем с цели этой вашей миссии. В чем её суть? Что конкретно необходимо сделать?

— Необходимо добраться до одного места. Труднодоступного. Детали описывать долго. Но мотивы самые гуманные. И глобальные. Удачное выполнение миссии позволит освободить Стикс от контроля нолдов и внешников.

— Что за нолды? — вопрос задал темноволосой. При этом взгляд перевёл на крестного, надеясь, что он пояснит не слышанные ранее слова.

— Чагой на меня глядишь-то, я тожить про их знать не знаю. — пожал тот плечами.

— Не знаешь. В ваше время их влияние было ещё слишком слабым. Потому и пробой делали в средние века. Но в будущем нолды представляют серьёзную силу. Нолды — один из видов внешников. Технологически очень высокоразвитая цивилизация. Настолько далеко оторвавшаяся в развитии, что считается доминирующей среди всех видов внешников.

— А внешники кто такие?

— Внешники — это человеческие цивилизации из параллельных вселенных, получившие возможность проникнуть в Стикс. Большая их часть, по развитию технологий примерно соответствует нашим или немного их превосходят.

— А зачем вообще этим нолдам и внешникам нужен Улей?

— Он им даром не нужен. Им нужны мы.

— Мы?

— Имунные. Люди, не переродившиеся в тварей. Точнее, нужны не сами имунные, а их

внутренние органы. И чем дольше такой человек проживет в Стиксе, тем его органы ценнее для внешников.

— Серьёзно? Нахрена высокоразвитой цивилизации чьи-то внутренности нужны? — абсурдность сказанного темноволосой заставила усмехнуться. Хотя, если вспомнить человеческую историю, всяческие культы, практикующие жертвоприношения, дожили и до наших дней. Да тот же каннибализм, ритуальный либо гастрономический, чем не объяснение. Тем более, если эти ребята из других вселенных, то, вроде как, это и не совсем каннибализм. Да ну, нахрен такие рассуждения!

— Все дело вот в чём. — пояснения дал, кутающийся в полог, тощий, опередив с ответом Лину. Та не возражала, особого желания пересказывать азбучные истины мира Улья у неё не было. — Изменения, которым подвергается организм иммунного в процессе развития, наделяют человеческие ткани и органы уникальными свойствами. Ведь не просто так у нас появляются умения, в нормальном мире встречающиеся лишь в фантастических фильмах про всяких супергероев. Да и без умений обычный иммунный превосходит человека по всем параметрам. Чего стоят защита от большинства болезней, и невероятная регенерация?! Это ведь мечта любого, иметь подобный организм.

— Давай покороче. — бросила темноволосая.

— Ага, ладно. Так вот, ткани иммунных имеют уникальные, для обычных людей, лечебные свойства. С их помощью организм справляется с любыми заболеваниями, даже с такими, которые принято считать неизлечимыми. Причём искусственно синтезировать подобные вещества невозможно, иначе внешники давно бы уже плюнули на Стикс. Ведь даже в нашем мире, фармакологические корпорации имеют огромное влияние. А если эти корпорации вдобавок начинают творить невозможное?! После такого они, конечно же получают полный карт-бланш и всестороннюю государственную помощь, в том числе военную. Вот и отправляются в Стикс, из разных миров, танковые колонны при поддержке артиллерии и авиации, охотится на иммунных. Далеко от внешней границы они не забираются, оттого их, кстати, и называют внешниками. Но у них и вдали от удавки есть помощники — муры. Так называют предателей, иммунных, занимающиеся торговлей с внешниками. Думаю, не нужно пояснять, чем именно они торгуют. Не знаю, есть ли муры у вас, но в наше время существуют целые города, живущие исключительно торговлей органами иммунных. Миров много, и в каждом миллионы больных людей, поэтому спрос всегда превышает предложение. А платят внешники щедро, уникальным вооружением, а иногда и бронетехникой миров балуют, поэтому...

— Всё, достаточно. — нетерпеливо перебила темноволосая, заметив, что рассказчика понесло не туда. — Я предупреждала, что подробности займут немало времени.

— Энти, как ты их называшь, муры? — задумчиво покачал головой бородакосый. — У нас таки тожить есть. Ничаго святого у их, родного батьку с мамкой на добро сменять готовы. Ватагами конны и с оружием налетают на обозы, да на деревеньки малы. Тех, кто противца бьют, а прочих в полон берут и гонют далече. Кто сбегал, сказывали также, што отдают людишек пришлым каким-то, а те их взамен добром и вещицами дивными да невиданными одаривают. Погань поганая, люд мерзостный и гадкий, вона кто оне!

— Ого, не знал, что в древности муры тоже существовали. А что ещё тебе этот...

— Хватит! Бамбук, уймись! — снова прервала заинтересовавшегося вопросом тощего. — Тичер, так ты готов или ещё что-то хочешь спросить. Учти, времени нет. Каждый твой вопрос вызовет ещё десяток вопросов. Пока ты сам все не вспомнишь, толку не будет.

Но могу дать тебе мотивацию. Чем бы не была вызвана твоя амнезия, в конце пути ты всё вспомнишь.

— А что будет в конце пути?

— Освобождение. Стикс освободится от нолдов и внешников. Твоя память освободится от забвения. А мы освободимся от возложенных на нас обязанностей. — в голосе темноволосой едва заметно проскользнули высокопарные нотки.

— И всем будет счастье... — проговорил я негромко.

— Несомненно. Так что ты решил?

— Да, я согласен.

— Я тожить готов. — бодро отозвался крестный. — Славное дело сотворим, коли в улье энтной погани не станет! Эх, ради энтакого дела и костями лечь можно!

— Хорошо. — подвела итог Лина. — Тогда удачи вам!

— Погоди. Можно мне с вами? В смысле, ненадолго, только заглянуть и вернуться. — не знаю, зачем мне это было нужно, но висящий в стороне портал манил и тревожил одновременно.

— Нет.

— А что так? Я ведь полноправный член вашего отряда. Разве не могу заскочить на базу перед началом важной миссии? Или там не база? — кивнул головой в сторону портала.

— База. Но всё равно нельзя. — темноволосая была непреклонна, её лицо походило на высеченную из камня маску. — Запрет исходит от командования. Насчёт причин не спрашивай. Не знаю.

— Ну а если побеседовать с начальством? Ты ведь как-то вела с ними диалог.

— Тоже не выйдет. Я и так рисковала, лишний раз используя силу старших. Её всплеск могут засечь нолды. Мы и сейчас подвергаемся опасности, продолжая оставлять портал активным. Фон от него не такой интенсивный. Но постоянный. При желании тоже запеленгуют. Так что с прощанием не стоит затягивать. Двигайтесь строго по маршруту и проблем не будет. Всё. Ждём активации маяка. Бывайте. — не мешкая больше ни секунды, темноволосая двинулась к portalу. То ли чтобы избежать дальнейших неудобных вопросов, то ли и впрямь торопилась.

Сэт молча кивнул и поплелся вслед за лидером, неуклюже подволакивая лапоть, плохо затянутый на левой ноге.

— Удачи! — обернувшись, бросил шагающий за верзилой Бамбук, при этом с лица тощаги не сходила довольная ухмылка.

— Сегодня поберегите себя, не напрягайтесь лишний раз. Лучше бы вообще вам тут остаться, все равно до темноты недолго осталось. — проговорила юная лекарка, задержавшаяся, чтобы отдать последние наставления.

— Хорошо, так и сделаем. Спасибо тебе!

— Да не за что. Там в карманах найдёте лайт-спек в шприцах, при тяжелых ранениях помогает. перевязочные материалы тоже там. — продолжала она

тихим голосом и в конце добавила, улыбнувшись напоследок. — Но лучше, чтобы они вам негодились, берегите себя!

— И ты тоже береги себя, Алиса... — последние слова проговорил еле слышно, уже в спину удаляющейся девушке. При этом, вдруг с прозрачной ясностью осознал, что, то самое, непонятное теплое чувство, которое испытывал при встрече с Настасьей, всего секунду назад посетило меня снова.

Глава 11.

После того, как последняя из фигурок исчезла в клубящейся пелене портала, а сам портал схлопнулся, пыхнув на прощание зеленоватым светом, мы с бородокосым остались одни.

— Пошли штоль мешки потрошить? — выдал крестный, с таким невозмутимым видом, будто и не было никакой встречи со странным отрядом.

До утра решили остаться на острове. Несмотря на то, что после снятия метки, твари, находящиеся на расстоянии, перестали излишне активно интересоваться моей тушкой, от случайных одержимых этот факт не охранял. Так что изолированность кусочка суши посреди речного русла продолжала оставаться для нас полезным свойством.

— Я так и не понял, почему ты от честно заработанной жемчужины отказался? — вопрос задал, ковыряясь в содержимом затылочного нароста топтуна, развороченного ножом.

— Не нужно мне ихого жемчуга. — хмуро ответил бородокосый, занимаясь аналогичной процедурой с валявшимся в стороне кусачем.

— Но наконечники для стрел взял, да и от доспеха не отказался, если бы дали.

— Энто другое, энто для дела. Но долга пред ими не желаю иметь.

Понятнее от произнесенных слов не стало. Но и продолжать диалог, пожалуй, не стоило. По недовольному голосу крестного и коротким фразам, которыми он отделялся от вопросов, можно было понять, что у него нет особого желания обсуждать поднятую мной тему.

— Недоброе чую я от их. — после недолгого молчания начал пояснять бородокосый. — Особливо от энтой, чернявой, што у их за старшую. Тот дар, што позволят мне у людей в душе гнильцу выглядеть, с самого с началу моего пути в Улье помогают мне не якшаца со всякими энтакими. Энта вона чернявая моим даром напрогляд вся из той гнили. Не знаю, откуда у ей стоко жемчуга белого, но большее от её не стану брать, хоть целу жменю за так пондесёт!

— Может ты преувеличиваешь? Конечно, женщина она не особо приятная, жесткая и властная. Но ты ведь сам говорил, что миссия, которую мы подвязались выполнять, дело, хоть и непростое, но полезное. Может она от чувства лежащей на ней ответственности такая стала?!

— Не знаю, што за чуйства у ей тама, токмо чую недоброе и всё тут. — произнёс крестный, опустошая очередной затылок одержимого, и добавил уже не так уверенно. — А можа и впрямь чегой-то я не то вижу, энто дар у меня почитай уж семь годков, а так толком и не разумею, что в ём, да как. Хоть та же Тайка присоветовала пользоваться его чаще и сильнее делать, потому как польза в ём немалая.

По мне, даже это объяснение не может являться достаточно серьёзным оправданием для отказа от честно заработанной белой жемчужины. Что за странный жест? Но кто её поймёт, логику человека тринадцатого столетия, попавшего в другой мир. Или двенадцатого всё-таки?! А ведь и правда! Сколько времени здесь провел, но так и не озаботился уточнить такую простую вещь.

— Дядь Прохор, а какой сейчас год, кстати?

— Год?! Хо-хо! Да откель про такое узнать?! Тута мы не особо года-то щитаем, день прожил и ладно. Хотя, энто я шуткую, конечно, имеюца людишки ученые, которы за энтим делом приглядывають. Токмо я за их щётот не гляжу, у меня свое леточисленье. Как в Улей попал, с того времени и щитаю годы.

— И в каком году ты сюда попал?

— В 1233 от рождества Христова, как счас помню. Лето в тот год оченно жаркое было. Сбиралися с младшим поутру на дальний плёс за рыбой, а он намедни ногу зашиб, сорванец энтакый. Так што один отправился. Дошёл до места, где мы обнаковенно верши ставили, а тама туман. И не простым тот туманище сразу казался. Я ж тогда есчѐ не знал, што за штука такая — кисляк. В обчем, так в Улей и попал. Трое сынов у меня дома остались, всех любил, но Коленьку, младшого, поболе остальных. Ему тогда пятый год минул, а счас он, значица, уж тринадцату весну встретил. Оно, пожалуй, и лучшее, што не взял я его тогда, хоть и просился со мною. Улей — не место для ребятишек... Эх, да нечего об том поминать. Дело прошлое. — когда крестный начал рассказывать о своём прошлом, скрипучий его голос наполнился теплотой и легкой грустью. Но под конец монолога теплота сменилась горечью и тоской по родному дому, давно и безвозвратно потерянному.

— А я не помню. Ни момента, когда попал в Улей, ни родных, которые там остались. — глядя на хмуро молчащего бородокосого, я уже пожалел, что поднял вопрос о прошлом. Видимо, расставание с близкими оставило в его душе тяжелые раны.

— Мож оно так и лучше. — очень серьёзно сказал крестный.

— Может и так. — произнёс я в ответ. Но уверенности в этих словах было немного.

К вечеру небо начало темнеть и хмуриться, в итоге разразившись неприятным морозящим дождиком. Так что на ночевку пришлось перебираться под крышу одной из построек, выбрав ту, под которой меньше капало.

Предварительно подкрепилися, заедаю стресс от пережитых событий. Но на еду старался не налегать. Хотя аппетит был зверский, всё же опасался излишне набивать желудок после ранения.

— Что-то не торопится твоя знахарка. — вспомнил я вдруг изначальную цель нашего пребывания на острове. — Хотя, сейчас ей, получается, и приходит незачем, метку сняли, одержимые больше не будут за мной гоняться.

— Задерживаюца чегой-то. — спокойно ответил крестный, наваливая себе побольше соломы на лежбище. — Не беда. Седня не дошли, завтра, значица, дойдут. А то што одержимых отвадили, тожить хорошо, Тайке меньшей хлопот. Но дождаца их надо, мне жемчуг передать, да и попрощаца тожить следоват. Все ж на сурьезное дело идём, могём и не воротица. Да и тебе с памятью мож подмогнет Тайка, она и по энтим делам тожить сильна.

— Так она же смотрела и не увидела ничего.

— Увидала, не увидала, а как очухашься, хотела есчѐ раз проглядеть тебя. Да может и увидала чегой-то, да сказывать не стала. Тайка — баба мудрая, по-всякому быть может.

В ответ лишь неопределённо покачал головой.

— Ложися спать уж, нече попусту балаболить. — бросил бородокосый, заканчивая разговор.

Крестный уснул быстро. Похрапывать он начал почти сразу, едва только успел завалиться на лежак, расположенный у противоположной стены.

А вот мне сон не шел. Глядя в покрытый соломой и ветками потолок, раз за разом

прокручивал в голове события прошедшего дня.

Несмотря на то, что наконец встретился с частью своего прошлого в лице четверки знакомых, особо прояснить само это прошлое им не удалось. Информации, полученной из разговоров с, так и не узванными, старыми товарищами по оружию, было немало. Но вся она оказалась обрывочной и, будучи не подкреплённой необходимыми фрагментами из собственных воспоминаний, по большей части оставалась бесполезной. Как невозможно собрать пазл, в котором отсутствует половина деталей, так и полученные по частям новые знания не давали возможности увидеть всю картину полностью.

Ну, зато хотя бы есть конкретная цель, и дорога к ней ясно указана на карте, любезно оставленной темноволосой. К тому же, если верить её словам, в конце пути меня ждут ответы на все вопросы и полный возврат памяти. Уже один этот факт мотивирует так, что готов хоть сейчас, среди ночи, подскакивать и, сломя голову, нестись к заветной цели.

Но, бежать, конечно, никто никуда не будет, бородокосый прямым текстом дал понять, что для успеха операции торопиться не стоит.

Уже в сумерках, при неясном свете костра, успели в общих чертах обсудить предстоящий путь, сопоставляя указанный на карте маршрут с географическими познаниями крестного.

Современную карту он толком не понимал и справлялся исключительно с моей помощью, при этом не прекращал ругаться о её "неправильности" и, что у них "по-иному рисуют".

В итоге, после долгих расчётов и уточнений, пришли к выводу, что маршрут просчитан оптимально и, если ничего не помешает, до места доберемся максимум за пару-тройку дней.

Не знаю, сколько ещё пролежал, вспоминая и пытаюсь осмыслить полученную от пришельцев информацию.

Больше всего настораживала таинственность, окружающая непонятных руководителей отряда. Что за старшие? Почему любой из участников группы, стоило разговору коснуться их загадочных покровителей, вдруг становился молчаливым и хмурым? Да и вообще, полученная информация, несмотря на её обильность, в основном оказалась неполной. Даже о самой цели всей миссии нам сказали ровно столько, чтобы хватило для выполнения отведенной нам роли. В итоге — масса полученной информации о моём прошлом, обесцененная её абсолютной неузнаваемостью. Ведь ничего из сказанного моими новыми, то есть старыми, товарищами так и не было принято, как что-то своё. Всё, включая и самих этих товарищей, казалось совершенно чужим и незнакомым.

Сколько не обдумывал новые знания, ничего, по-настоящему нового, это самое обдумывание не принесло. Единственная польза в том, что интенсивная работа мозга привела к усталости и кружащий в голове хоровод мыслей, в конце концов, начал стихать.

Организм, утомившийся после тяжелого дня и полученного ранения, с облегчением отправил сознание в глубокую бездну сновидений. Причём самих сновидений в этой бездне не оказалось. В том смысле, что это была первая ночь, в которую меня не посетили, уже ставшие привычными, сны-воспоминания.

Несмотря на вчерашние приключения и долгое засыпание, проснулся рано. К тому же на удивление бодрым и без болевых ощущений. Хотя после настолько серьёзного ранения, пусть и излеченного волшебным даром юной лекарки, ожидал болей и скованности. Но ничего такого не почувствовал. Единственное, что напоминало о развороченной вчера грудной клетке, было пятно молодой кожи на месте травмы, ну и то самое ощущение

чужеродности все ещё присутствовало. Правда за время сна оно успело ослабнуть настолько, что почти не беспокоило.

Глянув в угол, где бородокосый вчера устроил себе лежак, увидел лишь ворох примятого сена. Видимо, крестный уже поднялся и отправился по своим делам. Очень надеюсь, что он пошёл завтрак готовить, а то в животе будто стая одержимых поселилась и урчит не переставая.

Набежавший за ночь туман уже почти рассеялся, обнажив контуры рыбацких построек, в том числе останки навеса, разваленного приземлившейся тушей топтуна. Тут же обнаружился поднявшийся засветло бородокосый, сидящий на бревне неподалеку. К сожалению, деятельность его даже близко не была связана с приготовлением пищи. Крестный возился со стрелами, пересаживая на них наконечники, полученные от вчерашних пришельцев.

Что ж, придётся самому позаботиться о хлебе насущном. От вчерашнего пира ещё осталось немало съестного. Нужно лишь разжечь костер да подогреть. Хотя, можно и холодным, есть хочется, словно неделю голодал. Может последствия ранения сказываются и организму необходима энергия для восстановления. Да что рассуждать, есть надо. Вот только умыться для начала не помешает.

Махнув крестному, спустился к воде.

В речной глади отразилось заспанное зевающее лицо. Ничего, это мы сейчас исправим. Хорошенько умыться холодной водой прохладным, даже зябким утром — лучшее средство, чтобы окончательно прогнать сон.

— Кончай плескаца, крестничек, гости пожаловали. — прервал едва начавшиеся гигиенические процедуры скрипучий голос бородокосого.

Оторвавшись от воды, бросил взгляд на правый берег, но ничего не увидел. Лишь после того, как поднялся во весь рост, на самом пределе видимости разглядел скопление темных точек, едва заметно движущееся по блеклой зелени степи.

Не стал удивляться, каким образом бородокосый в этих точках признал долгожданных гостей. Ещё раньше успел убедиться, что со зрением у меткого лучника всё в порядке.

Недоумение вызывало лишь количество гостей. Ведь ждали знахарку с помощницей и охраной, ну десяток человек максимум, а тут втрое или даже вчетверо больше.

— Это точно они? — спросил недоверчиво, оглядываясь на крестного.

— Оне, кто ж ещё.

— Ты же говорил, что только знахарка будет?

— Твоя правда. Но чегой-то Анисим с воями за ей увязался.

— Анисим?

— Энто старейшина нашенский.

— А ему что надо?

— Да откель мне знать чегой?!

— Может просто для охраны?

— Можа и так, а можа и иньшее што. Да чегой гадать, до нас дойдут, сами и скажут. — Крестный безразлично махнул рукой, но мне этот его жест показался каким-то напускным. Он пытался сделать вид, что появление старейшины не имеет особого значения, но напряженность в его голосе во время диалога говорила об обратном.

— К ним на берег поплывём? — спросил, чувствуя, как обеспокоенность бородокосого передаётся и мне.

— Верно. Давай-ка собираца, да лодку на воду спускать.

Лодка была не только неудобной, но и тяжелой. Особенно если тащить её по вязкому илистому дну прибрежной полосы, заросшей камышом и травой. К тому же, после того, как вытянули неуклюжее плавсредство на берег, в окружении кустов, оно стало выглядеть натуральным бревном, вынесенным волной на берег.

За время, потраченное на сборы и переезд на "большую землю", гости успели приблизиться настолько, что их можно было не только пересчитать, но и во всех подробностях рассмотреть.

Было их ровным счётом сорок четыре человека, при этом все на конях.

Кавалькаду возглавлял рослый бородач в красиво изукрашенном доспехе, на могучем жеребце. Жеребец, кстати говоря, тоже был защищён. От головы до хвоста животное накрывала кольчужная попона, морда тоже частично была защищена ею, глаза по бокам прикрыты шорами.

Сопровождавшие его войны, по большей части, тоже смотрелись внушительно. Их оружие и доспехи оказались совсем непохожи на те, что видел на бойцах в посёлке. По сравнению с, походившими на банду разбойников, поселковыми ополченцами, сидящие на конях вояки выглядели королевской гвардией. При этом всадники были как бы разделены на две неравные группы. Двигающиеся впереди "гвардия" под командованием бородача — тридцать с лишним человек. И, следующие за ними и чуть в стороне, бойцы с обмундированием попроще. Да и лошади под ними были на порядок хуже, без брони, и с виду уступавшие более рослым и упитанным конягам гвардейцев.

Приглядевшись, среди этих самых, плетущихся в арьергарде, вояк, заметил пару знакомых лиц. В их числе оказался и Демьян, тот самый, что сопровождал пришедшую покорить меня Настасью и поначалу относившийся ко мне с подозрением. Остальных, хоть и смутно узнаваемых после боя в посёлке, поимённо не знал.

Ещё в глаза бросилась женщина в мужской одежде, кольчуге и повязанном на голову, платке. Держалась она во второй группе и ехала рядом с Демьяном, при этом негромко переговаривалась с ним.

Видимо, это и есть та самая знахарка — Таисия.

Оставив лодку с вещами на берегу, не торопясь двинулись навстречу гостям.

С момента отплытия с острова бородакосый не проронил и слова. Со стороны казалось, что он пребывает в состоянии глубокой задумчивости. Но угадать какие именно мысли занимают голову крестного не получалось, в его серо-стальных глазах не отражалось даже тени эмоции.

Далеко отойти от прибрежной полосы не успели. Пусть всадники не особо поторапливали лошадей и шли лёгкой рысью. Но даже в таком темпе по скорости превосходили вдвое наш пеший шаг.

Встреча состоялась на небольшом, километр — на полтора, пятачке голой земли. Ни кустика, ни травинки. Слово кто-то заранее побеспокоился очистить от растительности площадку для переговоров. Посреди желто-зеленой степи этот участок выглядел чужим и лишним. Но я уже догадался, что это просто небольшая сота, втиснутая неведомыми силами в толпу более схожих меж собой собратьев.

Старейшина первым спрыгнул с лошади, причём чересчур резво, что, для его богатырского телосложения, выглядело неестественно. К тому же здоровяк был облачен в кольчугу и доспех, на его украшенном воинском поясе висели чекан и длинный меч, что

тоже не должно было добавлять свободы движений.

Легкой пружинящей походкой, старейшина приблизился к нам. Взгляд его глаз, жёсткий и с прищуром, при всем желании нельзя было назвать приветливым.

За его спиной, словно из воздуха, материализовались двое спешившихся всадников, если и уступающих в росте предводителю, то совсем немного. Остальные остались в седлах. При этом две группы по три человека, разъехались в стороны. Наверное, дозор.

Немного в стороне, отделившись от основного отряда остановилась знахарка со свитой. Те не стали засиживаться на конях. Быстро спешившись, начали снимать с коней сбрую. Видимо, не просто поздороваться приехали.

Но подходить к нам, из той группы, пока никто не собирался. Несколько человек повели расседланных коней к реке, на водопой. Остальные занялись своими делами.

— Здрав будь, Анисим! — произнёс бородокосый, шагнув навстречу здоровяку, возвышающемуся над ним, словно утёс.

— И ты, Борода, будь! — ответил тот не особо приветливо.

— Чегой тебе дома не сидица-то? Ещчѐ воев привѐл стоко. Вот жеж на промысле были, аль сызнава пошли?

— Дальним дозором край обходим, да от одержимых чистим. Вы тут с крестником своим натащили погани со всей округи, а нам их теперича выкашивать.

— С энтим все, разобралися. Уж за пустым одержимыя не шастают. Можете обратно сбираца.

— Неужто сами управилися, без Тайки?

— Да есть люди добрыя, подмогли.

— Каки ж тут, в глуши, люди?

— Добрыя, Анисим, добрыя!

— Добрыя, говоришь?! Ну ну! — первые слова здоровяк произнёс негромко, хотя в голосе и были слышны нотки злобы, но дальше перешѐл на крик. — А с нашими людьми што? С теми, которы по милости твоео крестника в землю легли? С ими што делать прикажешь?

— С теми, што покой обрели, ничаго уж не поделашь. — крестный отвечал спокойно, лишь брови нахмурил. — Токмо и остаеца, што оплакивать, да память их чтить. И дальнейшее жить так, штоб оне на нас глядя, возрадовалися.

— Жить?! Жить?! Жить?! — Анисим явно не собирался успокаиваться и продолжал разговор на повышенных тонах. — А детям да женам ихним што скажешь? Которы без корми...

— Кончай, Анисим! — не выдержал бородокосый, отвечая криком на крик — Я сам наперечет знаю всех, у кого в энтон сече родичи сгинули! И с ими жешь каждого из павших оплакиваю!

— Где ж с ими, коль ты тут незнамо с кем шасташь?

— Духом, Анисим, духом я с ими! — уже более спокойно проговорил бородокосый. — А на Пустого ты зла не держи. Коли по совести судить, вины в том горе, что к нам в избу пришло, на ём не большее, чем на нас с тобою!

— На мои плечи вину переложить хотишь?

— Скажу счас, как оно было. Там уж сам думай, на ком вины большее. Отметину, што одержимых притягиват к Пустому прилепили те же люди, што и сняли. Те, с которыми мы тут встретилися. Не со злым умыслом прилепили, а просто вышло такото.

— Ха-ха-ха! А где ж оне, людишки-то? — сбавив тон, старейшина заговорил насмешливо.

— Ушли оне. Про их с Пустым дела не стану, сказывать очень долго, да и не понял я тама толком ничего. В обчем вину свою оне признали, покаяться и плату за погибших, значица, возвернули...

— Откупилися штоль?! А што жещь оне сами не пришли к нам, што откуп сами не принесли, а чрез тебя отдали? Не по-людски так! Видать откуп мал, сами постыдилися при... — Здоровяк собирался продолжать, но замолк на середине слова. Даже рот забыл закрыть, да и глаза выпучил, увидев на раскрытой ладони бородокосого три белых шарика. Аналогично отреагировали вояки, стоящие за спиной Анисима.

— Вот, значица, плата. Сами оне не могут. — безразлично проговорил крестный. — Думал с Тайкой передать, но коли ты здесь...

— Это што, жемчуг? — еле слышно, враз севшим голосом спросил здоровяк.

— Жемчуг.

— Белый?

— Белый, белый. Бери уж.

— И впрямь жемчуг! Тееееплый. — протянул старейшина, сжимая в кулаке принятое от бородокосого богатство и глуповато улыбаясь. Правда, длился его восторженный ступор совсем недолго. Несколько мгновений понадобилось здоровяку, чтобы взять себя в руки, стереть улыбку с лица и спрятать жемчуг в висящий на поясе кожаный мешочек.

Напоследок он ещё раз пристально посмотрел на белые шарики на своей ладони, словно хотел удостовериться, что бесценное сокровище не исчезло.

— Кхм... Што ж, плата достойная! Принимаю и признаю, што хоть павших энтим не возвернуть, но живым большая подмога от сего дара! — набравшим силу голосом заключил Анисим и стоявшие рядом войны согласно закивали головами. — Передай энтим своим людям, што нет боле за ними долга, такоже и на крестнике твоём нету вины.

Бородокосый молча кивнул в ответ.

А мне, все это время, в молчаливом ожидании, наблюдавшем за переговорами, вдруг пришло в голову, что именно за этим и пришёл старейшина. Показавшийся сначала грозным предводителем, готовым за свой народ рубить головы и сажать на кол, в дальнейшем по ходу разговора он так резко переключился с гневного негодования разъяренного военачальника, на ехидно-оценочное подначивание торговца, что стала понятна изначальная цель визита увязавшегося за знахаркой Анисима. Здоровяк хотел просто-напросто получить материальную компенсацию за погибших воинов.

Только неясно, что именно хотел у нас реквизиовать хитрый старейшина. Откуда ему было знать, что внезапно из будущего появятся мои странные соратники и заплатят белым жемчугом за то, что натворили одержимые в поселке. Значит, он хотел получить что-то из нашего с крестным имущества. Ума не приложу, что именно. Что, явно небедному Анисиму, возглавляющему целое поселение, могло понадобиться от двух бродяг-оборванцев?! Загадка!

— А што за люди таки, с коими вы тут якшаетесь? Откуда? Чьего роду-племени? Чем живут? — после небольшой паузы, с почти незаметной ноткой подобострастия в голосе, начал расспрашивать Анисим. Спрашивал он одно, а в пытливом взгляде хитро прищуренных глаз читалось другое: где найти этих, богатых белым жемчугом, людей? При этом, намерение любым способом отнять спрятанное в чужих карманах богатство читалось во взгляде не менее отчетливо.

— Издалече оне. Сам толком ничаго об их не знаю, а што знаю, толком не понимаю. Да и откель знать, коли энто Пустого вона знакомцы. Тока и он их не помнит, с памятью у его ж беда.

— Чудные у твою крестника знакомцы! — Здоровяк перевел взгляд на меня, оглядел внимательно, словно пытаюсь найти ответ в моем облике.

— Уж каки есть. — пожал плечами крестный.

— Сами то дальше чего делать думаете? — помолчав немного, спросил старейшина. — А то айда к нам. Мы с тобой, повздорили, Прохор, прогнал я тебя, но то в сердцах, не подумавши. Прости, коли обидел! Но ты и сам понять должен! Не можно было по инышему решить! Но теперича уж конец спору, я тебя простил, и ты обиды не держи! Вертайтесь вместе с крестником, нам добры вои счас ого-го как нужны, сам понимать должен. Ну?

— За предложенье благодарен, но принять пока не можем. Дело у нас с Пустым, сурьезное. Коли живы останемся, можа и воротимся. А, Пустой? — бородокосый обернулся, удовлетворительно хмыкнул на мой ответ в виде пожатия плечами и продолжил. — Ну да, у его тама со своими можа што срастеца, али прошлое вспомнит.

— А што за дело-то? Мож помочь?

— Да не, путь неблизкий у нас впереди, но тама нас Пустого товарищи дожидатца будут. Оне ребята сурьезныя! Справимся, пожалуй. А коли с ими не управимся, так никто с энтим делом и подавно не управица! Так я разумею!

— Это те самые... — Анисим хлопнул по мешочку с жемчужинами и, получив утвердительный кивок от крестного, добавил задумчиво. — Так вы пешком что-ли?

— На лодке, по реке вона. — махнул рукой в сторону бородокосый.

Старейшина проследил глазами в указанном направлении, перевел взгляд на нас, снова на реку. При этом на лице здоровяка отразилась напряженная работа мысли, словно именно сейчас он принимал какое-то важное решение.

— По суше оно можа и быстрее выйдет, но на воде всяко покойнее. Так што по реке и пойдём. — продолжил крестный, не обращая внимания на раздумья собеседника. — Мимо Красного торжища, почитай, до самого Святолесья плыть. А тама уж пехом немного останеца.

— Докуда? — вынырнув из своих мыслей, спросил старейшина заинтересованно.

— Да тама... недалече от Гор Погибели. — неохотно произнёс бородокосый.

— Ого! Што вы там забыли-то, в энтом месте проклятом?

— Я-то ничего не забыл, энто у Пустого со товарищи дела там каки-то.

— Сгинете же! — после упоминания цели нашего путешествия, Анисим не на шутку разволновался. Раньше в разговоре он мог более-менее следить за словами и голосом, хитрить, иногда добавляя напускного негодования или показного дружелюбия. Теперь же в голосе здоровяка проскакивали ноты неподдельной тревоги, а может даже и страха.

Слыша неожиданно дрогнувший голос старейшины, а также побелевшие лица воинов, стоящих за его спиной, я вдруг осознал, что цель, к которой мы так стремимся и впрямь может оказаться настолько опасной, что все, случившееся ранее, в сравнении с ней, покажется милой сказочкой, рассказанной, доброй бабушкой любимому внуку, перед сном.

Глава 12

Едва только закончился разговор о тех самых Горах погибели, как Анисим резко засобиравшись в дорогу, сославшись на важные и срочные дела. И, по-скорому попрощавшись, умчался куда-то вдаль вместе с дружиной. Поверить в суеверный ужас, заставивший бывалого воина бежать куда глаза глядят, было сложно. Тут было что другое. И узнать, что именно вряд ли удастся.

В облаке пыли, поднятой копытами лошадей, повис ворох вопросов, так и оставшихся незадавленными во время разговора.

— Напрасно ты, Прохор, про путь ваш ему сказывал. — произнесла знахарка, глядя вслед удалившемуся старейшине с отрядом.

— Сказал и сказал. Чегой напрасно-то?

— Недоброе он замыслил.

— Да чегой мелешь?! Миром с им разошлись, дажить воротица звал.

— Он потому мириться с тобою стал, што откуп великий получил. А сюда собирався совсем с другим умыслом.

— С каким энто? Голову рубить штоль?! — хохотнул крестный.

— А хоть и рубить. Да и меч, коим ты крестника своего одарил, отнять собирався. Он на тот меч давно глаз положил, и так и эдак у тебя его выманить пытался, сам помнить должен.

— Помню, как не помнить-то. Токмо меч энто не его ума дело! Да и головы рубить надуть постараца, а то сам можешь без головы остаца! — враз посмурнев, с вызовом ответил бородокосый.

— Потому-то Анисим и пришёл с дружиной. Знает, что сам с тобою не управится. Да и крестник твой не так прост, как кажется. Как-то ведь выжил он в той сече, в которой Дед Василий с Феофаном полегли. — на последних словах она обернулась, вперила в меня внимательный взгляд своих, отдающих холодом, васильковых глаз.

— Чудом спасся. — не стал вдаваться в подробности, просто пожав плечами.

Из разговора с Настасьей я вспомнил, что девчонка называла знахарку красивой. Ещё то, что все ухаживания и знаки внимания, оказываемые не только местными, но и приезжающими из других поселений, женихами, она безапелляционно отвергала.

Теперь же в словах девчонки можно было убедиться самому.

Несмотря на отсутствие косметики, мужскую одежду, кольчугу и, совершенно не вяжущийся со стройной фигурой, (которую не смогло скрыть даже воинское облачение) немаленьких размеров топор на поясе, выглядела знахарка эффектно.

Не слишком ровно подрезанные волосы цвета спелой пшеницы в беспорядке рассыпаны по плечам. Слегка бледную кожу, в обрамлении светлых прядей, разбавлял легкий румянец на щеках и нежная розоватость губ. Черты лица, особенно правильные и выразительные, довершала синева глаз, своим цветом напоминавшая о безоблачном январском небе. В этой, пронизанной ледяными нитями, синеве терялась возможность определить истинный возраст знахарки.

На первый взгляд ей нельзя было дать больше двадцати. Яркой энергией юности так и светило от хорошенького личика и ладной фигуры. Но стоило лишь заглянуть в, обрамленные пушистыми ресничками, глаза, как эта цифра вмиг умножалась в два, а то и в

три раза.

— Ты думаешь, что спасся... Спасся... — задумчиво проговорила Таисия, продолжая морозить меня своим, прошивающим насквозь, взглядом. Повторила, словно пробуя слово на вкус и, вдруг поморщившись, прикрыла глаза ладонью, горестно покачала головой. — Нет. Не спасся. Никто не спасся!

— Чегой не спасся-то?! — переспросил, хмурясь, бородокосый. — Вона жеешь он живой, спасся, значица!

— Ещё не спасся! И мы не спаслись!

— От чего я не спасся и при чём здесь вы? Одержимых ведь отвадили, вы в безопасности. Или это про то, что у нас с крестным впереди опасность? Так нас о том предупредили, что в конце пути ждёт, да и сам путь может оказаться непростым, улей всё-таки. — глядя на разом побелевшее лицо знахарки, весь румянец с которого сошёл в один миг, хотел подхватить её под руку, но Таисия сама вдруг шагнула навстречу.

Хрупкие девичьи ладони легли на мою голову, мягко, но настойчиво надавили, заставляя поднять подбородок выше. Побледневшее, но все ещё остающееся красивым лицо приблизилось почти вплотную. Колкий взгляд расширенных, немигающих глаз уперся, полностью перекрыл обзор, вынуждая и меня самого шире распахнуть веки. Да так, что в глазах вдруг искры замельтешили.

Девушка нежно глядит в глаза возлюбленному после долгой разлуки. Со стороны происходящее и впрямь можно было принять за сцену интимного характера, но на деле ситуация больше походила на осмотр у врача. Очень строгого врача.

— Не оглядывайся, смотри в глаза. Не о чём не думай. — каким-то отрешенным голосом произнесла Таисия, когда я попытался скосить взгляд на бородокосого, замершего в стороне с серьёзным лицом.

Пальцы её вдруг сильнее сжали голову, а зрачки расширились, почти заполнив собой всю радужку. При этом ощущение холода, доселе казавшееся лишь визуальной аллегорией, связанной с цветом глаз знахарки, и в самом деле начало пробираться, несмотря на относительно теплую погоду. Причём пробираться холод начал не снаружи, а наоборот. Словно где-то внутри распахнулось окно в ненастную зимнюю ночь и ледяной ветер ворвался сквозь него, засыпая все острыми, колючими снежинками и промораживая насквозь. Собственные глаза казались теперь двумя маленькими хрупкими льдинками — моргни и выпадут из глазниц, заиндевшее сердце с трудом проталкивало густеющую кровь сквозь сосуды, а покрывшиеся инеем легкие вот-вот должны были замёрзнуть и замереть окончательно.

Не знаю, сколько времени длилась эта ледяная мука. В конце концов ладони Таисии отпустили мою голову, а сама она отпрянула, тяжело дыша. В тот же миг закрылось и окошко с ледяным ветром. Правда, ощущение внутреннего холода все ещё оставалось, но оно уже не было столь сильным, с каждой секундой сковывающая внутренности ледяная корка таяла.

— Прости, обычно это не так больно бывает. — проговорила знахарка, морщась и вытирая взмокший лоб.

Это что получается, меня морозила, а сама потела?!

— У меня внутри... всё как будто льдом покрылось. — ответил ей, натужно кашляя.

— Да нет, это только кажется так. Обычно я на прогляд тихо, да подолгу гляжу, там почитай и не чувствуется ничего.

— А меня, значит, помучить решила? — спросил шутливо.

— Тебя тяжело проглядывать, закрыт ты, спрятан, словно стеной огорожен. Хоть и пустой совсем, словно дитя, только народившееся. Никогда такого не видела! Только сейчас не об том. Я ведь будущее твое проглядывала, а это ещё вдвойне тяжелее.

— И все равно холодом до костей пробрало, попить бы, тепленького чего-нибудь. — ежась, кивнул в сторону, собравшихся вокруг костра, поселковых воинов.

Пока мы вели беседы и торговались со старейшиной, хозяйственные мужики, сопровождавшие Таисию, организовали костерок, повесили над ним котелок. И, судя по доносящимся из него, очень аппетитным запахам, что-то там такое вкусное готовили или подогревали. А мы с крестным как раз с утра позавтракать не успели.

— Идём. — двинулась в сторону костра знахарка, жестом приглашая следовать за ней. Но возле расположившихся кругом воинов останавливаться не стала, пошла мимо, лишь махнула рукой в сторону одного из них, попытавшегося идти с нами. — Отдельно сядем, то что сказывать буду, не для всех. — не оборачиваясь, вполголоса сказала Таисия.

— От своих людей скрываешься? Не доверяешь? — спросил я, под неодобрительным взглядом, шагающего рядом, бородакосого.

— Не в доверии дело. Не стоит им слышать того, что сказывать буду. Не в их силах бороться с тем, что может случиться. Так и пускай об том их думы тяжкие не одолевают. — серьёзным голосом произнесла знахарка, обходя стреноженных лошадей, пасущихся рядом. — Да и, касаясь беды, свалившейся на наши головы, не все думают также, как мы с крестным твоим. Даже из тех, которые нынче со мной пришли, многие, также, как и Анисим, считают тебя причиной нашествия одержимых.

— И правильно делают! — ответил, скрипнув зубами от бессильной злобы на самого себя. Тут же, перед мысленным взором, пронеслись картины трагедий, случившихся в посёлке.

Парнишка, раздавленный тушей кусача. Плачущая девочка на руках у Настасьи, ставшая сиротой в один миг. Дед Василий, оставшийся сдерживать тварей ценой своей жизни...

— Коли сам вину свою признал, уж ту вину можешь надвое делить. — махнула рукой Таисия, прерывая очередной мысленный образ, отзывающийся в душе тоскливой тянущей нотой. И добавила: — Но, если и дальше станешь сердце на части рвать печалью о павших, не справишься с тем, что ждёт тебя впереди! Мертвых оплакать завсегда успеешь, твоё дело теперь живых уберечь.

— От чего уберечь? — непонимающе спросил я.

— От беды, от гибели.

— И, что я должен для этого сделать?

— То мне неизвестно. Да и про напасть, что гибель несёт не спрашивай. Я хоть и могу в грядущее одним глазком заглянуть, только и то, что там вижу, всё словно через воду мутную, через пелену. Так что многого от прогляду моего не ждите. — Знахарка остановилась возле ещё одного костра, доселе скрывавшегося от наших взглядов за, увлеченно щиплющими зелёную травку, лошадьми.

Рядом с огнём, на укрытом попоной седле, в одиночестве, сидел Демьян, сосредоточенно помешивая исходящий паром котелок. Пар доносил до носа терпкий аромат каких-то, то ли душистых трав, то ли ягод, а может и того и другого. Компот он тут сидит варит что-ли?!

Помимо седла, на котором расположился Демьян, по сторонам от костра были

разложены еще три такие же импровизированные скамейки, наскоро собранные из лошадиной упряжи. Видимо, знахарка заранее позаботилась о подготовке обособленного места для беседы, дав на этот счёт указания сопровождавшим её воинам.

— Не бойтесь посреди степи костры разжигать? Вдруг одержимые на огонёк надумают заглянуть?! — спросил, поздоровавшись с Демьяном и, следуя примеру остальных, присаживаясь на одно из сёдел. Молчаливый детина лишь пробурчал что-то себе под нос, продолжая скрести длинной деревянной ложкой по дну котелка.

— Не боимся. У Николая нашего дар — одержимых отпугивать. Покуда он рядом, ближе, чем на две версты, не один из их братии к нам не подойдёт. — ответила за Демьяна Таисия, и добавила, с улыбкой поглаживая топор на поясе. — А даже если кто и подойдёт, вмиг познают остроту наших клинков, да воинское уменье. Ты не гляди, что у Анисима вои все, как на подбор, в броне доброй, да при оружьи славном, со мною вои не хуже пришли. А коли по дарам мерить, то вся Анисимова дружина не стоит той десятки, что вокруг того костра сидит. Старейшина наш, все больше на силу мечей да копий, да на выучку воев своих надеется. Мои же соколики, каждый по два, а то и про три-четыре боевых дара имеют, но и оружье не для красоты носят. Да я и сама, Прохор вот не даст соврать, с топором не хуже любого воя управляюсь, да и сулицу бросаю почти как Феофан наш...

После оборванной реплики, улыбка на лице знахарки поползла вниз, слегка припухлые губы некрасиво искривились, вытягивая нитки морщин в уголках глаз и морща подбородок. Казалось, ещё чуть-чуть и по щекам её заскользят первые тоскливые слезинки.

— Нет уж боле Феофана. Эх... — проговорил крестный, горестно мотнув головой. — Теперича, значица, ты, у нас, Тайка, с сулицей первая.

— Выходит так. — невесело ответила она, всё-таки справившись с, подступившей к ресницам, влагой. И продолжила, дав себе короткую минуту, успокоиться и собраться с мыслями. — О дарах я не просто так сказывать начала. У каждого человека, хоть крестного твоего, хоть Демьяна вон, потайное его на прогляд развидеть могу, совсем сил к дару своему не прилагая. Также и судьбу у каждого вижу, хоть и не так ясно. Из того, что было, что есть, что будет многое сказать могу. Но не тебе! Сколько не пыталась развидеть, но на прогляд у тебя ни даров из потайного нет, ни прошлого. Ты и впрямь, как дитя, только-только народившееся.

— Шустро дитяtko растёт. — пошутил крестный, но и сам даже не улыбнулся.

— Когда только принесли тебя и лежал ты беспамятный, — не обратив внимания на слова бородокосого, продолжала говорить знахарка, — думала получится проглядеть, как на ноги встанешь. Но не выходит. Больше и пробовать не буду, пустое это дело, бесполезное. Только одно вышло увидеть — то, что впереди у тебя... и у нас теперь.

— И, что там? — поторопил я, неожиданно замолчавшую и опустившую глаза, Таисию.

Ответила знахарка не сразу. Ещё не меньше двух минут сидела она, едва слышно нашептывая что-то себе под нос и тихонько покачиваясь из стороны в сторону.

Непонятно, то ли молится, то ли медитирует.

Зато потом, когда этот молитвенный транс, наконец, прервался и она ответила, голос Таисии изменился до неузнаваемости. Из приятного девичьего сопрано он превратился в хрипящий, с присвистом, дискант. Она заговорила часто-часто, едва ли не полупшепотом, но мне этот шёпот слышен был лучше любого крика.

— Что с прошлым твоим, мне неведомо, но будущее твое, и судьба твоя крепко-накрепко связана с ульем и с людьми, в нём живущими. — Наговаривала-набалтывала

знахарка, устремив на меня взгляд, пробивающий насквозь её сомкнутые веки. При этом вновь вернулось ощущение холода внутри, пусть и не такое сильное. — Их жизни, наши жизни, все они скоро окажутся в твоих руках и только от твоего выбора будут зависеть. Да, тебе придётся выбирать и выбор будет нелегкий, тяжело от такой силы отказываться... Погоди, так ведь ты уже выбрал! Уже взял! Нет! Зачем, зачем, зачем??? Или выбирал не ты?! Но кто же тогда? Другой? Кто он?! Убить! Лишь в смерти твоей спасенье наше! Или не в ней?! Надо было раньше, раньше тебя убить, ещё беспмятного... Нет, уже поздно! И всегда было поздно. Выбор сделан давно. Так давно?! Но ведь такого быть не может! Не понимаю... Ох... Нет. Не стоит мне такое видеть... Не по мне такие знания... Болит головушка... Ох... Нет, больше не могууу...

Вмиг подскочивший Демьян подхватил зажмурившуюся, и с силой сжимавшую свою голову руками, валяющуюся набок Таисию. И когда только успел?! Вот вроде сидел, продолжая мешать ложкой в котелке и в один момент оказался возле знахарки. А ведь сидел дальше всех от неё! Не ожидал, что этот увалень может двигаться настолько шустро.

— Тайка, ты энто чегой? — испуганно произнёс бородокосый, от неожиданности так и оставшийся сидеть на месте. Как, впрочем, и я.

— Незнай, мож силу не ращитала, аль ещё чего. — Ответил за неё Демьян, осторожно укладывая девушку на траву и подтягивая под голову седло. — Не бывало с ей такого.

— Не бывало, верно сказал. — слабым голосом подтвердила, приходящая в сознание, Таисия. И добавила еле слышно. — Пить.

И в этот раз, неповоротливый с виду, Демьян оказал первым. Пулей метнулся к огню. Появившейся в руках, как по волшебству, чашей зачерпнул из котелка. Провел ладонью над парящей коричневатой жидкостью, после чего пар в чаше внезапно сошёл на нет. Так же резво переместился обратно к знахарке, аккуратно приподнял ей голову, помогая напиться.

— И впрямь, за всю жизнь не бывало у меня случая на прогляд такое развидеть. — благодарно кивнув присевшему рядом Демьяну, проговорила Таисия. Слова из её губ выскальзывали медленно и неохотно, словно вся скорость растратилась на те бессвязные предзнаменования.

— Честно говоря, я мало что понял из того, что ты сказала. — Пожал я плечами недоверчиво. — Только то, что я несу какую-то угрозу и меня следовало убить ещё раньше. Спасибо, что не убили! Но я не очень то верю во все эти предсказания.

— Я не прошу тебя верить. — Ответила знахарка устало. — Моё дело, пересказать увиденное, дать совет, предостеречь. А убить?! Нет, не поможет, даже наоборот. Но если бы помогло, мешкать бы не стали, поверь. Загубить одну жизнь, чтобы спасти остальные, тут и думать нечего.

— Незнай! Зря ты, конечно, энто, верить не хотишь! — Вставил в разговор свою реплику Демьян и в его голосе явственно различались ноты обиды. — У меня все сбывалось, што Таисия предрекала!

— Может и так. — не стал спорить и спросил примирительно. — Так что там с выбором, от чего я отказаться должен? Скажите уж, раз убивать передумали.

— Не знаю, я поняла лишь о выборе. А что выбрать, и из чего это уж ты сам должен решать, не я. Я ведь мало, что вижу. У прочих вижу немного, а у тебя и того меньше. Но и увиденного хватило, чтобы понять то, что уже немало времени все мы, в Улье живущие, над пропастью висим, на ниточке, на волоске. И только ты можешь, за этот волосок взявшись, нас потихоньку, по чуть-чуть вытянуть. А можешь и сбросить всех в пропасть эту бездонную.

— Да зачем мне такое делать? В смысле сбрасывать, я ведь не злодей какой-то, чтобы за просто так людей губить.

— Откуда тебе самому знать, что нет зла и крови безвинной на руках твоих, коли прошлое твое, даже от тебя самого, скрыто? — спросила, пристально взглядываясь в меня, знахарка, и сама же ответила, улыбнувшись. — Насчет этого можешь не переживать, нету за тобой злодеяний тяжких. Уж что что, а тьму и гниль в душе я разглядеть могу, пусть и похуже, чем Прохор.

— И на том спасибо. — буркнул я невесело.

— А о пропасти... Ты и сам можешь не понимать, что такое случится может. — вновь стала серьезной Таисия. — Будешь по пути своему следовать, чуток поворотишься не туда и всё, считай ту ниточку оборвал и погубил всех нас.

— Да что вы за путь такой мне выдумали? Мы с крестным наоборот идём полезное, для всех вас, дело сделать. Улей очистить от холлов, в смысле от тех скотов, которые людей на органы пускают! — Я понемногу начал выходить из себя.

Железобетонная уверенность знахарки в своем провидческом даре раздражала. Особенно неприятно было то, что вместо, хотя бы маломальского, прояснения подробностей о моем прошлом, Таисия начала пророчествовать о моём же будущем. При этом вдруг, ни за что, ни про что, наградила званием главного злодея и изверга, грозящего смертью всему живому.

— Не мы и не я сей путь для тебя выбрали. Того, кто тебя на тот путь поставил, да подтолкнул, не могу проглядеть я.

— Выходит, есть кто-то, отправивший меня в это путешествие?

— Есть, мельком только его успела высмотреть, когда будущее твое проглядывала. — тяжело вздохнув, как будто неохотно ответила знахарка.

— Это была женщина? — едва услышав об этом неизвестном, почему-то сразу вспомнил Лину. Кроме темноволосой лидерши отряда, кандидатов на роль строящего мне козни злодея как-то не находилось.

Хотя, если вспомнить разговоры с ней и её поведение в общем, то возникают сомнения. Ведь она сама была удивлена моей странной амнезией и потерей амуниции. А может это дело рук тех таинственных старших, с которыми Лина переговаривалась через висящий в воздухе портал? Правда, они, если я правильно понимаю, находятся в будущем и потому, вряд ли могут влиять на мои действия.

Хотя, кто их знает, какие возможности могут быть у организации, способной отправлять в прошлое группу специально отобранных, откормленных белым жемчугом людей. Если они умудряются без ограничений поставлять этот самый жемчуг своим подопечным, значит и его добыча поставлена у них на поток. Получается, для старших, самые опасные существа улья — скребберы, всего лишь безобидные ходячие мешки с белым жемчугом. Которые иногда, по мере надобности, приходится потрошить. Все равно, что фермеру курицу для супа заколоть. Уже одно это заставляет не просто считаться, но и всерьёз опасаться таинственного командования группы путешественников во времени.

— Не знаю кто это. Ничего я не успела ни понять, ни разглядеть. Одно лишь сказать могу, сила у того, кто тебя наставил на путь, неисчерпаемая. Мы для него букашки мелкия, пальцем прижмет и раздавит. Словно солнце сияет он! Лишь одним глазком на его взглянув, чуть не ослепла! Он меня тоже увидел, насквозь проглядел, мог и убить легко. Но не стал, незачем ему это. Даже наоборот, хотел, чтобы я тебе всё это сказала. Он и открылся мне,

чтобы поняла и тебе объяснила что-то. Но не поняла я, не понять мне такое! Никому из смертных не понять! — ответ знахарки выдернул меня из раздумий. Она пыталась проговаривать слова твердо, но в голосе явственно слышна была дрожь. Таисия была напугана до такой степени, что и самому становилось не по себе.

Да что она там увидела такое?!

— Ещё заметила, что приглядывает за тобой кто-то помимо этого... — добавила, морща лоб, словно пытаясь что-то припомнить, знахарка. — Издалече откуда-то. Не знаю откуда, не знаю, как, но приглядывает, хоть и не всегда, а только когда окно отворяется. И чрез то окно, высматривает этот кто-то не то, что сейчас с тобою делается, а наперёд, что в будущем с тобой случится должно. Чтобы сделал ты именно то, что им надобно.

— Да что им всем от меня нужно?! — не выдержал я, отчаявшись хоть что-то понять для себя из того потока информации, который лился из уст Таисии.

— Не знаю, что им нужно. — махнула рукой знахарка. — Но тебе и о другом думать сейчас надобно, как самому выжить, не пропасть. Гибель твою я видела, и не раз. По тому пути, что пред тобою лежит, как по лезвию меча идти придётся. Да и тем, кто с тобой отправится, лёгкой дороги не видать. За каждым из них смерть по пятам будет следовать.

— Так со мной, вроде как, только дядь Прохор пойдёт. — показал я глазами на бородокосого.

— Не только. Демьян желает с вами отправиться, он воин добрый, да и из потайного дары полезны имеет. Сначала думала удержать, да отсоветовать, но потом проглядела, что впереди у него и, хоть сердечко от увиденного кровью облилось, дала согласие. — Таисия говорила негромко и с какой-то затаенной грустью в голосе. — Демьянову погибель увидела на вашем пути темном. Её, конечно, может и не случится. Только видела ещё, что без Демьяна не сдюжить вам. Самую кроху сил, а не хватит и пропадёте тогда, и мы с вами сгинем. Я бы и сама с вами отправилась, только не могу людей своих оставить. После того, как тебя, Прохор, Анисим прогнал, многие недовольные остались. Да и ещё для дела одного воротиться мне надобно, кой кого остановить, а то проглядывала тут и вижу, собрались тоже. Да и пользы от меня в вашем походе никакой, коли управитесь, то сами, а сгинете, так и мы вместе с вами.

— Ну уж тебя, Тайка, точно с собой не возьмем! А Демьян пушай идёт, коли хочет. Насчет погибели не торопись. Может по-иному все оборотица. Глядишь, все живы возвернемся. — одобрительно качнул головой крестный, не обращая внимание на невеселый тон знахарки, и перевел взгляд на меня. — Пустой, ты как, не против?

— Пускай идёт. — улыбнулся я в ответ. — Вместе веселей и... безопасней. Только просьба к тебе, Таисия, будь добра, погляди ещё раз в будущее моё. Может что-нибудь всё-таки раз...

— Нет! Не проси, не стану! — перебила знахарка резким отказом, даже рукой замахала протестующе. — Не потому, что, почитай и так все силы истратила, тебя проглядывая, а оттого, что боюсь вновь увидеть то, для чего глаза мои слабы, да ум темен. Не хочу слепой остаться, да ум потерять.

— Не буду я проглядывать тебя, могу лишь предостеречь от опасностей, что в пути тебя поджидают, кои от моего взгляда укрыты не были. Слушай, да запоминай! — Таисия замолчала, запрокинула голову назад, прикрыла глаза ладонью, заговорила вновь. — От ценности, за которую полмира купить можно, беда большая, но и спасенье. Слабость в ней великая, но и сила, что горы свернуть может. Злая та сила, но коли по уму ею пользоваться,

может и она добром обратиться! Чтобы силу свою найти, к прошлому тянись, иль от всего, что есть отрекайся. Но силу другую найдя, отрекись и от неё тоже! Благость в душе твоей и тепло в сердце, к ним взывай, без них ждут тебя лишь смерть и пустота. Мертвое древо, что жизнь тебе сберегло однажды, спасёт тебя снова! Щит, что от вражеских копий да мечей ограждать тебя будет, выручит не раз, но спасёшься им, когда уж последняя надежда потеряна будет, только если в меч тот щит обратишь! Бойся воев, именем бога прикрывающихся, они не знают пощады! Древа павшего страшись, за ним враг таиться, силы лишаящий! От гибели спастись не выйдет, даже если к началу вернуться, для спасенья надобно другое начало найти, новое! Когда надежды на победу в бою нет, следует умереть, в смерти тоже можно найти спасенье! Павших оплакивай, но помни — этим живых не спасти. Врага бойся, но и друга бойся вдвойне!

Слушая её разрозненные, нескладные и, по большей части, непонятные причитания я даже рот приоткрыл.

Мало того, что вряд ли получится всё это полностью запомнить, так ещё и расшифровать, перевести на более понятный язык и, вдобавок, успеть, в нужный момент, вспомнить о предостережении, связав путанные предсказания с происходящим в реальности.

Обратить щит в меч?! Это каким образом?! Или вот: чтобы силу получить, к чему-то там тянись, от чего-то отрекайся, но и от силы тоже отрекайся?! Зачем её тогда получать, если всё равно отречься?! Или тут про разные силы говорится?! Непонятно... Врага и друга бойся, это ещё можно понять. В том смысле, что не стоит излишне доверять даже близким людям. Но вот эти деревья, которые спасают и за которыми враги прячутся! Спасения в смерти! Начала, которые не подходят, потому что нужно искать новые! Эту всю белиберду мне как воспринимать?!

Непонятно, что из вышеперечисленного стоит взять на заметку ради дальнейшего спасения, а если и взять, то как воспользоваться?!

Вообще, конечно, истовой веры, в то, что что-то из предсказанного сбудется, нет. Как-то не особо доверяю я всем этим гаданиям на кофейной гуще. Правда, учитывая, что пророчество получено не от базарной гадалки, а от признанной вещуньи с настоящим даром предвиденья, думаю, не стоит так просто отмахиваться от сказанных ею слов.

Особенно если учесть внимательные взгляды бородокосого и Демьяна, устремленные на Таисию. Во взглядах тех нет даже тени сомнения или недоверия. Все предсказанное ею, для них уже практически сбылось. Потому и морщат лбы задумчиво, пытаясь осмыслить услышанное, запомнить, и, в нужный момент, последовать совету знахарки, дабы от опасности спастись. Так что, лучшим вариантом для меня будет последовать их примеру, принимая на веру каждое сказанное провидицей слово.

Что ж, ничего не поделаешь, придётся в срочном порядке учиться суеверию

Глава 13.

Ленивые волны, гонимые задувавшим с запада ветерком, медленно перекачивали на своих спинах солнечные лучики. Тем из них, что падали перпендикулярно к плоскости водного зеркала, удавалось проникать сквозь светло голубую толщу, оглаживая искрящиеся серебряной чешуей рыбы спины, снующие на глубине, или даже упереться в светлое песчаное дно. Иные из лучей попадали на изогнутую волной поверхность и, отраженные зеркалом воды, бросали весёлые блики на борта лодки и в лица её пассажиров.

— Экий добрый денёк! — оглядываясь по сторонам и шурясь от, блестящей на солнце, поверхности реки, благодушно озвучил очевидное бородокосый.

— И впрямь. — негромко подтвердил налегающий на весло Демьян.

Узковатая, но длинная лодка с легкостью вместила ещё одного мореплавателя. Хмурый детина втиснулся посередине между сидевшем на носу крестным и мной, обосновавшемся позади, почти у самой кормы. За его, излишне широкой в плечах, фигурой полностью была спрятана передняя половина нашего судна, вместе с бородокосым. Единственное, с помощью чего можно было удостовериться в том, что крестный все еще присутствует в лодке, был плеск погружаемого им в воду весла, да такие вот, изредка бросаемые, ничего особенного не значащие, высказывания.

Говорили мало. Особенно первые пару часов спуска по извилистой, но достаточно широкой для того, чтобы исключить нападение одержимых, речке.

Пусть я и не считал Демьяна каким-нибудь вражеским соглядатем, но безоговорочно доверять ему все наши тайны, особенно касаемо гостей из будущего, готов не был. Тем более, бородокосый и сам целых семь лет хранил первую, случившуюся так давно, встречу со странным отрядом в секрете от всех. Так что лучше по этому поводу особо не распространяться.

Несмотря на, ставшую теперь затруднительной, возможность общаться с крестным без свидетелей на любые темы, плюсы от появлении в наших рядах неразговорчивого крепыша, тоже присутствовали.

Во-первых, касаемо гребли. За время нашего, с бородокосым, непродолжительного путешествия по реке, я так и не успел толком привыкнуть к этому короткому, неудобному веслу. И было их в лодке всего два. Поэтому молчаливое решение Демьяна, вместо меня, стать вторым двигателем для нашей каравеллы, воспринял с радостью. В гребле был наш новый соратник неутомим и на моё предложение подменить его в этом нелегком деле неизменно отвечал невнятным отказным бурчанием.

Бородокосый же свое весло никому не доверял. То ли вновь оказывало влияние какое-то суеверие, то ли именно оно у него было.

Во-вторых, касаемо противодействия вероятному противнику. Три пары вооруженных рук гораздо лучше, чем две. Понятное дело, что крестный один заменит пятерых, а то и десятерых, обычных бойцов. Я и раньше был свидетелем его виртуозного обращения с луком, но, после сражения на острове, когда он в одиночку перебил целую стаю одержимых, причём с сильнейшей её частью справился исключительно с помощью оружия ближнего боя, всерьёз поверил, что бородокосому, случись такая оказия, удастся и волота свалить.

Но, что ни говори, а выжить в той мясорубке, что творилась на острове, крестному

удалось лишь благодаря дару какой-то необычной левитации, и тому странному жесту одного из топтунов, внезапно накинувшегося на собрата. Подозреваю, что и в этом моменте не обошлось без дарованной Ульем сверхспособности. Наверное, бородокосый может стравливать одержимых друг с другом?! Интересное умение, также, как и способность летать по воздуху. Надо будет расспросить обо всём этом при случае.

Единственное, о чем можно сожалеть, то, что силы этих умений небеспредельны. Ведь так и случилось в конце сражения. После того, как они кончаются, крестный становится обычным, пускай и очень умелым воином. Так что ещё хороший боец, в виде широкоплечего крепыша с топором, нам точно не помешает. Тем более у него ещё вроде из полезных умений что-то имеется

Ну а в-третьих, по словам знахарки, Демьян ещё и хороший повар. Перед прощанием со знахаркой и сопровождавшими её поселковыми воинами, успели убедиться в её словах на собственном опыте.

Возвращаясь мыслями к тому моменту, хочется сказать, что после затянувшегося разговора и предсказаний Таисии мы уже совсем собирались двигаться дальше на пустой желудок, планируя перекусить на воде, прямо в лодке.

Но знахарка, немного оправившаяся от потери сил, потерянных во время пророчествования, не дала отважным воинам отправиться в опасное путешествие голодными. Велев нам обождать, отправила Демьяна к соседнему костру, над которым висел большой котелок, откуда тот вернулся с двумя глубокими глиняными мисками, щедро наполненными густой ароматной кашей с мясом, причём последнего было с избытком.

Удивительно было то, что вкус у этого, с виду, незатейливого блюда был просто восхитительным. Хорошо проваренный молодой горох почти не нужно было жевать, а нежнейшее мясо просто таяло во рту. К тому же, если не ошибаюсь, мясо было заранее слегка подкопченным, что делало вкус еще интереснее. Также в каше то и дело попадались какие-то травки, добавляя ей легкую остроту и пряный аромат. Ко всему прочему, блюдо было ещё и очень сытным, после каждой съеденной ложки казалось, что больше есть не сможешь, но чудесный запах заставлял вновь и вновь черпать волшебную кашу.

На вопрос о том, кто готовил сие чудесное едово, Таисия с улыбкой ответила, что Демьян. Сам же искусный повар, на похвалы в свой адрес буркнул что-то невнятно-непонятное и вновь вернулся к котелку, из которого чуть раньше давал напиток знахарке.

Напиток этот, кстати говоря, мы тоже успели попробовать. Таисия называла его взваром, а по вкусу он оказался чем-то средним между ягодным компотом и травяным чаем с добавлением мёда. Последнего, на мой взгляд, немного переборщили. Сладость ведь тоже хороша в меру, но в остальном штука очень даже приятная.

Да уж, такому повару нужно не в сомнительные странствия, с риском остаться без головы, отправляться, а ресторан открывать, то есть корчму или как тут у них подобные заведения называются.

Ещё одна вещь немного удивила. Во время прощания Таисия была, как показалось сначала, чересчур любезна и даже как-то сердечно тепла с Демьяном, то брала его за руку, то слегка приобнимала.

Всё встало на свои места, когда, перед самым нашим уходом, она бросилась на шею к крепышу и, сжимая в объятиях могучие плечи, быстро-быстро шептала что-то, перемежая шёпот поцелуями и, сдерживаемыми, едва слышными всхлипываниями.

Это конечно, не моё дело, но как-то в голове не укладывалось, что между неприступной

красавицей-знахаркой с ледяным взглядом и вечно хмурым молчаливым детиной могут быть близкие отношения. Такие разные характеры, совершенно ничего общего, ну, если не считать умения обращаться с холодным клинковым оружием, но тут, как я понимаю, у всех такое общее увлечение. Таисия чересчур властная, несмотря на показную доброту и внешнюю хрупкость, явно имеет влияние не меньшее, чем у Анисима, не будь его, поселением давно бы заправляла она. Демьян же, на мой взгляд, полная её противоположность: неразговорчивый, угрюмый, но исполнительный. Хотя, может в этом и причина, что свела вместе двух разных людей: она любит командовать, а он как раз привык беспрекословно исполнять, что прикажут — идеальная пара.

Что-то меня куда-то не туда понесло. Не о том думаю, совсем не о том.

Ещё запомнились последние сказанное знахаркой, оказавшееся, в буквальном смысле, напутствием нашей, уже двинувшейся в сторону реки, троице:

— Пустого берегите, без него все сгинем!

Никто тогда не обернулся на брошенные Таисией слова, несмотря на то, что их наверняка расслышали все. Не знаю, как остальным, но мне эти слова запали в голову и крутились в ней вместе с другими, такими же, не до конца понятными, советами-предсказаниями знахарки.

Почему меня нужно беречь?! Я, конечно, не против того, чтобы за мою жизнь беспокоились. Но что такого, по её мнению, я должен сделать, чтобы, как выразилась Таисия, вытянуть висящих над пропастью за ниточку?! Вопрос интересный. А как быть с теми, кто, каким-то образом наставил меня на путь, и кто приглядывает за мной?! Каким образом наставили и откуда приглядывают? Окно какое-то... И вообще имеются в виду одни и те же люди или разные? Друзья они или всё же враги, чего хотят от меня? Все эти вопросы переполняли голову, и найти ответа не удалось не на один из них. Эх, жаль, нельзя своими глазами посмотреть на то, что увидела знахарка в моем будущем.

Между тем, энергичные взмахи весел сидящих впереди гребцов, вместе с несильным, но всё-таки течением, гнали нашу лодку всё дальше по реке, мимо степной местности, перемежающейся пологими холмами и небольшими островками леса.

Следов недавней деятельности человека не наблюдалось. Лишь пару раз на берегу возникали маленькие рыбацкие деревеньки. С первого взгляда было видно, что они давным-давно заброшены. Об этом наглядно говорили провалившиеся внутрь изб крыши, оставшиеся от рассыпавшихся изгородей покосившиеся столбы, и ветхие, потемневшие от времени лодки, тихо доживающие свой деревянный век на берегу.

Видимо, деревеньки на крепях стояли. Иначе, будь здесь обычная сота, вместо полуразрушенных, заросших бурьяном развалин, здесь бы оказалось вполне обычного вида селение, которое периодически затягивалось бы туманом, после чего, обновлённая деревня представала бы во всей красе вместе с жителями, которым не повезло попасть в другой мир, и большая часть этих людей была бы обречена превратиться в кровожадных урчащих тварей.

Кстати об одержимых, они тоже периодически попадались на глаза. По одиночке, либо группами. В основном несерьёзные, за всё время никого, страшнее жрача не увидели. Чаще всего твари не обращали на нас внимания, но не от того, что были сытые или всей толпой вдруг стали вегетарианцами, а просто потому, что не видели. Как пояснил бородокосый, острое зрение не было сильной стороной одержимых, находящихся на ранних ступенях развития. А лодка, в основном, двигалась по середине, не страдающей излишней узостью, реки, так что, даже в самых нешироких местах, до берега было не меньше двухсот-трехсот

метров.

Лишь, когда, огибая нечасто попадающиеся острова или отмели, приходилось прижиматься поближе к берегу, твари начинали проявлять активность. Плотно урча, преследовали нас по берегу, но когда судно вновь исчезало из зоны видимости, прекращали преследование.

Ну и хорошо, лишнее подтверждение тому, что Бамбук не обманул и привлекающая одержимых метка снята.

— Дядь Прохор, я у тебя вот что спросить хотел, — задал вопрос, глядя на очередную стайку, потерявших нас из виду и беспокойно забегавших кругами, тварей. — У вас в посёлке такая высоченная стена. Конечно, для кусачей и топтунов особой сложности на неё забраться не было, да и жрачи, думаю карабкались тоже, но каким образом через неё бегуны перелезали? Я что-то не заметил за ними особых успехов в этом деле. Один вон, при мне, на крышу сараюшки залезть не мог, а там высота всего в полтора роста человеческих.

— Ээх! Энто ты верно спрашивашь! Не лазали оне не на каки стены, нету им надобности такой. У ихого одержимого брата ведь как — идёт он, значица, идёт, в стену уперся лбом, и пошёл вкруг той стены прореху выискивать. А у нас и прорех никаких искать не надо, в двух местах стена разобрана! В одной дыра в два аршина — подгнившие по низу бревна менять собрались. Токмо лишку затянули с меной энтой, осталася прореха. В другой, так вообще проход огромный — две телеги рядом пройдут! Энто Анисимова задумка — есчѐ одне ворота надумал старейшина нашенский сладить! Токмо дело энто нескорое — ворота те, да и народу для энтого уйму надобно. Эх, мужик то Анисим вродь сурьезный, но как втемяшет в башку себе чего...

— Зачем вам вторые ворота?! — спросил я в недоумении.

— Энто у его спрашивать надобно.

— Дурень, он дурень и есть! — недовольно пробурчал, согласно качающий головой на слова бородокосого, Демьян.

— Чрез энти то ворота недоделанныя бегуны и прочья мелочь к нам и пожаловали. — продолжил бородокосый, — Там, конешно, поначалу дозор стоял, да и загорожено было, но кое-как, наспех. А как закрутилася катавасия энта, как повалили одержимыя толпами на нас, уж вовсе не до дозоров стало. Потом уж под утро возвернулся Анисим с дружиной с промысла, я ему за те ворота евоные припомнил. Он и взбеленился, орал, што для людей стараеца. А людям то в Улье в перву очередь не ворота надобно, а стены, што от врагов, да от напастей сберегут.

— Дурень! — буркнул Демьян, подводя итог разговору.

Да уж, тут у меня, оказывается, целая оппозиция, недовольных политикой старейшины, собралась. А есть ещё и Таисия, со своими приближенными и прочими, недолюбливающими Анисима поселянами. Или вот бородокосый, чем не кандидат на замену старому, поднадоевшему дурню-старейшине?! Ох, чую, не за горами перемены, то есть перевыборы властителя в памятном мне селении! Хотя, какие тут выборы?! Скорее уж революция или смещение существующей власти, путем отделения частей тел и повреждения жизненно важных органов самого властителя и всех прочих, кто продолжит эту самую власть поддерживать. Вероятность этого события повысится вдвойне, если наша с крестным миссия увенчается успехом, и он заявится в родные пенаты легендарным защитником и освободителем от вселенского зла, пускающего местный народ на органы. Правда, это самое зло ещё надо победить, а перед этим добраться до него. И, если вспомнить предсказания

Таисии, ещё неизвестно, что из вышеперечисленного окажется сложнее.

За размышлениями, неторопливой греблей, созерцанием окружающих видов и, скрашивающими эту самую греблю, диалогами, как-то незаметно подкрался вечер.

Правда, незаметным его приближение оказалось лишь для меня, Демьян с бородокосым неплохо знали эти места и, заранее соотнеся примерный темп движения с оставшимся в запасе временем плавания, выбрали удобное для ночлега место.

Совсем не удивительным было и то, что местом этим вновь оказалась суша посреди воды. С самого отплытия успели миновать пару дюжин островов, островков и островочков, самых различных форм и размеров. Очередной же участок суши, со всех сторон окруженный водой, по площади превосходил все ранее виденные. Издалека он казался приплюснутым, густо поросшим кустами и даже невысокими кривоватыми деревцами, зелёным холмом, неизвестно зачем выросшим посреди реки и слегка сдвинутым к её правому берегу. Но, когда мы начали огибать этот холм слева, обнаружили, что длину он тянется не менее, чем на пару километров. При этом плавно изгибается этаким разогнутым подобием бумеранга или слоновьего бивня. Вдобавок, посередине "бивня" расположилась деревенька в неполный десяток изб, причём на разруху и запустение, как в ранее виденных нами селениях, здесь не было и намёка.

Медленно проплывая в дюжине метров от берега, можно было, во всех подробностях, разглядеть опрятные домишки, две привязанные к недлинному причалу лодки и другие, более мелкие детали, говорящие о том, что живущие в этих домишках люди не привыкли сидеть без дела.

Через борт одной из причаленных лодок свисала сеть с привязанными по краям поплавками из бересты, в другой стояли две сплетённые из прутьев корзины. Ещё несколько сетей сушились на берегу, на вкопанных в землю столбах с перекладинами. Один из стоявших с краю домишек имел нежилой вид, но причиной тому оказалась не ветхость рассыпающегося от времени жилья, а тот факт, что изба была недостроенная. Сруб сверкал белыми ошкуренными бревнами, но верхние ряды, собиравшие его мастера ещё не успели уложить. На противоположном краю поселения можно было разглядеть, болтающееся на ветру, стиранное белье, а чуть левее, крытый соломой навес, под которым стоял стол, окруженный поставленными на попа чурбаками. Людей не было.

— Пяток дней, как обновилась сота. Иль поболе чуток. — с внимательным прищуром оглядев поселение, выдал вердикт, выбравшийся первым на берег, бородокосый.

Демьян, в одиночку выдернувший тяжелую лодку на сушу, согласно покивал головой. Да уж, силы у молчаливого детины с избытком!

— Народу сюда обнаковенно десятка полтора прилетат, бывает чуток поболе, но ненамного. Одержимых сильней жрача тут никогда не видали, да и до жрача редкой твари отъесца удавалось. Токмо оружие все равно готовьте, очистить всё тута надобно, прежде чем на на ночевье становица. — произнес крестный, уперев лук в землю и натягивая тетиву.

— Наверное, разделиться придётся, остров большой, дотемна можем не успеть весь обойти. — внёс я свою лепту в планирование операции по прочесыванию территории.

— А зачем ходить — то?! Пушай оне сами ходют. — с улыбкой ответил крестный и, вставив в рот два пальца, засвистел, да так, что у меня чуть уши не позакладывало!

Демьян, тем временем, тоже не зевал. Нет, он не стал, следуя примеру бородокосого, свистеть. Загадочно заулыбавшись, детина подскочил к установленному под навесом столу, схватил за один край, стоявший посредине столешницы котел, и, что было дури, замолотил

по дну несчастной посуды обухом топорика.

Тут уж грохот поднялся такой, что услышать его можно было не только на обеих оконечностях вытянутого дугой острова, но даже и в родном Демьяну с дядь Прохором посёлке.

Хоть задумка приманить голодных одержимых громкими звуками не была лишена логики, но больно уж рискованно. А ну как прискочет стая волотов или, как их называли мои товарищи из будущего — элитников?!

Помогать с концертом ансамблю свистунов-барабанщиков не стал, у них и без меня чудесная музыка получается. Только бы не оглохнуть от этой их музыки! Вместо этого, уложил болт с непримечательным сереньким хвостовиком на взведенную тетиву арбалета. Новенького, современного арбалета с блочным натяжителем, оптическим прицелом и даже сошками, как у винтовок и пулеметов. Правда были они в сложенном состоянии, ну оно и не надо пока, это если из положения лёжа стрелять.

Старый образец средневекового дальнобойного смертоубийственного приспособления оставил в лодке, благо места в ней хватало на ещё десяток таких арбалетов. Поначалу предложил его Демьяну, заметив, что у того из оружия лишь топоры: два небольших на поясе и здоровенная, одна лишь рукоять хорошо за метр длиной, секира. Не знаю, зачем ему столько топоров, может он их теряет часто?! Или же, ломает, что более похоже на истину, такой бугай что угодно сломать может! От предложенного арбалета Демьян отказался, неохотно пояснив, что у него свои есть. Что именно означает это его "свои" он не прокомментировал. Может меньше какое-то дистанционное у него?! Таисия ведь говорила, что у него есть полезные умения.

Ну да ладно, не хочет, не надо. Пускай лежит арбалет, есть-пить не просит, глядишь пригодится ещё. Хоть послужил мне он совсем недолго, но, за этот короткий срок, показал себя вполне эффективным оружием против не слишком развитых одержимых. Сейчас же самое время испытать в деле его младшего брата, да и эти их хваленые спецболты опробовать будет не лишним.

Взводился, кстати говоря, полученный от Бамбука арбалет на порядок быстрее, чем старый, никаких тебе ног в стремени и крюков на поясе, легким движением руки оружие ставится в боевое положение, болт на тетиву, приклад к плечу...

Откуда-то слева послышались знакомое урчание. Если немного поиронизировать, можно воспринять эти звуки, как восторженные крики фанатов, спешивших на концерт любимой группы. В основном, конечно, целью фанатов было этой самой группой перекусить. Ну, что поделаешь, фанатов не выбирают.

Но, если серьёзно, тварей было пятеро и, да, нам повезло, жрач среди них все-таки был. Ещё один бегун совсем немного не дорос до него. Да и остальные одержимые не выглядели чахлыми, неслись скорой рысью, лишь на пяток метров отставая от предводителя стаи и его зама. Ну ничего, до нас вряд ли доберётся хоть один. Расстояние, разделяющее нашу тройку с их пятеркой, больше тридцати метров. Два, а то и три раза я точно успею выстрелить, а уж крестный не меньше пяти стрел выпустит за это время. Так что шансов у них ровно ноль.

Но, внезапно, в мою тщательно выстроенную схему обороны влетел неизвестный. То есть, не совсем неизвестный, а вполне себе даже известный — Демьян. Находившийся ближе всех к, несущимся через редкие кусты, урчащим тварям, крепыщ, не дожидаясь наших с бородокосым точных залпов, с ревом бросился навстречу одержимым, отбросив в сторону ненужный больше, на совесть измятый, котелок.

От кого, от кого, а от Демьяна я не ожидал такого сумасбродства. Он наоборот казался мне вполне рассудительным и, вдобавок, медлительным. Но рывок, с которым детина бросился на пятёрых, не самых слабых, особенно это касается жрача, тварей, был настолько стремителен, что можно только удивляться кажущейся неповоротливости и реальной ловкости, странным образом сочетающейся в этаким увальне.

И самое неприятное, что выскочив вперёд, своим телом он закрыл одержимых от наших с бородокосым стрел. Не знаю, как крестный, но я не решусь стрелять через спину этого балбеса. Хрен его знает, куда он может повернуть в следующий момент.

Да уж, слабоумие и отвага, воистину! И этот вот ненормальный Анисима дурнем назвал?!

Чертыхаясь про себя, начал отходить в сторону, чтобы хоть немного помочь идиоту, собирающемуся сойтись в рукопашной против целой толпы тварей. Одного-двух подстрелю и то помощь!

— Оставь, Пустой. — проговорил с улыбкой бородокосый, неожиданно мягко, но уверенно отводя в сторону арбалет. — Дай порезвиться вою, да удаль показать. А то всё в строю, да в строю...

Я, конечно, удивился, но арбалет отпустил.

А Демьян, тем временем, начал показывать удаль!

Он летел вперёд, зажав в каждой руке по топорiku. Но, как оказалось, сражаться ими в рукопашной он и не собирался. Когда расстояние до, несущихся навстречу, одержимых сократилось до полутора десятка метров, детина один за другим метнул топорики вперёд, не сбавляя скорости, на бегу. Причём оба попали в цель. Летящие впереди стаи жрач и матерый бегун, одновременно, будто споткнувшись, покатались по, почти сошедшей на нет в этом месте, полосе песчаного берега. Не знаю, куда топорик попал жрачу, но, отчетливо видел, что бегун словил его прямо в голову, острием. После такого вряд ли получится подняться. Вот тебе сразу минус два!

Демьян проскочил мимо корчащихся на песке тел и влетел прямо в середину. Оказавшись окруженным оставшейся на ногах, троицей тварей. В дело пошла тяжеленая секира, в мгновение ока перекочевавшая из-за спины в руки воина. Один взмах и отрубленная голова у одного бегуна, а также рука, по самое плечо, у другого, падают под ноги своим бывшим хозяевам.

Сам же крепыш, с поистине звериной ловкостью вывернувшись из-под опускающейся лапы третьего одержимого, оказался за его спиной, подрубил колени, отскочил в сторону от бросившегося на него однорукого бегуна и встречным движением секиры отсек ему оставшуюся руку.

Тварь, лишённая верхних конечностей, с ревом бросилась вперёд, пытаясь достать обидчика зубами, но тот спокойно отступил в сторону, пропуская разъяренного одержимого мимо и горизонтально поведя секирой на уровне разъявленной пасти, лишил бегуна верхней челюсти и всего прочего, что располагалось выше неё.

Дальше оставалась палаческая работа.

Бегун с почти перерубленными по колено ногами, одна из которых волочилась за телом, а другая вообще висела на лоскуте плоти, пытался изображать энергичную погоню за добычей, отталкиваясь полуобрубками и подтягивая тело руками. Но выглядело это, честно говоря, не впечатляюще и даже жалко.

Демьян уже занёс над ним лезвие секиры, как вдруг, лежавший дотолё недвижимым

куском мяса, жрач, одним движением, без подготовки, длинным прыжком рванулся в его сторону, вытянув узловатые, увенчанные лопатообразными когтями пальцы.

— Демья-а-а-ан!!! — крикнул я, вскидывая арбалет и уже понимая, что не успеваю.

Но он успел. Сам. Он не стал пытаться уклониться или отпрыгнуть назад, понимая, что ни к чему хорошему такой маневр не приведёт. Прыжок твари настиг бы его в месте приземления.

Демьян выбрал единственно верный вариант, впрочем, подходящий лишь для такого ловкача, каким оказался он сам. Крепыш прыгнул навстречу одержимому, проскальзывая по самой земле, при этом, каким-то гребаным чудом ухитряясь вскинуть секиру над собой.

Жрача располовинило.

Оказывается, не обязательно иметь дар, разрезающий одержимых невидимым клинком. Иногда достаточно простого честного топора и умелой руки, этот топор держащей.

Глава 14

Демьян выглядел радостным и смущенным одновременно. Несмотря на то, что жрач всё же зацепил его когтями, содрав кожу на предплечье до мяса, победитель пятёрки одержимых улыбался, словно налопавшийся сметаны кот. На да, чуть не забыл, ведь тут подобные раны не считаются чем-то серьёзным. Царапинка — плюнуть, да земелькой присыпать, вот и всё лечение.

Что ни говори, а зря я, конечно, костерил его. Пускай и рисковал Демьян, но рисковал осознанно, полагаясь на свою боевую выучку, да на ловкость с силой. Честно говоря, до сих пор не перестаю удивляться, что может вытворять, с топором в руках, этот ловкач. Разница стала видна особенно сильно прямо после окончания боя, когда он вдруг вновь превратился в прежнего нескладного и медлительного увальня.

После поздравлений с эффектной победой в виде энергичного похлопывания по плечам, сбора трофеев и оттаскивания подальше в кусты тел одержимых, занялись осмотром поселения.

Ни одна изб не оказалась запертой, везде двери нараспашку, несколько из них с выломанными засовами. Надежда найти выживших, не обратившихся плотоядными тварями, людей, так и не оправдалась. Хотя, есть вероятность, что сохранившие разум могли спастись, попросту уплыв с острова, но отправляться на их поиски никто не собирался.

В некоторых из жилищ присутствовали следы разгрома, были переломаны мебель и домашняя утварь. Видимо, перерождающиеся в одержимых, люди разносили всё, что бы не попало под руку. В нескольких избах двери оказались с вывороченными засовами, в таких, как правило, обнаруживались следы кровавого пиршества тварей. Всё вокруг было забрызгано красным, тут и там валялись обглоданные кости, причём некоторые из них небольшие, явно детские.

Видя эту страшную, в своей трагичной несправедливости, картину, нахмуривший брови бородакосый, не говоря ни слова, стянул шлем, опустил голову. Я, следуя его примеру, сбросил с головы чешуйчатый капюшон, тоже не стал ничего говорить, хотя слова сами рвались с языка. Злые, яростные слова! Демьян же, дотоле продолжавший хранить на лице тень улыбки от победы над тварями, мигом поник, плечи его бессильно повисли, а по щекам вдруг побежали слезы. Но и он не нарушил траурного молчания, что встало, в тот момент, рядом с нами.

Что же это за мир такой, кровожадный и безжалостный, не дарующий снисхождения даже самым слабым и беззащитным?! Нет, это не мир, а просто какая-то бойня, бездушная механическая мясорубка, ручку которой вращает такое же бездушное, или наоборот, одушевленное, но полностью, абсолютным образом сошедшее с ума, существо.

Внезапно сердце заколотило в груди, как бешенное, в горле пересохло, а взгляд уперся в, материализовавшуюся из ниоткуда, темноту.

Не помню, чтобы я закрывал глаза...

Постепенно в центре темноты начало проступать светло-серое пятно, оно росло, на глазах наливаясь цветом и обретая объем. Пятно разделилось на детали, каждая из которых становилась все отчетливей и внятней, очерчиваясь изгибами линий, углов и окружностей.

Я не успел разглядеть до конца, но каким-то непонятным чувством ощутил исходившую

из самой сути, проступающего сквозь тьму существования, всеобъемлющую и всепоглощающую мощь. Не в силах больше ощущать на себе неимоверно чуждое, чудовищное внимание этой беспредельной силы, в ужасе оттолкнулся от проникшего в сознание видения и вновь обрёл способность видеть окружающий мир.

Было ли это видением? Или...

Но осмысливать произошедшее было некогда. Что-то ещё изменилось. Зрение?! Мир вокруг теперь виделся, словно в какой-то компьютерной симуляции. Стены и потолок избы не исчезли, но стали прозрачными, при этом сохранили исходную толщину и объем, но представлялись теперь просто линиями трехмерного рисунка. В таком же виде предстал и раскинувшийся за этими стенами посёлок, и весь остров, и река, и берега за нею, и суша. При желании всё просматривалось теперь, словно глаза мои превратились в рентгеновские аппараты. От этих глаз невозможно было укрыться! Река на всю глубину, любой, даже самый маленький камешек, на расстоянии нескольких километров виделся насквозь, стоило лишь сосредоточить на нём свое внимание.

Помимо линий были и цвета, от темно-синего, до ярко-красного. Очень быстро пришло понимание того, что интенсивная краснота объекта вызвана высокой температурой, теплом, синий же цвет, наоборот, говорил о холоде.

Самой темной и холодным местом был бьющий метрах в трехстах от нас ключ, находящийся на дне реки. По темной полосе, уходящей вглубь и в сторону, можно было разглядеть подземную водную жилу, из которой и брал начало ключ. Красных пятен было немало, нагретые солнцем поверхности медленно отдавали тепло подступающему вечеру. Но все они были статичны. Из двигающихся можно было отметить два больших, в рост человека пятна рядом — Демьян с бородокосым. Ещё пролетающие по небу птицы, копошащаяся по земле и под землёй мелкая живность, типа мышей или сусликов, пара косуль, пришедшая на водопой на правом берегу. Но все это было неинтересно. Главной загадкой были три красных пятна: одно побольше и двое маленьких. Пятна эти скрывались под одной из изб, на глубине полутора метров ниже поверхности земли.

Приглядевшись внимательнее, разобравшись в переплетении линий и цветов, понял, что под полом жилища устроен погреб. В нем и прятались три пятна, то есть три человека. Или всё же не человека?! Может, трое одержимых сидят, запертые в погребе, и только и ждут, когда их оттуда выпустят. Да нет, не бывает таких маленьких одержимых. Наверное, да и цвет у тварей ярче. Температура у зараженных на порядок выше, чем у иммунных, легко отличить. Всё из-за разогнанного изменением нечеловеческого метаболизма. Погоди, откуда я об этом знаю?! Зараженные? Иммунные? Опять воспоминания возвращаются?

— Пустой! Эгей, ты чегой энто? — бородокосый стоял и усиленно тряс меня, крепко ухватив за плечо.

— Ничего, нормально я. Зачем трясешь? — спросил, отталкивая его руку и понимая, что вижу теперь всё, как прежде.

— Так ты застыл, будто бревно, в землю вкопанное! — хохотнул крестный, оглядываясь на утвердительно кивающего Демьяна. — Мы уж тебя звали да кричали, думали уж корни пустил!

— Люди там, трое, под полом. — не обращая внимания на хохмы бородокосого, заговорил о главном, пока не потерял направление на укрывшихся под землёй людей. Махнул рукой в сторону нужной избы, при этом пытаюсь вновь вернуться в то состояние рентгеновского зрения. Но, как ни напрягал глаза, ничего необычного больше увидеть не

удалось. Может, я что-то не так делаю?! Или воспоминания вызвали этот странный приступ всевиденья?! Хотя и воспоминаний толком не было. Существо ещё это странное, точнее страшное. До ужаса страшное, до мурашек, до истошного крика!

— Каки люди то, Пустой? Все ж избы обошли! Никого нету. Померещилось тебе, значица.

— Не мерещилось, видел я. Идём. — поводя плечами и отгоняя страшное видение, двинулся к примеченному ранее жилью.

Дверь распахнута настежь, вывороченная из дерева скоба, что удерживала засов, не выдержала напора тварей. Внутри всё перевернуто и переломано, стены и пол залиты и забрызганы красным, тут и там кости, в углу лежит голова с обгрызенным лицом и ушами. Судя по заплетенным в косу, частично оборванным вместе со скальпом, волосам, голова женщины. Недалеко валяется окровавленный топор, с отпечатками зубов на деревянной рукояти, совсем немного не дотягивающий по размером до Демьяновой секиры.

Посреди комнаты, немного сдвинутый набок, стоит громадный, окованный железом сундук. Под ним домотканый, когда — то светлый половичок, сейчас весь красный от, напитавшей его, крови.

Немного странная расстановка мебели. Кому и для чего понадобится ставить сундук в центре комнаты?! Только тому, кто любит спотыкаться о стоящие прямо на дороге предметы интерьера. Ну или кто-то хочет спрятать под этим самым сундуком что-либо.

Попытавшись сдвинуть обитый железом ящик, очень удивился его тяжести. Кирпичей туда что ли наложили?!

Оказалось, что не кирпичей. Огромный, словно морозильная камера, сундук был наполовину заполнен железными чушками, вперемежку с полосами металла, железными же прутьями и другой металлической мелочью.

Это что же, кузнец здесь жил что ли?! Ну да, точно! Ещё, когда подходили к нужной избе, успел заметить позади неё навес, под которым ютилась печь с большой, наполовину открытой топкой и выведенной вверх трубой. Это, видимо, был горн. Также там стояло что-то наподобие наковальни. На тот момент я не был уверен, что правильно угадал, лишь приличных размеров молот и прислоненные рядом щипцы наводили на мысль о кузнечном ремесле. Но теперь одно связалось с другим и всё стало понятно.

Непонятным остаётся другое. Если кузнец или, судя по валяющейся в углу голове с косой, кузнечиха, осталась наверху, оборонять дом от соседей, перерождающихся в плотоядных тварей, то кто тогда сидит у них под полом, взаперти, придавленный сверху нагруженным железом ящиком, который не каждый мужчина с места сдвинет?! Интересные тут жители, людей в погребах держат...

Сундук сдвигали втроем. Если кузнечиха ставила его сюда в одиночку, можно только подивиться её невероятной силе. Хотя, сундук ведь можно было поставить и пустым, а уже потом накидать в него железа.

Откинутый в сторону половичок явил свету прямоугольную крышку погреба с металлическим кольцом вместо ручки.

Сколько же времени просидели там несчастные пленники, без еды и воды? В сознании они, или лежат там, из последних сил цепляясь за, ускользящую из истощенных тел, жизнь?

Рука ухватила холодное металлическое кольцо, потянула на себя. Сначала крышка не поддавалась, было такое ощущение, что кто-то держит, ухватившись за неё изнутри.

— Эй, открывайте, мы не сделаем вам ничего плохого! — Да что тут за изверги жили, если даже пленники боялись их до такой степени?! Или это не пленники...

Догадка, объясняющая всю ситуацию, пришла в голову, когда крышка, за которую вновь попробовал тянуть, неожиданно поддалась, словно скинув килограммов тридцать весу.

Не успел я распахнуть люк и на половину, как из открывшейся дыры выдвинулся острый наконечник копья и замер в каких-то десяти сантиметрах от моего носа.

Само древко копья сжимал в подрагивающих руках подросток, лет, наверное, двенадцати на вид. Черные волосы, худое, болезненно бледное, перемазанное тем же красным, лицо, но в карих глазах, помимо крайней степени усталости и испуга, читалась решимость. О ней же говорили и, сжатые в тонкую нить, губы паренька.

— Тихо, всё кончилось, мы не враги. — как можно спокойнее произнёс я, одной рукой продолжая держать крышку, а другой изображая успокаивающие жесты.

За спиной парнишки, в пятне, падающего сквозь открытую дверь, скудного света, видны были двое ребятшек, едва ли дотягивающих до пятилетнего возраста. Мальчик и девочка, если не ошибаюсь, при этом похожи друг на друга, словно отражение в зеркале. Близнецы, надо же!

— Опусть копье, мы пришли помочь. — проговорил, собрав в голосе всю возможную доброту. Можно было, конечно, попросту выдернуть оружие из рук мальчишки, а потом уже успокаивать. Но всё же хотелось сначала попробовать обойтись словами. Поэтому добавил, видя осунувшиеся лица малышей, и голодный блеск в их глазах. — У нас есть еда и вода.

Непонятно, почему бородокосый просто молча стоит рядом, даже слова не добавит к моим попыткам успокоить излишне воинственного юнца. Демьян то понятно, из него даже каленым железом слова не вытащить, но крестный всегда не прочь потрепать, а тут молчит чего-то.

И тут подросток сделал то, что от него никто, включая даже испугано хлопающих глазенками близнецов, не ожидал. Продолжая сжимать в руках древко копья и никак не прореагировав на мои слова, паренек вдруг закатил глаза и с тихим хлопком завалился на земляной пол.

— Уж седмицу, почитай, как началось это. В ночь туман промеж изб по деревне пошёл. Ну туман то он туман и есть, чего дивиться то. Но тот туман непростой был, ох непростой! От него и пахло перекисшей брагой или чем ещё похуже, да и плохо многим стало, почитай у всех головы болели, будто той же браги перепили. — парнишка прервался, с благодарностью принимая, поданную крестным очередную кружку с Демьяновым взваром, подогретым на костре. Мы не стали торопить его с рассказом, видя, как жадно подросток хлебает из кружки.

Брякнувшегося в обморок парнишку и, прикрывающих глаза руками и щурившихся от света, похныкивающих малышей, вытаскивали из погреба на руках. При этом близнецов старались как можно быстрее выносить на улицу, чтобы те не успели разглядеть подробностей произошедшей в избе трагедии.

Сначала испуганная ребятня сидела тихо, казалось даже дышали через раз. Я пытался их отвлечь какой-то несущественной болтовней, показывал на пролетающих мимо птиц, но малыши отказывались идти на контакт. Потом внимание привлёк момент, когда бородокосый пытался привести в чувство паренька, брызгая ему на лицо водой, набираемой в пригоршню из стоящего рядом ведра. И то, что при этом ребятня как-то чересчур пристально следит за действиями крестного, особенно в те мгновения, когда его рука

погружается в ведро за новой порцией воды.

Да они же пить хотят!

О том, что закрытые в погребке дети страдали от голода мы сообразили, поэтому Демьян по-быстрому организовал костерок и уже подогревал на нем кушанье для малышей. Но до такой простой мысли, что и воды у них в подполе может не оказаться, мы, балбесы, додуматься не смогли!

Через полминуты маленькие ручонки судорожно сжимали принесённые Демьяном кружки, словно боясь, что их могут отнять. От этого зрелища на глазах наворачивались слезы. Малыши пили, пили, пили и пили! Пожалуй, они бы лопнули, не останови мы это безостановочное поглощение жидкости.

Потом, когда подросток, наконец то, пришел в себя, то рассказал, что от голода они не сильно страдали, в погребке оставался запас репы. Ею и питались всё то время, что провели внизу. Главной проблемой была жажда, ведь вода, которую успели захватить с собой, когда спешно прятались, закончилась два дня назад.

На вопрос, как парнишка, сидя в подполе, узнал, что именно два дня, а не три-четыре, тот ответил, что отсчитывал время по, проникающим сквозь узкие щели меж досок, скудным лучикам света.

— Наутро сошёл туман, мы и решили, что кончилось всё. А вышло так, что тогда всё только начиналось! — продолжил паренек, отставив в сторону пустую кружку и принимаясь за еду.

Наверняка, сама по себе вкусная, Демьянова стряпня, сейчас, вместо, за столько дней, опостылевшей сырой репы, кажется ребятишкам настоящей пищей богов. Вон как наворачивают! Сам Демьян, кстати, отсел с малышами подальше, навалив каждому по полной миске и что-то им там рассказывал. Причём, судя по довольным мордашкам близнецов, ладить с детьми у вечно хмурого детины получалось на порядок лучше, чем у меня. Да уж, то с него слова не вытянешь, то заливается вон, соловьем. Ну да ладно, пускай болтает, не нужно таким крохам слышать подробности описываемых подростком зверств, произошедших в их родной деревне.

Подростка, кстати, звали Даниил. Малыши-близняшки были его родными братом и сестренкой. Зосим и Забава — такие у них были имена.

После того, как туман сошёл и все вздохнули с облегчением, было ещё почти два дня более-менее спокойной и почти привычной жизни. Люди в деревне продолжали заниматься своими делами, правда, некоторые то и дело начинали странно себя вести, у кого-то ухудшилось самочувствие, случилось несколько ссор, одна драка, один несчастный случай, когда на одного из участников строительства избы уронили бревно, сломав при этом ногу. Но все эти события показались мелочью и ничего не значащей шелухой на третий день, когда люди начали терять разум и бросаться друг на друга. Причём бросались не с кулаками, а с зубами. Словно оголодавшие звери, набрасывались и грызли, и отрывали плоть и жрали! Сосед бросался на соседа, муж на жену, отец на сына, мать на дитя.

Вначале попытались изолировать превратившихся в людоедов поселян, но очень скоро это дело вышло из-под контроля, потому как многие из тех, кто поначалу был нормальным тоже начали сходить с ума. Там уж взялись за мечи да топоры, чтобы дать отпор сумасшедшим каннибалам, но сохранивших разум оставалось уже слишком мало и некоторые из них могли в любой момент и сами превратиться в людоедов.

Так что Дмитрий — отец рассказавшего нам всё это парнишки и малышей, а также их

мать — Феврония, решили запереться в родной избе вместе, всей семьёй. Как решили, так и сделали.

Поначалу всё шло не так уж и плохо, хотя на тот момент Даниилу и казалось, что хуже уже и некуда. Отцу, правда, пришлось ударить топором дядюшку Ивана, их двоюродного дядю, который пытался влезть к ним через окно. Но, как объяснил детям папа Дмитрий, то ведь уже не дядя Иван был, а потерявший разум людоед. Ещё несколько соседей по посёлку пытались забраться в дом через окна, но всех ждала похожая участь. В дверь тоже долбились, но засов пока держал.

Самое страшное случилось, когда их родная мама, их мамулечка, всегда такая ласковая и добрая, вдруг кинулась сзади на отца, кусая его за плечи и шею. Отец отбросил её от себя, а та внезапно рванулась к малышам, вытянув руки и рыча, как зверь. Тут уж папе Дмитрию пришлось её остановить, свернув шею, а потом, на всякий случай, отрубив и голову, никто ведь не знал, в кого обращаются те, кто разум теряет и как их убить окончательно.

Тогда-то папа Дмитрий и сказал Даниилу взять с собой еды и питья, и забираться, вместе с малышами, в погреб. Зосим с Забавой не хотели в подвал, ревели до истерики, так они боялись этого места. Но и папу, отрубившего маме голову, залитого с ног до головы своей и чужой кровью, они тоже боялись. В погреб сбросили одеяла, чтобы не мёрзнуть. Взяли с собой еду и питье. Обливаясь слезами, расцеловались с папой и спустились вниз, после чего папа закрыл люк сверху крышкой, отчего сразу стало темно. Напоследок отец вручил Даниилу копьё, крепко-накрепко наказав, что бы не случилось, сидеть тихо и беречь малышей. Потом он накинул на крышку сверху половичок, от чего стало ещё темнее. Лишь по краю, у самой двери, сквозь щели в полу, просачивались тончайшие струйки дневного света, падающего из частично забитого досками, окна. Дальше папа двигал что-то тяжелое, громычал чем-то. Как оказалось, именно тогда он поставил сверху сундук, чтобы спрятать там самое ценное — родных детей.

С одной стороны, конечно, правильный поступок. Но с другой... Ведь, не появившись мы здесь по счастливой случайности, да и если бы не это мое, так вовремя включившееся, странное рентгеновское зрение, ребяташки так и остались бы заживо погребенными под этим тяжеленным сундуком. Сами бы они его и на миллиметр не сдвинули, так и умерли бы, бедняги, от голода и жажды. До ужаса несправедливо бы вышло, особенно после того, как те остались единственными, кто пережил страшные события, произошедшие в деревне.

Да уж, а я то, дурак, про каких-то пленников подумал!

Видимо, пряча в подпол детей и наваливая тяжестей в, поставленный на крышку люка, сундук, их отец боялся не только того, что, тарабанившись в дверь, тварям удастся прорваться в дом, но еще и того что и сам он может превратиться в такое же кровожадное чудовище.

Правда, по словам Даниила, за себя тот опасался зря. Ещё целую ночь они слышали, что отец оставался жив и сохранил разум. Всю эту ночь их папа Дмитрий продолжал наверху оборонять родную избу от периодически заглядывающих тварей. А утром раздался какой-то совсем уж страшный рев, потом треск ломаемого дерева и, ворвавшиеся одержимые растерзали папу Дмитрия.

Глаза у, рассказывающего обо всем этом, паренька были пустые, голос сбивался, а его самого трясло, будто в лихорадке.

Это и неудивительно, особенно если вспомнить его слова про раздающиеся сверху чавкающие звуки, рычание и треск разрываемой плоти пирующих сверху одержимых, не

брезгующих в том числе телами своих павших собратьев. Про кровь, насквозь пропитавшую накрывший крышку люка половичок и просачивающуюся между половиц. Про то, как густые, тягучие капли летели вниз, то и дело попадая на прячущихся внизу детей.

Чем больше узнаю этот мир, тем больше начинаю его ненавидеть!

Ведь, по сути, хоть, рассказанная парнем, история и была похожа на сюжет из фильма ужасов. Для постоянно обновляющихся в Улье сот, подобный ход событий зачастую оказывается стандартным вариантом.

Такое происходит здесь ежедневно, ежеминутно и ежесекундно. Каждое мгновение обрывается чья то жизнь, каждый миг очередной человек превращается в кровожадную тварь, каждую секунду ещё одного ребёнка съедают заживо.

И ничего со всем этим не поделаешь.

Да, мы спасли трёх замечательных детишек. Не знаю пока, что с ними делать дальше. Не потащишь же их в путешествие, из которого и сам имеешь все шансы не вернуться. Хотя, на самом деле, мир ведь не без добрых людей. Улья это правило, как я успел убедиться, тоже касается. Наверняка у Демьяна или бородокосого найдутся знакомые, способные взять на себя опеку над сиротами.

Но что же делать с остальными, с теми, которые сейчас, в этот самый момент гибнут в ужасных муках. Неужели никак нельзя им помочь?! Или единственный вариант — уничтожить, к хренам, весь этот Улей? Стереть в порошок, вместе со всеми его обитателями, чтобы избежать жертв в будущем? Уничтожить миллионы, чтобы спасти от мук миллиарды?! Кто решится на подобное?! Таисия вот говорила, что в таком случае и думать нечего. А я вот не могу не думать! Для меня эта задача не так проста, да и для неё, наверное, всё не так просто, как говорит. Ведь болтать, это не то же самое, что делать!

Что и говорить, математика — сложная наука, особенно, когда за каждой поделенной или отнятой единицей стоит человеческая жизнь...

Глава 15.

Костер почти прогорел. Сучья, окончательно потерявшие свою изначальную форму, рассыпались на фрагменты и стремительно отдавали остатки тепла в окружающее пространство. Угольки постреливали искрами, а дующий от воды ветерок поднимал их в воздух и, вместе с дымом и легчайшими чешуйками пепла уносил прочь, мимо нас с бородокосым, уже почти полностью скрытых темнотой. О том, что кто-то в этой темноте все-таки есть, могли сказать лишь наши лица, изредка освещаемые тусклыми сполохами, от раздуваемых ветром углей.

Ещё до того, как парнишка закончил рассказ, Демьян, неожиданно взваливший на себя роль няньки, увел спать наевшихся и напившихся малышей, едва только те перестали жевать и начали дружно клевать носами, да тереть глазенки.

Для ночлега выбрали избу почище и без следов крови. Можно, было, конечно, не тесниться, относительно чистых жилищ хватало, но ради безопасности пожертвовали частью возможных удобств. Хотя, места хватило всем, его первоначальный недостаток, компенсировали, вытащив почти всю нехитрую мебель на улицу. Освобожденное на полу пространство завалили набранными по избам одеялами и матрацами, устроив некое подобие топчана. Получилось довольно уютно.

Сам рассказчик тоже не стал задерживаться, так как вот-вот готов был уснуть на полуслове. Видя его состояние, мы не стали задавать лишних вопросов, тем более и без них повествование Даниила было достаточно подробным. А торопиться обрадовать его радостной новостью о том, что он, вместе с братом и сестренкой, теперь живёт в другом мире, где, те самые, растерзавшие его отца и мать, людоеды, являются вполне обычными созданиями, тоже не стоит. Тем более, придётся об Улье и сотах всё объяснять, об одержимых, о живчике и ингредиентах для его приготовления. Успеется, такие разговоры лучше на свежую голову вести.

— Ну, Пустой, чегой спросить хочишь, спрашивай уж. — заговорил первым бородокосый, задумчиво водя камнем по лезвию ножа.

— Дядь Прохор, а как ты летаешь? — Неожиданно для самого себя задал вопрос, который и не думал задавать. Но потом понял, что просто не хотел обсуждать ни произошедшее в деревне, ни историю, рассказанную Даниилом. Ничего из этого. Не только потому, что и сам уже осмыслил всё это и сделал какие-то выводы. А потому, что не хотелось вновь проворачивать в голове, рисуемые воображением, картины произошедшего. Да и нечего здесь обсуждать. Уверен, что заведи мы беседу о произошедших здесь событиях, ничего нового из неё не почерпнем, и придём к выводам, что и так лежат на поверхности и не требуют никаких обсуждений.

— Хех! — кажется и крестного мой вопрос застал врасплох. Он даже нож перестал точить. — Спросил, так спросил!

— Ну а когда ещё об этом спрашивать? При Демьяне как-то не решался.

— От Демьяна то таица не след, Демьян надежный! — качнул головой бородокосый. — Но вона при Анисиме, например, об таком не надо гутарить. Про дар невидимых рук мой знают все, а про этот вот, што летать могу, мало кто знат, а об том, што этти два дара — одно целое, как от ореха скорлупки, вообще никто, окромя Тайки да ещчэ пары человек, не

знает!

— Как это? — наморщил я лоб, пытаюсь понять. — Погоди, твой дар невидимых рук — это типа телекинеза что-то. То есть, при помощи телекинеза ты летаешь?

— Никаких телекане... Тьфу ты! — и правда сплюнул бородокосый прямо в тлеющие угли. Зашипело. — Язык сломашь, об энтот твой кинес! Не знаю, об чём ты вообще. Слухай, сказывать один раз токмо стану, коли поймёшь — молодец. В опчем, энтим своим даром невидимых рук могу я энто вона ведро с водою прямо счас, не вставая поднять, да плескануть.

Указанное крестным ведро, словно услышав его слова, медленно поднялось вверх и, секунду повисев в воздухе, на высоте полутора метров, крутанулось дном вверх, затем, также медленно опустилось на землю.

— А могу руками энтими невидимыми, такоже и себя, как ведро энто, поднимать, да двигать в разны стороны. Ну ты видел жешь, тогда, на острове? Ага, помню. — я надеялся, что крестный и с собой повторно покажет, как умение работает, но он ограничился словами.

— Ну, вот такото, значица, и пользую дар свой, штоб как птица летать. — Бородокосый хохотнул, пару раз взмахнул руками, словно крыльями, ещё и клич какой-то издал, видимо подражая кому-то из пернатых. И добавил, прекратив дурачиться. — Токмо, чем большей и тяжелей то, што поднимаешь, тем скорей и дар кончаеця. Такото!

— Понятно теперь всё. — кивнул я, соглашаясь и добавил, вспомнив ещё один непонятный момент в схватке на острове. — Тогда давай и про другой дар расскажи!

— Энто какой другой то?

— Тот, которым ты топтунов друг на друга натравил.

— Экий ты глазастый! — почему-то недовольно пробормотал крестный. — Когда токмо выглядеть успел?!

— Стараюсь ничего не упускать. — пожал плечами в ответ.

— Энто, конешно, правильно. Эх! Дар, значица, говоришь?! Не друг на друга я их натравил то, а токмо одного, на другого. Одну, то бишь.

— Одну? — переспросил я, непонимающе и глуповато заулыбался. — Ты их по половому признаку различаешь что ли? В смысле, можешь узнать кто мальчик, а кто девочка?

— Приходица. — не поддержав моего веселья, все с такой же неохотой произнёс бородокосый.

— Да как там поймёшь? По бегунам, конечно, ещё можно определить, кем они раньше были, но у топтунов даже вид человеческий теряется, они же, вроде как, бесполые становятся?!

— Да ну тебя, крестничек, с сужденьями твоими! — раздраженно проговорил крестный. — Мне их разглядывать и не надо. Тута просто всё, коли даром получилось зацепить, значица, из бабы одержимый вывелся. Коли не получилось, значица, мужик энто был. Такой вот у меня дар.

— Выходит, ты можешь любого одержимого, который до обращения был, то есть которая была женщиной, заставить выполнять свои команды?

— Ну да, выходит так. Токмо волотов пока не случалось даром цеплять. А с упырем было дело. Энта упыриха мне цельну деревню помогла от одержимых очистить. В той деревеньке то, выше топтуна никого и не было, вот порезвилася Зорька моя!

— Зорька?! Ты ей и имя дал? — спросил ошарашенно, с трудом сдерживая рвущийся

наружу смех.

— Ну да, человечье то не стал давать, одержимые, оне ж навроде скотины. Вот Зорькою и нарек.

Сдерживаться больше я не мог, хохотать начал, как сумасшедший. Поначалу продолжал сидеть на пеньке, но не прошло и половины минуты, как сполз с него на траву, завалился на бок и, так и остался лежать, схватившись за живот и то и дело, сотрясаясь от приступов дикого хохота.

— Пустой, ты чегой энто? — спросил бородокосый удивленно.

— Зо... Зорь... Зорьк — ха-ха-ха? Серьёзно? Хо-хо-хо!!! — говорить нормально я не мог.

— Ну как-то ведь надо было её называть. — пожал плечами крестный, но, глядя на меня, и сам уже начал тихонько посмеиваться.

— Зорька? — вновь спросил я, в перерыве между приступами хохота.

— Зорька, зорька! — смеялся в ответ бородокосый.

Упырь — покрытое броней, кровожадное чудовище, ростом за два метра и весом в полтонны! Как же назвать подобное существо?! Хм... Дайте-ка подумать... Ну конечно — Зорька! Самое первое, что приходит на ум при взгляде на подобную тварь и единственно возможный вариант имени для неё. Хотя, можно было ещё Майкой, Рябинкой... эх какие ещё есть коровьи имена? А можно ведь ещё и собачьи и кошачьи клички вспомнить: Жучка, Каштанка, Муська или Мурка. Тоже неплохо бы звучали.

Разговор продолжился лишь спустя две или три минуты. Хорошо, что одержимых на острове не осталось, иначе они бы уже все были здесь. А я в таком состоянии даже меч из ножен достать не смогу, чтобы от них отмахиваться. И вдвойне хорошо, что мой дикий смех не разбудил спасенных нами детей.

Демьян, кстати, прибежал, посмотреть, что происходит, но увидев, что всё в порядке, почесал в затылке, побурчал что-то себе под нос и отправился обратно спать.

Не знаю, смеялся ли я так когда-нибудь раньше, память на этот счёт тоже молчала, но такой момент запомнится надолго. Ведь подобные случаи тоже нужны. Постоянное нервное напряжения от потери памяти, подстерегающих впереди опасностей, ужасающих событий, на вроде того, что произошло в этой деревне, от неопределённости и всего прочего, навалившегося на меня за тот короткий срок, что нахожусь здесь, и вполне здорово человека способно свести с ума. Так что эмоциональная разрядка в виде пяти минут непрерывного смеха очень полезна. Да и неизвестно, когда ещё удастся посмеяться, по всем прогнозам, ничего смешного впереди нас не ждёт.

— А что потом с Зорькой этой стало? — спросил я, когда, наконец снова смог говорить.

— Да ничаго, меч ей в затылок воткнул, мешок распотрошил и всё. — пожал плечами бородокосый и продолжил с улыбкой, глядя на мое, слегка удивлённое лицо. — А ты думал, што я с той Зорькою цельну седмицу таскался? Нее, какой там! Энто ж надо постоянно её даром погонять, да следить, штоб не сорвалася. Жалко, конечно, помощника энтакого лишаца, каких делов можно было наделать! Но хлопотно, да и самому можно головы лишица, коли сорвеца.

— Я одного не пойму, почему ты об этом так неохотно говоришь? Дар ведь полезный!

— Польза от дару есть, спору нет. Токмо людей с энтаким даром бабы сторонаца, да и мужики тож опасуюца, бояца за баб своих.

— В смысле? Он и на людей тоже действует? — улыбнулся я, заговорщически

подмигивая крестному

— Нечего тут нет смешного, на людей дар тож работат, на баб то бишь. Токмо нет в ём доброго ничаго. — Бородокосый был серьезен и хмур, даже следа улыбки не осталось на лице. — Любую можно даром окрутить, да так, што она и мужа своо и детей забудет, а на тебя, как на икону молица станет, в огонь и в воду готова будет по одному твоему слову идтить, ножом её будешь резать, а она тебе в ответ улыбаца станет, благодарить, да в вечной любви клясца!

— Да уж, действительно не смешно, понимаю теперь.

— Поначалу я маненько баловался энтим делом, пользовал дар, пока чуть не загубил дивчину одну. Тогда токмо сам и понял, како зло творю. Вовремя опомнился. С тех времен токмо на одержимых дар пользую. Баб с таким даром, тожить не любят, даж бояца, ведьмами зовут, хотя никаки оне не ведьмы.

— Так вот, почему тебя старейшиной в посёлке не выбрали. — озвучил я догадку, внезапно пришедшую в голову.

Меня с самого начала удивил тот факт, что крестный, имея немалое уважение в посёлке и все, необходимые лидеру, качества, прозябает на вторых или даже третьих ролях. А когда удалось познакомиться с Анисимом, вдвойне уверился в неправильности распределения ролей. Ведь, несмотря на всю браваду и попытки строить из себя предводителя, Анисим по натуре своей обыкновенный хитрый жадноватый торгаш.

Бородокосый же наоборот, честолюбием и излишним материализмом не страдает, зато о людях думает в первую очередь, даже умереть готов, лишь бы его близким жилось получше. Да и по характеру, прямой и открытый, готовый с любым человеком посидеть и обсудить даже самое незначительное дело. По всем раскладам, должны были выбрать его. Но не выбрали. Почему? Вот вам, и причина нашлась!

— Да я больно то и не рвался в старейшины, хотя... твоя правда, было дело. — произнёс крестный задумчиво и в голосе его была отчетливо слышна печаль — Человека с энтаким даром завсегда сторонница будут, хоть он дажить и в мыслях не станет дар свой кому-то во вред пользоваться.

Пока молчание повисло в воздухе, рядом с вновь загоревшимся костром, я достал меч из ножен и начал его разглядывать, словно видел впервые.

Заточка клинку пока не требовалась, единственное сражение, в котором он поучаствовал, было очень коротким, всего то пронзить голову топтуну, пройдя сквозь мягкие ткани. Тут и мечу из хренового железа ничего бы не было, а уж этому и подавно. Не знаю, что за сплав использовали для его изготовления, но сталь намного лучше, чем делают местные умельцы.

Отверстие посередине клинка, в котором раньше была закреплена пластинка маячка, рассыпавшаяся при активации в пыль, теперь превратилось просто в овальную сквозную дырку. И казалось, что это отверстие смотрит на меня тоскливым, наполненным пустотой, взглядом.

— Как ты топтуна то завалил? — спросил внезапно бородокосый, глядя на меч, который он долгие семь лет берегал для меня.

Вот те на! У нас что, вечер игры в вопросы и ответы?!

— Не знаю, как-то само вышло. — пожал я плечами.

— Значица, дар ты никакой не пользовал? Уменьем воинским взял? А сказывал, што не обучен с мечом то!

— Да нет у меня умений и даров нет, выяснили ведь уже. Просто топтун хромал на одну ногу, да и повезло, наверное. — сам не веря в то, что говорю, начал оправдываться я.

— Хромой, аль кривой, кака разница, топтун он топтун и есть! Не может мечник, дажить очень добрый мечник, так запросто топтуна свалить! Умельцев, што управица с таковским могучим одержимым могут, по пальцам пересчитать и то пальцев лишних останеца много.

— Так я и не справился, топтун меня убил практически. — парировал я, но крестный на это лишь махнул рукой.

— А ещё ты кусачу прямо в затылок, в мешок зарядил! С с самострелу, да с двадцати саженой то, повезло тожить?!

— Не знаю, наверное... Правда не знаю, дядь Прохор, не понимаю я, что делаю и как у меня это получается. У Таисии хотел спросить об этом, так она опять сказала, что нет ничего во мне, что пустой, только напророчила всякого непонятного. У меня ведь и сегодня что-то такое получилось, перед тем, как детей этих нашли. Я ведь их увидел сквозь стены, сквозь землю и в тот момент всё так видел, насквозь.

— А сейчас можешь видеть также?

— Не, один раз получилось и то не понял, как и почему.

— Жалко. Добрый дар энто. У нас в посёлке двое с таким даром. Один то недавно токмо получил, недалече глядеть может. А другой, Архип, почитай за полверсты все может видеть также и под землей и везде. Давно у его дар энто, пяток лет, аль поболее.

— Да мне и самому жалко, что ничего не умею и дара ни одного нет. — вздохнул я невесело. А сам задумался о словах бородокосого. Если этот Архип, развивая умение больше пяти лет видит лишь на расстоянии шестисот метров, то у меня, на пару километров точно можно заглянуть, это сколько лет назад я свое умение получил?!

— Вставай! — проговорил крестный, вытаскивая меня из размышлений и, внезапно протягивая недлинную, не больше метра длиной, палку.

— Это зачем? — спросил я, взяв её в руку и заметив такую же у бородокосого.

— Твое умение на мечях сражаца проверим, коли топтуна свалил, меня и подавно одолеешь. — произнёс крестный, отходя подальше от костра и предлагая следовать за ним.

Идея меня не особо воодушевила, но чем черт не шутит.

Я не успел подготовиться. Бородокосый не дал ни занять позицию, ни отстегнуть болтающиеся на поясе, являющиеся сейчас лишь помехой, ножны с мечом. Стоило мне сблизиться с ним на расстояние рывка, как крестный этот рывок совершил, заканчивая его резким выпадом.

Отразить этот выпад удалось каким-то чудом, также, как и следующий, и ещё три, и ещё пять... Палка в руках крестного двигалась со скоростью молнии, он сам тоже не отставал, но не делал каких-то лишних движений, просто теснил меня, пытаясь достать или пробить защиту. При этом, то и дело, ломал темп атаки резкими рывками, но и их он совершал очень экономно, словно берег силы.

Моя рука, с зажатой в ней палкой, жила своей жизнью. Хотя я и отметил, с большим удивлением, что вижу в стойке и движениях бородокосого, его следующий шаг и направление выпада, откуда ко мне приходит это понимание, я не знал. Просто доверился своим чувствам. Но стоило лишь на мгновение задуматься, задать себе один малюсенький вопросик, внезапно прозвучавший в голове удивленным возгласом: "Да как я это делаю?!" как выверенные до автоматизма движения, позволявшие держать противника на нужном

расстоянии, изменились, став нервными, дерганными. Кисть, с зажатой в ней палкой, сделалась тугой и непослушной. Я попытался вновь вернуться к состоянию, где выученное тело двигалось само, но было уже поздно. Деревянный "клинок" бородокосого сверху вниз ударил в плечо.

— Чегой ты поддался то? — спросил нахмурившись, крестный, опустив вниз руку с зажатой в ней палкой.

— Да не знаю, отвлекся что ли. — ответил, с досадой потирая ушибленное плечо. Зря костюм снял, в нём бы даже не почувствовал удар этой деревяшки.

— Ты энто брось! В настоящем то бою, коли такого случица, энтаким ударом разрубил бы тебе плечо и всё, конец!

— Да понял я, понял! — самому было обидно, что так бездарно проиграл, при этом, вполне неплохо начав поединок.

— А чегой токмо отбивался, а сам то и бить не стал? Мог ведь, и не раз! Я жешь вижу, что мог, но не стал. — спросил бородокосый, поглядывая с прищуром и, не дожидаясь ответа продолжил, одобрительно хлопая по плечу. — Но теперича понимаю я, как ты топтунишку то одолел без даров. Уменье в тебе есть, да и ловкости не занимать. Да и сдерживал ты себя как будто. В полну силу, да на настоящих мечях, поостерегся бы я с тобой биться! Молодца, Пустой! Помнишь, обещался я тебя поучать с оружием. Так вот, нечему мне тебя учить, с мечом то ты лучшее меня будешь!

Да уж, не с того ни с сего, искусным мечником оказался. Вот тебе и проигрыш!

— Так ты ведь без дара своего, дядь Прохор, сражался?

— Без него, твоя правда. Так мы жешь на мечях с тобою и бились, а не дарами мерились! — пожал плечами крестный, отбрасывая в сторону палку.

Действительно. Ответить мне было нечего.

Глава 16.

Проснулись поздно. Что, впрочем, не вызывало удивления. С бородокосым проговорили до поздней ночи, потом выясняли, кто из нас лучше палкой машет. В итоге легли чуть ли не под утро. Правда, когда мы с крестным уже поднялись, дети ещё продолжали спать. Старший — Даниил лежал на спине посередине, а близнецы прижимались к нему с обеих сторон, обнимая старшего брата маленькими ручонками.

Когда я, поднявшись, на цыпочках пробирался мимо них, то услышал, как малыши синхронно и трогательно посапывают одинаковыми носиками.

Демьян встал раньше всех и, за то время, пока мы досматривали утренние сны, успел не только разжечь костер, но и, судя по разносящимся от котелка волнам будоражащих аппетит ароматов, приготовить завтрак.

Да уж, в такие моменты понимаешь, что хороший повар — важный и полезный член отряда. Недаром Таисия говорила, что без Демьяна нам не сдюжить. Действительно, что бы мы делали без его чудесного кулинарного мастерства?! Но, если совсем без шуток, пользы в бою от него наверняка будет побольше, чем от меня. Свое воинское умение Демьян наглядно успел продемонстрировать ещё вчера.

Было довольно тепло, особенно, если учитывать, что утро едва успело наступить. Необходимых и срочных дел, кроме как плыть к месту, обозначенному на выданной Линой карте, не наблюдалось.

Правда, с этим придётся немного повременить, сначала нужно пристроить детишек, забота о которых, так внезапно легла на наши плечи. А для этого нужно, как минимум дождаться, когда ребятня проснётся.

Неожиданно появившееся, свободное время, решил использовать с пользой, а именно немного освежиться, заодно и отмыться, а то скоро вонять начну. Уже который день бодрствую и ночью в непосредственной близости от реки, а толком искупаться так и не удосужился. Если, конечно, не считать ныряния за выпущенными из арбалета болтами, во время рыбалки.

Вода встретила прозрачностью и прохладой, последней было даже с избытком. Но, как известно, главное, преодолеть слабость теплолюбивого организма и окунуться первый раз с головой, а там уж тело само включится в работу, компенсируя потерю тепла энергичной работой мышц.

Вволю помахав руками и почувствовав первые признаки усталости, остановился и, перевернувшись на спину, блаженно расслабился, раскинув в стороны руки. Теперь полежать так, насладиться уединенностью и покоем.

Ещё бы от, мельтешащего в голове, хоровода мыслей отдохнуть. Только как? Что бы ни делал, поток информации, обрабатываемой мозгом, остановить не получится, сколько не пробуй. Выключателя у этого процесса, к сожалению, нет. Можно, конечно, действовать радикально, разбежаться как следует, и стукнувшись хорошенько головой об угол одной из изб, полежать в отключке. Но это, пожалуй, будет не то.

Единственный известный вариант, заняться буддийскими практикам, пытаюсь остановить беспрестанно возникающие колебания ума посредством углубленных медитаций.

Правда, по слухам, на то, чтобы полностью освободить разум от не дающих покоя,

мельтешащих мыслей, вроде это у них называется достичь просветления, большинству из встающих на подобный путь последователей Будды, не хватает и жизни. Хотя, сдаётся мне, что нет никакого просветления и все эти их медитативные практики и всякие джханы не больше чем способ выманивания денег у, ищущих душевного покоя, людей.

Да уж, с размышлениями опять не туда понесло. Ну, мне не привыкать. Кстати, вот откуда у меня эти знания о буддизме? Я, что, в прошлом был буддистом? Судя по сделанным выводам, вряд ли. Тогда каким образом эти знания присутствуют в моей голове, при том, что сама история их получения словно стерта из памяти? Эх, вопросы, вопросы...

Кстати, вот ещё интересный вопрос, особенно актуально выглядящий сейчас, когда я нахожусь в реке не менее, чем в сотне метров от берега.

Бывают ли одержимые, живущие в воде?

Твари ведь вырастают не только из людей, но и из хищных животных. Например, из крокодилов. Они ведь и так здоровенные, а попав в Улей, переродившись, да отожравшись хорошенько, даже страшно подумать, во что могут превратиться! Хорошо, что в наших широтах крокодилы не водятся. Хотя, кто его знает, может сюда и из других стран люди и животные попадают... В том числе крокодилы.

Когда пришёл к подобному выводу, руки и ноги начали двигаться сами по себе, шустро неся тело к берегу. Купаться как-то резко перехотелось.

Всё же, перед тем как окончательно выбраться из воды, старательно пошоркал тело песочком, но уже на мелководе. Мыло тут, к сожалению, ещё не изобрели. Ну, ничего, грязь смыл и то ладно.

Пока я устраивал себе водно-гигиенические процедуры, юная часть нашего отряда успела не только проснуться, но, судя по уносящему опустевшие тарелки Демьяну, ещё и позавтракать. Ну да, семеро одного не ждут.

Проходя мимо, уже вполне освоившихся и повеселевших малышей, помахал им рукой приветственно. На что близнецы ответили довольными, улыбающимися мордашками и продолжили увлеченно копаться в песке.

Ребятня расположилась недалеко от навеса, под которым обнаружил, устроившихся за столом бородокосого и Даниила, сидящих друг напротив друга и негромко о чём то разговаривающих. Точнее, говорил в основном крестный, паренёк лишь изредка вставлял в его монолог скудные реплики.

— Вот и получаца, што мы без энтих одержимых тожить не выживем, потроха ихи нам не меньшее, чем хлеб нужны. Дажить большее, потому как без хлеба ещё можно пожить две-три недельки, пояс затянувши, а без живчика и пары деньков не протянешь. — говорил бородокосый Даниилу, для наглядности потрясая перед ним бурдючком с заветным напитком.

На столе перед мальчишкой лежали горсть виноградин, несколько горошин и даже одна жемчужина, чёрная. Понятно всё, втолковывает паренёку знания, необходимые для жизни в Улье, заодно показывает получаемые из затылочных наростов трофеи. И, судя по расширенным то ли от страха, то ли от удивления, глазам Даниила, перспектива всю оставшуюся жизнь хлебать настойку из потрохов людей, превращенных Ульем в хищных плотоядных тварей, его не особо радовала. Правда, мальчишка, всё-таки старался не терять окончательно лицо и, что было сил, сжимал пытавшуюся отвиснуть, челюсть.

Любезно оставленная Демьяном порция каши и ломоть хлеба терпеливо ожидали моего появления тут же. Взяв миску, присел чуть в стороне, благо длиннющий стол, явно

рассчитанный на гораздо большее количество едоков, чем было нас всех, вместе взятых, позволял расположиться на расстоянии. Отсел, кстати, не только потому, что не хотел мешать разговору, но, и чтобы бородокосого послушать, информация будет не лишней. У меня такого подробного и обстоятельного инструктажа не было, большую часть необходимых в Улье знаний получал практически на ходу. Так что может услышу для себя что-то новое.

Не услышал.

Едва лишь крестный успел озвучить рецепты приготовления живца, которые уже были мне знакомы, и начал перечислять ступени развития одержимых, как прибежавшая, вместе с вернувшимся Демьяном, малышня, подняла такой шум, что описание особенностей различных тварей пришлось резко свернуть.

Оказывается, трапеза вновь не ограничилась одной лишь кашой. На столе появился знакомый уже, изрядно закопченный от частого использования котелок. По аромату, доносившемуся из принесенной Демьяном посуды, можно было понять, что угощать нас повар снова будет взваром. Правда, помимо уже известных, по дегустированному ранее варианту напитка, ингредиентов, добавлены были ещё и кусочки фруктов. Ничего необычного: яблоки да груши, но малышня явно была в восторге. К тому же, в этот раз, и мёда было больше, хотя и раньше его количество во взваре казалось избыточным. Видимо, Демьян хотел угодить ребятишкам. Ведь для детей вкус еды или напитка, в первую очередь, оценивается по количеству сахара в нём.

Повар разлил взвар по кружкам, в первую очередь детворе, вылавливая для них черпаком побольше вареных фруктов, а потом и остальным.

— Ай! Голящее! — обиженно пискнула малышка Забава, поторопившись испробовать ароматного напитка.

— Подуй, дулаце, не будет голяце! — сказал ей маленький Зосим, кривляясь и показывая язык, за что тут же получил нагоняй от старшего брата.

— Давай, лучше я. — еле заметно улыбнувшись, предложил Демьян. Подойдя к сидевшим рядом, близнецам, он провел раскрытой ладонью над одной кружкой, потом над другой. Пар, поднимающийся от горячего напитка, неожиданно исчез.

— Теперича не горячий. Пейте. — все с той же неуловимой, но вполне довольной улыбкой, проговорил Демьян и развернувшись, вразвалочку потопал к дымящему в стороне очагу.

— Холодная. — сказала Забава, недоверчиво потянувшись к кружке и осторожно макнув палец в напиток, удивленно уставилась на брата.

— Брешешь! — выпалил тот в ответ, но повторив действия сестры, убедился, что и в его кружке взвар полностью остыл.

— Как это?! — спросил Зосим, удивленно хлопая глазенками.

— Пейте, не бойтесь. — усмехнувшись, произнёс крестный. — Энто у Демьяна дар недавно появился новый — холод, значица, может наворожить.

— Дядя Демьян сто, волозей? — глядя на бородокосого взглядом, в котором смешивались страх и восхищение, спросила Забава.

— Все мы тут, в Улье, малость ворожей, и дар у каждого свой. У иньших не один дажить. Дарами нам Улей помогают супротив одержимых выстоять, да и силы да проворства добавлят, особливо тем, кто не перву весну в Улье встречат.

Я, внезапно вспомнил, что аналогичный фокус Демьян провернул, когда Таисии стало

плохо. Точно также проводил рукой над кружкой охлаждая горячий напиток, перед тем как дать его знахарке, но в прошлый раз я не стал сосредотачивать особого внимания на этом его жесте.

— Это как, чем дольше тут живёшь, тем больше силы добавляеца?! — начал уточнять Даниил, заинтересовавшийся новой информацией.

Ну да, ведь бородокосый ему только о страшных или неприятных сторонах жизни в этом суровом мире успел рассказать. А то, что есть некоторые плюсы, пускай и не слишком впечатляющие, Даниил не знал. Хотя, почему не впечатляющие?! Для парнишки возможность превратиться в могучего воина, к тому же обладающего сверхъестественными способностями — мечта, ради которой можно не только с неприятными аспектами Улья смириться, но и с чем-то похуже.

— Добавляеца, ещчѐ как добавляеца!

— Дедуска Пъехой, ты тозе мозес холодом дуть? — влезла в разговор Забава, под неодобрительным взглядом старшего брата.

— Не, не могу. — улыбнулся крестный.

— А сто мозес? — не отставала девчушка.

Бородокосый ответил. Не сказав при этом ни слова. Но малышам такой вариант ответа очень понравился. Близнецы зачарованно смотрели, как их кружки синхронно взлетели на добрых полметра над поверхностью стола, немного подвигались в воздухе, словно закружившаяся в танце пара, отчего стало непонятно, которая из кружек Забавы, а которая Зосима.

— Такото вона могу! — сказал бородокосый, опуская кружки обратно на стол.

— А что-то потяжелее можете поднять? — восхищенно поглядывая на, устроившего это небольшое представление, крестного, спросил парнишка.

— Могу, но не стану. Дар от тяжестей быстрее кончаца.

— Дедуска Пъехой, ну позаюста, есѐ подымите циво! — в два голоса загомонили малыши.

— Эх, чегой не сделашь ради ребятишек... — негромко проговорил бородокосый и в голосе его можно было расслышать тоску по, оставшимся в далеком прошлом, сыновьям. Но для несведущих была это тоска почти незаметна, да и длилась всего несколько мгновений. Уже через пару секунд крестный заулыбался всей своей бородатой улыбкой и хитро подмигнул нам Даниилом.

— А-а-а-а-а!!! Боюсь, боюсь! — закричал Зосим, внезапно поднятый в воздух прямо из-за стола.

— И-и-и-и-и!!! — тонко завизжала Забава, с которой случилось то же самое.

Правда, страх от неожиданности происходящего моментально сменился восторгом, а крики малышей наполнились радостью и озорным смехом.

— Я птицка-невелицка, летаю высокооооо! — весело напевала Забава, широко раскинув руки и болтая ногами.

— А я корсууун! Съем тебя! — грозно скорчив мордашку, включился в игру Зосим.

Мы втроем хлопали им снизу. Причѐм бородокосого совсем не смущало, что приходится делать несколько дел одновременно. В том смысле, что перемещение с помощью телекинеза сразу двоих ребятишек, наверняка требовало немалой концентрации. А он не только успевал хлопать, но ещѐ хохмил и хохотал, вместе с пролетающими над головой близнецами.

Видимо не только великим правителям древности, на вроде Юлия Цезаря и Александра

Македонского, удавалось постичь таинственное искусство многозадачности. Передо мной живой тому пример — бородокосый телекинетик Дядя Прохор.

Крестный покружил детей под навесом, отправляя их в полёт вокруг, подпиравших крышу, столбов, делал резкие повороты, от которых малышня заходила восторженным визгом. Затем также медленно, как и поднимал, опустил обратно на лавку, шутки ради поменяв близнецов местами.

— Дядь Прохор, што ж ты делаешь-то?! Они ж малые совсем, а ну как напугаюца! — с тревогой в голосе проговорил прибежавший Демьян, как только увидел, со стороны веселье, творившееся за столом, а также над столом, и вокруг стола.

— Брось ты энто, Демьян, вона оне, довольныя сидят! — кивнул бородокосый в сторону радостно улыбающихся, дующих из кружек взвар, малышей.

— Да с их што взять — сорванец, да егоза, пара — два сапога! А всё ж таки надобно построже с ими! — произнёс детина, неожиданно взявший на себя роль воспитателя.

— Добре, Демьяша, добре! — примирительно сказал бородокосый, хлопая Демьяна по плечу и продолжил с улыбкой, указывая на большое блюдо, которое тот держал в руках. На блюде возвышалась приличная горка из каких-то, то ли тонких пирожков, то ли толстых лепешек. — Ты лучше вона чегой мне скажи, ты нас нынче вусмерть укормить надумал.

— Да энто я просто оладьев решил напечь ребятам, да самим угостица. Тут вона и медку нашёл в погребе, цельный бочонок, с оладьями — самое то. — немного смущённо произнёс наш повар, поставив блюдо на середину стола. Также рядом примостил посудину, до краев наполненную, наполовину прозрачной, отливающей желтым, сладостью.

Малыши тут же похватили оладьи, толкаясь, помакали в миску с мёдом, при этом неизбежно измазав и пальцы в тягучем янтарном лакомстве, начали жевать, аж причмокивая от удовольствия.

— Пока тута на острове, домашнего отведасть, а то незнай што дальше то будет. — с улыбкой проговорил Демьян, глядя на довольные мордашки близнецов, азартно поглощающих оладьи. — Кончица по реке путь, там уж огня не разведешь, на солонине, да на сухарях будем.

Бородокосый с Даниилом не стали отказываться от угощения, ну и я тоже решил попробовать, хотя и одной кашей вполне насытился. Но исходящий от горки свежее испеченных оладьев аромат заставлял руку против воли тянуться к угощению. В мед, правда, макать не стал, и во взваре достаточно сладости.

Ну ка, попробуем Демьяновы оладьи...

Хм, ничего так, правда пресноваты и соли не хватает что ли или ещё чего, не знаю, не спец я в дегустаторском деле... Но у Светки лучше были, никакого мёда не надо и так пальчики оближешь. Как сейчас помню, она оладьи печёт, а мы с мелкими вместе стол накрываем, да чай свежий завариваем. Детей вообще за уши не оттащишь от тех оладьев. Никитка в садике всем хвалился, что лучше его мамы никто оладушки не печёт. А Дашутка их называла... Как же она их называла?!

Стоп! Светка, Никитка, Дашутка — это ведь семья моя! Родные мои ребяташки и жена, любимая моя, сладкая моя! Я помню, помню их! Да как вообще я мог забыть о них?!

Помню!!!

Точно помню эти наши посиделки, на столе чашки с блюдцами, сливочник, сахарница, небольшие пиалки, которые Светка называла креманками. Креманки эти наполнены медом, сгущёнкой, смородиновым вареньем и сметаной. Ещё помню зелёные салфетки на

белоснежной скатерти и старый заварочный чайник с аляповатой розой на боку. Из-за этой розы мне он жутко не нравился, а Светка упрямо не желала отправлять в кладовку, доставшуюся от бабушки раритетную вещь. Так мы с ним и проводили чаепития. И пусть ужасная роза продолжала красоваться на боку, свою работу, по завариванию ароматного напитка, чайник выполнял исправно.

После чая обычно...

Что же мы обычно делали после чая?! Только что ведь помнил!

Чаепитием воспоминания и ограничивались. Я мог вспомнить практически все, даже самые мелкие детали. Например, о том, сколько ложек сахара клала в чай жена — ни одной, она предпочитала несладкий. А вот попытки восстановить в памяти что-то, помимо этого совместного распития чая и поедания оладьев, неизменно приводили к пустоте, к той привычной пустоте, заполнявшей память на девяносто девять целых и девять десятых процента. Но теперь, в этом пустом, безбрежном океане утонувших воспоминаний появилась маленькая лодочка, в которой мы с семьёй вместе пьём чай и беззаботно болтаем о пустяках.

— Дяденька Пустой, вы циво плацете? — спросила малютка Забава, застыв с недонесенным до рта, оладьем в руке.

После прозвучавшего вопроса, все собравшиеся за столом тут же обернулись, чтобы убедиться в правдивости её слов. Крестный смотрел с удивлением, при этом не переставал вытряхивать крошки из бороды. Демьян хмурился, но во взгляде его можно было разглядеть маленький огонёк сочувствия и понимания, словно ему удалось вместе со мной увидеть частичку моего прошлого. Хотя, может это лишь показалось. Пытливый взгляд Даниила тоже сквозил сочувствием, но его собственная боль была намного сильнее. Малыши же уставились с непониманием и затаенным в глубине глаз страхом. Видимо, воспоминания об ужасах, произошедших в их родном доме, спрятались в потайных уголках памяти близнецов, но продолжали то и дело беспокоить неясной, беспричинной тревогой.

— Нормально всё, не переживайте, просто кое что хорошее вспомнил. — произнёс с улыбкой. При этом удивлённо отёр глаза и впрямь неизвестно когда успевшие напитаться солёной влагой.

Собравшихся за столом мой ответ вполне устроил. Малышня вновь принялась за оладьи, бородакосый продолжил объяснять Даниилу особенности жизни в Улье, а Демьян стоял рядом, думал о чём-то своём. Глядел я на них, но перед глазами стояла совершенно другая картина. Картина из непонятно насколько далекого, но несомненно моего, прошлого.

Светка расставляет на столе креманки, Никитка с Дашуткой помогают ей, таскают блюда и маленькие ложки, а я... Я разливаю по чашкам горячий чай из заварника с жуткой, отвратительной, но такой родной и близкой розой на боку.

Глава 17.

— Есё чуть-чуть голящее. Дядя Демьян, похолодите?! — проговорил вдруг Зосим, отвлекая остальных от моих мокрых и счастливых глаз. Перед мальчонкой стояла кружка, в которой парил свеженалитый, до сих пор не успевший остыть, взвар. Глазенки малыша просительно глядели на, так и оставшегося стоять, Демьяна.

Наш повар и, по совместительству, ходячий охладитель напитков не заставил просить себя дважды. Его рука простерлась над кружкой и...

Внезапно раздался тихий треск или, может быть, хруст или всё же скрип, а может это был новый, совершенно безмянный звук, вобравший в себя по малой частице от каждого из трёх вышеперечисленных. Но главным была не идентификация этого звука, а сама причина его появления.

— Ой-ей! — отпрянул от неожиданности Зосим.

— Ха-ха! — прыснула сидевшая рядом Забава и показала брату язык.

— Ох! Лишку дал. С даром не обвыкся ещё. — покачал головой Демьян, поднимая со стола деревянную кружку, по боку которой на всю высоту протянулась вертикальная трещина. Сквозь неё просматривалась плотная, матово поблескивающая, субстанция. О, находящемся здесь десяток секунд назад, взваре напоминал лишь темно коричневый цвет, заполнившего ёмкость вещества.

— Холодил, холодил, аж льду нахолодил. — сказал крестный, улыбаясь сквозь бороду.

— Незнай как вышло то! Таечка сказывала, што дар пользоваться поучаца надобно. Ничего, малец, счас ещё взвару налью, кружку токмо жаль — добрая. — проговорил Демьян, пытаясь вытряхнуть примерзший к лопнувшей посудине лёд.

— Стой, дай-ка мне. — протянул я руку за взваром, который превратился в, обжатый деревянной скорлупой, кусок льда — очень сладкого льда.

Местные вряд ли слышали о такой вещи, как мороженое. Если не ошибаюсь, в России это лакомство появилось только в 17 или 18 веке. Хотя те же китайцы и даже греки готовили его ещё с незапамятных времен. Где-то читал, что у Александра Македонского были специальная группа особо шустрых и выносливых бегунов, которые отправлялись в горы, готовили там мороженое, обкладывали его льдом и по-скорому возвращались, чтобы великий полководец, в перерывах между завоеванием новых земель, успел отведать холодного лакомства. На Руси, правда тоже замораживали молоко и, смешивая его с творогом, мёдом, ягодами и бог знает с чем ещё, получали некое подобие мороженого, но по понятным причинам, делали это исключительно зимой.

А у нас теперь есть возможность приготовить его прямо сейчас в теплое время года, благодаря новому дару Демьяна. Даже и готовить не надо, вот оно — мороженое! Под воздействием резкого падения температуры, жидкость перешла в иное агрегатное состояние, расширилась, заставив треснуть деревянную кружку, проще говоря, взвар в кружке превратился в настоящий лёд, во фруктовый лёд, даже во фруктово-медовый лёд.

Пускай наш повар и так расстарался, пытаясь порадовать вкусами натерпевшихся страху, детишек, но вкусняшек никогда не бывает много, это вам любой ребёнок подтвердит. Так что следующим блюдом нашего застолья будет привет из будущего — случайно сотворенное Демьяном мороженое.

С помощью ножа расширил трещину ещё больше. Аккуратно, чтобы не испортить принявший форму кружки лёд, взялся за края, потянул в стороны. Раздался треск ломающегося дерева и, немного скособоченный, цилиндр цвета замёрзшего взвара, упал в подставленную миску. Несколько кусочков откололось, да и сам цилиндр покрылся белесыми извивами трещин. Ну, ничего, главное ведь не форма, а содержание.

— Ты чегой делаешь, Пустой? — глядя на мои манипуляции, спросил бородокосый.

— Мороженое, Фруктовый лёд, это вкусно, попробуй. — произнёс я, улыбнувшись и пододвигая миску с, выглядевшим не особо аппетитно, куском коричневого, уже начавшего понемногу подтаивать, льда, Зосиму.

— Холодная! Как зимою! — пискнул мальчонка, недоверчиво потыкав пальцем в предложенное угощение. Забава повторила действие брата, округлила глаза.

— Ешьте, только потихоньку, а то горло потом будет болеть. — добавил, подбадривая малышей.

— Ооооо... Каноная какая! Ууууу... Каноная и сладкая... Ммм... — то пуча глазенки, то отдуваясь, комментировала свои ощущения Забава, первой рискнувшая забросить в рот один из, отколовшихся от основной массы, кусочков.

— Ого-го! Вкуснота! Ам-няммм! — захрустел сразу несколькими кусками, не желающий отставать от сестры, Зосим. — Вкусней нициво не кусал!

— И я, и я този! — потянулась Забава за следующей порцией лакомства, но брат придвинул миску ближе к себе, отталкивая её руку.

— Моё! Дяденька Демьян мне холодил!

— И мне похойодите, дяденька! И мне този! — не растерялась Забава, протягивая свою кружку Демьяну.

— Этак всю посуду попортим. — проговорил тот, задумчиво наблюдая за тонкой струйкой пара, поднимающейся над краями кружки.

— Можно вот так сделать. — сказал я, переливая напиток в чистую миску. — Края не высокие, не должна лопнуть.

Хоть предложенный мной вариант заморозки сработал, всё равно не понимаю, зачем так рьяно оберегать посуду, которой со всей деревни можно набрать целую гору. А так как из всех жителей в живых осталось лишь трое детишек, которых мы тоже заберем с собой, вся эта гора будет лежать тут и гнить. Хотя нет, сота же со временем обновится и деревня, вместе с жалкой горкой выживших и такой же кучей посуды вновь будет стоять тут как новенькая, но абсолютно никому не нужная. В любом случае, не вижу смысла трястись над каждой кружечкой, как это делает наш дорогой Демьян.

— Дядька Пустой, а откуда ты про это морожено то вызнал? — спросил Даниил, с удовольствием поглощая ледяную вкуснятину.

Наш повар был так любезен, что наморозил целую кучу сладкого льда, переведя на него почти весь приготовленный взвар. Так что хватило на всех.

Кстати, насколько я помню, в средние века, да и в более поздние столетия, мороженое было лакомством доступным лишь знати, да и то не всей. Простолюдины даже и не знали о существовании подобного угощения. Придворные повара бережно хранили рецепты приготовления холодной вкуснятины, передавали их из поколения в поколение и делились этим секретом исключительно по прямому приказу господина. Так что с полной уверенностью можно сказать, что мы сейчас вкушаем десерт, не каждому вельможе доступный. Жаль только, что вкус одинаковый, нужно Демьяну предложить варианты с

добавлением молока и масла, глядишь пломбир получится.

— Откуда про мороженое узнал?! — переспросил я, раздумывая над ответом. Ведь если говорить правду, придётся рассказывать о том, что попал сюда из будущего. Вроде ничем особо страшным подобная откровенность не грозит, но кроме бородокосого об этом пока не знает никто. Тогда, пожалуй, пусть так оно и остаётся.

Но, как оказалось, решение о разглашении этой информации суждено было принимать не мне.

— Так Дядька Пустой жешь из будущего к нам прилетел. Тама у их энто морожено кажный сварганить может. — Неожиданно подал голос крестный, в пух и прах разнося всю мою конспирацию.

— Эт как? — не понял Даниил, уставившись на меня с любопытством, даже есть перестал.

— А такото! Он, значица, токмо чрез многие сотни лет жить будет. Мы с вами уж помрем все, а он есчѐ на свет не родица. В опчем из энтих вот дальних веков, которы не дано нам с вами повидать, дядька Пустой и прилетел, штобы спасти нас от проклятых нелюдей, што в полон нашего брата берут, да режут, как скотину.

— Как же он, даже не родившись, с нами тута сидит? — на лице парнишки отразилась нешуточная работа мысли. Попытка разобраться в непростом временном парадоксе была явно не по силам для юного неокрепшего ума мальчишки, живущего в век, когда почти вся информация передаётся лишь устно, при разговоре.

— Эх, Данилка, Данилка, как жешь тебе объяснить — то?! — задумчиво проговорил крестный, оглядел стол, остановил взгляд на блюде с оладьями. После чего взял один из них в руку и продолжил, помахивая оладушком в воздухе. — Ну, возьмем вона зерно пшеничное, из коего мука для таких славных оладьев получаеца. Энто зернышко, в землю посаженно, будет у нас, значица, нынешним временем. Вскорости из того зерна росток поднимеца, то бишь наши с вами годы идтить дальше будут. И как на два перста вверх тот росточек проростет, мы с дядькой Демьяном уж состаримся и помрем. Дальшее будет пшеничка расти, а вместе с нею, и вы ребятишки, повзрослеете. Но потом, чрез многие годы и вас, значица, не станет. Так та пшеничка за энто, почитай, без малого век токмо в локоть высотой станет. Но есчѐ долго ей надобно расти будет. Все выше и выше будет она становица, пока на самой её вершине колосок не появица. Тот колосок и есть время, в которое дядька Пустой родица. И токмо, когда колосок энто набухнет и совсем уж дозреет, да зерна с его вниз, в землю осыпяца, тогда и дядька Пустой энтаким вот зернышком прилетит из своо времени в наше.

— Так у них там такое время, что все обратно в прошлое вертаюца? — спросил подросток совсем не то, что ожидал от него бородокосый.

— Не, никто тама в прошлое не может вертаца, токмо дядька Пустой воротился, токмо и ему энто непросто далося.

— Что ж выходит, коли дядька Пустой зернышко, а уж в колоске тех зернышек много, куда остальные делися? — вновь не о том поинтересовался паренек.

— Да каки к лешему, зернышки?! Я жешь про колоски энти начал, штоб понятнее было! Не, Пустой, давай сам сказывай, как у тебя тама и што. — невесело усмехнулся крестный, на последних словах хлопнув меня по плечу и с досадой откусывая оладушек, так и не сумевший помочь с объяснениями особенностей пространственно-временных перемещений.

— А циво есѐ у вас там кусного было? — спросила вдруг Забава, избавляя меня от

необходимости повторять произнесенные бородокосым слова, только изобразив их под другим, более понятным Даниилу углом.

— Да много чего, за семьсот лет всякого-разного напридумывали. Торты, пирожные, безе, бисквиты, зефир, пастила, сладкая вата, да что говорить, одного мороженого сотни видов, на любой вкус.

— Моёзное язное бывает? — выпучил глазенки Зосим.

— Разное. Есть молочное, шоколадное, яблочное, клубничное, с карамелью или с джемом, с орешками

— И ты всё это мозес сделать?

— Нет, у нас в основном всё машины делают.

— Сто есё за масыны?

— Хм... это устройства такие, механизмы, которые в движение приводят двигатели, работающие... — Я прервался, понимая, что сказанные мною слова для малышей кажутся пустыми, непонятными звуками. И также, как совсем недавно бородокосый искал подходящее для аналогии вещи, начал оглядываться вокруг.

— Вот, например, меха в кузнице. — продолжил я, вспомнив спрятанное за домом кузнечное хозяйство. — Чтобы воздух в горн поступал, нужно, чтобы кто-нибудь качал эти меха. Человек для этого дела нужен. А у нас есть специальные машины, которые заменяют человека в этом нелегком деле. Достаточно нажать на кнопку или рычаг потянуть, чтобы меха начали воздух качать. Также и с мороженым, только посложнее, там много разных машин задействовано, одна сливки или молоко наливает, другая орехи насыпает, третья смешивает, четвёртая морозит. Всё вместе это называется фабрика мороженого. За один день такая фабрика может наготовить мороженого на целый город.

— Ого, как много! — восхищенно открыла рот Забава, видимо, представляя сколько могла бы съесть холодного лакомства, попади она в подобное место.

— Так оно же растает, пока до людей донесут?! Или его зимой только делаете? — проговорил, внимательно прислушивавшийся к рассказу, Даниил.

— Не растает, есть специальные машины — холодильники, в них даже летом лёд не тает, там мороженое и хранится. Машины ведь всякие бывают, одни холодят, другие, наоборот, греют. Есть такие, которые одежду шьют, дерево пилят, дома строят. Есть машины, которые людей возят, есть, которые по небу летают, через моря и океаны могут перенести, в далекие страны, где лето круглый год.

— Выходит, за вас тама энти машины все дела делают? — усмехаясь, подключился к разговору бородокосый. — А вы, значица, цельными днями лоботрясничаете, да дурью маетесь?

— Да не, не маемся, если только чуть-чуть. — улыбнулся я в ответ. — Не везде машины справляются и для людей работы хватает, к тому же и сами эти машины приходится обслуживать да чинить.

— А едово то, едово у вас тама тоже машины энти варят? — Неожиданно забеспокоившись, задал вопрос Демьян.

— Есть, конечно кухонные комбайны и пароварки всякие, которые сами всё нарезают, да варят, но в основном люди сами готовят. — с улыбкой проговорил я, понимая о чём переживает явно любящий кулинарное ремесло, Демьян. — А хорошие повара везде ценятся. В ресторанах так вообще есть должность шеф-повара. Это как бы командир, возглавляющий отряд из десятка обычных, рядовых поваров.

— Ну да, едово готовить — не в носе ковырять! — важно произнёс детина, мысленно примеряя на себя роль поварского командира.

— Но всё ж таки лучшее жить то станет, тама, в будущем в вашем? — спросил вдруг крестный, при этом в словах его не было и тени насмешки. Он действительно всерьёз, с каким-то еле заметным оттенком надежды в голосе, интересовался о будущей судьбе человечества. Наверняка под человечеством подразумевались вполне конкретные, близкие и знакомые ему люди и их потомки, но сути вопроса это не меняло.

Что я мог сказать в ответ?! Продолжить рассказывать о прогрессе в науке, о создании вещей, облегчающих жизнь человеку, о долголетьи и прорывах в медицине, о подпирающих облака величественных зданиях и городах с миллионным населением?! Ага, также надо не забыть поведать о прогрессе в разработках оружия массового поражения, о кровопролитных войнах, о неравноценном распределении ресурсов, в результате чего, в благополучных странах люди страдают от ожирения, а в более отсталых и обделенных массово мрут от голода, о природе, загрязненной вредными выбросами, загаженных водоёмах и мегаполисах, где свежий воздух можно найти лишь в баллонах на прилавках магазинов, о промышленных катастрофах, в результате которых, сотни тысяч ни в чём не повинных людей гибнут в ужасных муках, обо всём этом мне сейчас начать рассказывать?!

Не только бородокосый ждал ответа на свой вопрос. И Демьян замер в молчаливом ожидании, хоть неразговорчивость была вполне естественным состоянием для вечно хмурого увальня, в его пытливом взгляде читался явственный интерес. Даниил тоже смотрел с любопытством. Даже малыши, пускай совсем не понимали сути разговора, но значимость момента, ощущавшуюся в повисшей тишине, прочувствовали вместе с остальными.

Глядя на сосредоточившиеся на мне перекрестья взглядов, улавливая витающие в воздухе ожидание и надежду, понял, что ничего из вышперечисленного говорить не стоит.

Ведь каждое поколение и живёт этой самой надеждой на хорошее будущее. На то, что их детям будет хоть на самую малость, на чуточку легче, чем жили они сами. Ради этой малости тот же бородокосый и отправился вместе со мной в поход, из которого может не вернуться живым. Ради этой малости и Демьян оставил возлюбленную, присоединившись к нашей смертельно опасной миссии. И в глазах Даниила, ещё толком не понимающего всей сути происходящего, читалась решимость идти хоть на край света, лишь бы сберечь и сделать лучше жизнь сидевших рядом близнецов.

Глядя на замершие в ожидании лица и стараясь не думать о плохом, улыбнулся как можно шире и произнёс:

— Лучше будет, дядь Прохор, намного лучше!

Глава 18.

И снова плеск весел, играющие на волнах солнечные блики и бодрящий, напоенный речной свежестью, ветерок.

Изогнутый и вытянутый остров, с оставшейся совсем без жителей, опустевшей деревушкой, канул в прошлое вместе со страшными событиями, случившимися в ней. Три маленьких человечка, спасшиеся из адской бездны, что разверзлась посреди их родного посёлка, всё дальше уплывали от родного дома, за короткий промежуток времени превратившегося в кладбище.

Несмотря на случившуюся трагедию, тоски или плача среди ребятни не наблюдалось. Видимо, новые впечатления на время задвинули страшные воспоминания в дальние уголки памяти. Ничем другим объяснить веселый смех и всё новые проказы, придумываемые расшалившейся малышкой, не получалось.

Наша, обладающая изрядной вместительностью, лодка, после появления в ней тройки новых пассажиров с пожитками, могла бы без проблем принять на борт ещё столько же народу. Но близнецы толкались, шумели, смеялись, свешивались то на один борт, то на другой, кидали в воду, неизвестно откуда появляющиеся в их ручонках, камешки и уже не единожды просились остановить лодку, чтобы немножечко искупаться, (хотя, как оказалось, плавать ни один из них не умеет) от всего этого в совсем не маленькой лодке становилось неожиданно тесно. Попытки старшего брата и Демьяна усмирить расшалившихся малышей имели действие, правда кратковременное, спустя каких-нибудь пять минут близнецы вновь начинали безобразничать.

Бородокосый, как и прежде, занимал место впереди, на самом носу нашего судна. Крестный равномерно греб веслом, и попутно объяснял и инструктировал пристроившегося сразу за ним Даниила, относительно, необходимых в Улье, знаний. Тот, в свою очередь, пытался усваивать получаемую информацию и, заодно уследить за сидевшими в середине, хотя бывало, что и стоявшими, а иногда пытавшимися даже подпрыгивать, Зосимом и Забавой. Дальше обосновался Демьян. Ради пригляду за близнецами, новоиспеченный нянь любезно передал оставшееся весло мне, как и прежде сидящему позади всех. Правда, если раньше можно было беззаботно любоваться открывающимися видами, изображая сгруженный на корме балласт, теперь же приходилось немного поупражняться в гребле.

— Как отстоица, пропускашь его, значица, чрез тряпицу, штоб гадость всю с живчика убрать...

— Ага, понял... Зосим, сядь на место, пока за уши не оттаскал!

— Лыбка, лыбка, есё одна вон, вон!

— Какие класивые! Дядя Демьян, глянь лыбка там, поймай мне!

— Тихо, ребятки, а то в воду ра-а-аз! Бульк и всё! Ну-у-у, некрасиво, Забава, ты же девочка!

Так мы и плыли, с разговорами, криками, шутками и смехом.

Река, иной раз и так удивлявшая своей шириной, раздвинула берега ещё дальше. Мы, придерживающиеся прибрежной полосы справа, потеряли из виду сушу по левую руку, поэтому теперь можно было представить себя отважными мореплавателями, рискнувшими отправиться по бескрайнему синему морю на утлой лодчонке.

Весёлое и размеренное путешествие нарушили начавшие то и дело попадаться, обезлюдевшие деревеньки, а с ними и бывшие их обитатели, переродившиеся в одержимых разной степени развития. Твари выскочили на берег, заклацали зубами и заурчали.

Близнецы, успевшие насмотреться на подобных страховидл ещё раньше, у себя в посёлке, не на шутку перепугались. К счастью, Демьян вовремя среагировал, обнял малюток, прижал к себе и, отвлекая, начал рассказывать какую-то сказку. Бородокосый же скомандовал править дальше от берега, чтобы лишний раз не пугать и так натерпевшихся страху малышей. Тем более и цель нашего плавания, по его словам, была уже недалеко и располагалась, как и предыдущие, на острове.

Это его недалеко, на самом деле, оказалось не так уж и близко. Лишь спустя ещё почти час усиленной гребли, на горизонте появилось светлое пятно, поверху которого шла зубчатая полоса на пару тонов темнее. Со стороны казалось, что это великан, древний властелин подводных глубин, частично высунув из воды голову, увенчанную короной из потемневшего от времени золота, оглядывает свои владения.

На самом деле головой был остров, белый от покрывавшего его песка, а может из того песка и состоявший. Правда, если он и впрямь весь из того самого песка, боюсь представить количество сыпучей породы из которой слагался этот, поистине исполинских размеров холм. Не могу сказать точных размеров, но наверняка не меньше пяти — шести километров в поперечнике. А если он ещё и в длину вытянут...

Зубчатой короной оказался город, был он, конечно не из потемневшего от времени золота, а из потемневшего от времени дерева. Правда на самом острове никакой растительности, кроме несерьёзных кустиков да редких зарослей камыша у берега, не наблюдалось. Выходит, лес для его строительства переправляли с большой земли, а до ближайшего, левого берега по прямой тоже километров пять выйдет. Да и рядом с берегом особых лесопосадок что-то не видать. Значит, древесину ещё и по суше издалека возили, ну или по над берегом сплавляли. В любом случае, по ценности привезенное из дальних далей дерево если и уступало золоту по цене, то ненамного.

Хотя, о чём я говорю, мы ведь в Улье, золото здесь котируется гораздо ниже, чем у нас на земле.

Кстати, размер города тоже впечатлял. Посёлок, в который изначально попал после купания в холодной воде, был немаленьким за счёт обширных и высоких укреплений, но этот островной город превосходил его на порядок. Пускай высота оборонной стены здесь была ниже поселковой, но по общей протяженности явно выигрывала. Да и домишки, что выглядывали из-за стен были гораздо внушительнее.

— Вона он, Песчаный остров. — донесся спереди скрипучий голос крестного. — Второй по величине городище в наших краях, большее его токмо Красное торжище!

— Ещё больше? — восхищенно произнёс Даниил, разглядывающий всё больше открывающийся взору остров через плечо бородокосого.

— Больше, токмо тот на земле стоит, то бишь не на острове, а возле реки просто, прям с пристани можно в сам город попасть чрез Стружки ворота.

— Мы его увидим?

— Не, нече вам тама делать. Да и нам тожить. Дурной городишко, хоть и большущий! Всякого — разного люда там хватат, особливо дурного: ворья, пьянчуг да шаек разбойничих с лишком. Вольный город, што скажешь. А на Песчаном острове порядок, хоть и строго, но правит князь у их и дружина у того князя добрая, свои дома, да ближние земли, што под его

рукою, в достатке живут, да оберегаюца от всякой шантрапы.

— Так ты, дядька Прохор, всё ж таки нас на том острове хотишь оставить? — с грустью в голосе спросил парнишка.

— Хочу и оставлю, потому как у нас с дядькой Пустым да с дядькой Демьяном иньший путь, тяжкий да тёмный, можем и не возвернуца. А тута у меня старый друг живёт — Никодим, в дружине у князя десятником служит. Пристроит вас как положено.

На том разговор и закончился. До самого причала, у которого качалось на волнах тройка похожих на нашу плоскодонок, да один струг, никто из сидящих в лодке не проронил ни слова.

— Энто у их задни ворота тута, потому и пристань пустует. — пояснил крестный, бросая веревку, выскочившему на причал, Демьяну. — Мало кто чрез энти ворота захаживат, они почитай всегда закрыты. На энтой стороне стены, да на воротах Никодимова десятка дозором и стоит, коли ничаго не поменялося. Не придеца нам по леву сторону почитай весь остров огибать, штоб до главных ворот доплыть.

По, поднимающейся уступами, деревянной лестнице, ведущей к массивным, собранным из толстенных досок, воротам бородокосый двинулся в одиночку. Нам велел выбираться на берег, вытаскивать пожитки ребятишек, да приглядывать за притихшей на время, малышней, увлеченно разглядывающей возвышающуюся над островом внешнюю стену города и выглядывающие из-за неё коньки и крыши домов.

— Высако-о-о ка-а-ак! — с улыбкой протянула Забава.

— Туда бы залезть... — проговорил Зосим мечтательно.

— Упадес зе!

— Не упаду.

Бородокосый тем временем переговаривался с парой одетых в островерхие шлемы и затянутых в кольчужные рубахи, дозорных, выбравшихся из надвратной башни и с ленивым удивлением сквозь бойницы оглядывающих странную компанию, ожидающую на пристани.

Судя по гневным выкрикам бородокосого и неприветливым ответам вояк, разговор особо не клеился. То ли попались незнакомые с крестным дозорные, то ли он что-то напутал с подотчетным его товарищу участком, но обещанной теплой встречи не было и в помине, отпирать ворота и впускать нас никто не собирался.

Мы уже думали, что придётся лезть обратно в лодку и плыть к тому самому, находящемуся на другой стороне, главному входу. Демьян даже собрался укладывать обратно узлы с вещами и ценностями, собранными по деревне для ребятни. Но тут появился ещё один вояка. Был он на голову ниже тех двоих, правда, нагоняй, моментально выданный нерасторопным дозорным и командный голос новоприбывшего сразу прояснили, кто тут главный.

— Борода, неужто ты?! — ахнув, произнёс высунувшийся в бойницу командир.

— Я, Никодим, я.

— А тама кто? Демьяна то вашего я признал, а остальные как, с тобой оне?

— Со мной, Никодим, со мной. Энто Пустой — мой крестник, да ещё ребятню вона с Кривого забрали. Обновилася сота на Кривом, токмо оне, значица и остались живы. Можа слезешь уж со стены то?! Уж шея болит снизу-вверх глядеть то! Поначалу вона твои дозорныя звать десятника не хотели, теперича и ты сам чегой то не торопися старого друга обнять!

— Ха-ха! И впрямь! — хохотнул Никодим и начал раздавать приказы замершим рядом

воякам. Громовые раскаты его звучного, хорошо поставленного голоса наверняка слышны были даже на дальнем берегу. — Что встали?! Открывай ворота, бездельники! Совсем не шевелитесь, лентяи! День и ночь у меня тута будете в дозоре! Я вас научу! Вы у меня жить на посту будете!

Дозорных словно ураганом унесло.

Не прошло и минуты, как протяжно заскрипевшая деревом, внушительной толщины воротина, отъехала в сторону. Выскочивший первым из открывшегося проёма десятник подбежал к бородокосому. Старые друзья обнялись, отхлопали друг друга по плечам, посмеялись.

Оказалось, что смех у них практически одинаковый. Одинаковыми оказались рост, походка, движения рук при разговоре, а также цвет волос и бороды. Правда, Никодимова борода не была заплетена в косу, а аккуратно расчёсанной копной ложилась на усиливающие кольчугу защитные пластины на груди. Но в остальном весело переговаривающиеся вояки были похожи друг на друга, как два берёзовых листа, сорванных с одной ветки.

Не прошло и пяти минут, как бородокосый, не прерывая диалога, перемежающегося смехом, а то и откровенными взрывами хохота, замахал рукой, призывая нас скорее подниматься к воротам.

Мальши вперёд остальных поскакали вверх по деревянным ступеням, оба хотели оказаться первыми на площадке у ворот. Старший брат с криком и угрозами ринулся вслед за ошалевшими близнецами. Ну а мы с Демьяном двинулись последними, не забыв прихватить пожитки ребятни.

— За энтим дело не станет. Об том куда их поселить и думать нече. — весело говорил Никодим, после приветствий и знакомства со всей нашей компанией. — Аксиныя рада радехонька будет! У нас почитай двое сорванцов, так она ещё хотит! Да чегой то не дал бог покамест. А тут уж и стараца не надо, вот ей и прибавленье. Изба у нас большая, с запасом ставили, дажить тесница не придёца! А тебя, Данилка, в подмастерье к Молоту, кузнецу нашенскому отправим. Да по три раза в седмицу к Ярославу будешь ходить, воинскому делу поучаца, токмо жить, понятно дело, с нами будешь.

После непродолжительного разговора с бородокосым, шустрый десятник успел не только услышать и принять просьбу старого друга, но и определить судьбу каждого из ребятишек, нежданно-негаданно свалившихся на его, столь быстро соображающую, голову. Удивительно, почему с такими способностями, Никодим командует лишь десятком воинов, а не сотней или даже тысячей.

Несмотря на добрую улыбку и радушие, всячески выказываемое шустрым другом крестного, Даниил, да и притихшие мальши, особых признаков радости от внезапно объявившихся новых опекунов не проявили.

— Мож хоть на ночевье останетесь? — взялся уговаривать бородокосого Никодим. — У меня в сам раз медовуха дошла. Энтакой медовухи на сотню верст вокруг лучше не сыщите, сам знаешь! Баньку затопим! Аксиныя опять же давно тебя не видала, пирогов настряпат с грибами, как ты любишь! Посидим, бывое вспомним, а с утраца, да на зорьке дальней и тронетесь в путь-дорогу. Ну?

— Эгей, Никодимка, посидим ещё! — Ответил крестный, хлопая его по плечу. — Токмо не сейчас. Не могу остаца, впереди ещё добрый кус пути, а мы и так задержалися. Вот коли сдюжим, да живыми воротимся, к первому тебе приеду, там уж и посидим как

следоват!

— Добро, Прохор!

— Дядька Пьехой, а вы куда? — взволнованно спросил прислушивающийся к разговору

Зосим.

— Далеко. Но вскорости обратно, значица, возвернемся.

— И я с вами!

— И я, и я! — повторила за братом Забава, ухватив маленькими пальчиками руку

Демьяна.

— Нет, ребятки, тута жить будете, у дядьки Никодима и тётки Аксиньи. — добавил крестный в строгости в голос, но глядя на вмиг погрустневшие мордашки малышей продолжил уже более мягко. — Ну, нече куксица то! Вы ещё не знаете каки пироги тётка Аксинья печёт?! Ммм... Язык слопать можно!

— Не надо пилогов! Дяденька Демьян нам оладушков напечет и молозино намолозит! Да ведь?! — проговорила Забава, снизу-вверх заглядывая в лицо Демьяну наполненным влагой глазенками.

— Наморожу. Как вернёмся, цельну гору наморожу! — с грустной улыбкой отвечал ей наш повар.

— Обесяес? — хлюпнула носом девчушка.

— Обещаю.

После этого короткого, но под завязку наполненного эмоциями диалога вокруг на целую минуту повисла тишина. Словно наступившее молчание было знаком, с помощью которого каждый из присутствующих, вдохновленный примером Демьяна, давал обещание малышам. Даниил обещал заботиться и оберегать их, как и полагается старшему брату. Никодим делить кров и пищу. Бородокосый вернуться и вновь показать фокусы с летающими предметами и людьми. Я же вдруг с прозрачайшей ясностью понял, что самым необходимым из всех возможных обещаний, которые только можно было дать замершим с мокрыми глазами, обретшим новый дом, сиротам, это приложить все силы, чтобы случившаяся с ними трагедия не повторялась вновь с другими детьми.

Следом пришло осознание невыполнимости подобного обещания. Вместе с ним волна неожиданной злости зародившись где-то в груди, покатила по телу, зажигая пламя ненависти в окутанном пустотой сознании. Ненависть к кровожадному улюю, перемальывающему в своих жерновах неисчислимое количество ни в чём не повинных людей. К самому себе, неспособному ничего с этим поделать. И, неожиданно, к гостям из будущего, группе моих боевых товарищей, точнее даже не к ним, а к их руководству, к тем загадочным старшим, отправившим меня в эту дурацкую миссию.

На фоне поднимающейся волны гнева нахлынуло пока ещё невнятное, но становящееся с каждым мгновением всё яснее осознание чего-то важного, понимание некой правды, ранее являющейся повседневной обыденностью, теперь же представляющейся как что-то невероятное, темное, невообразимо опасное и, почему-то... серое?!

Разорвавшие покрывало тишины голоса вырвали меня из этого странного состояния, и почти уже осознанная информация из прошлого, неостановимым потоком хлынула обратно. Попытки сохранить хоть какие-то крупницы ускользающих смыслов оказались тщетны. Всё равно, что собирать воду в сито. Единственным возможным вариантом было вернуться в то самое подобие транса, только так можно вернуть и понять канувшее в пустоту знание.

Да как жетак?! Ведь несколько жалких секунд не хватило для полного осмысления и

принятия открывшейся истины! А теперь... Теперь уже поздно...

После того, как вернулся в реальность, посетившее меня откровение казалось чем-то навроде тени от сна, ещё мгновение назад казавшейся такой объемной и внятной, теперь же превратившейся в, неясное и благополучно забытое, воспоминание.

С досадой и злостью бросил прощальный взгляд вслед ускользающей истине и, сквозь до боли стиснутые зубы, пообещал себе непременно вспомнить не только это свое знание, но и все прочие.

Отвлекся я с этими дурными, непослушными воспоминаниями. Теперь бы понять о чём там вновь спорят Никодим и крестный.

— Я ведь на ночевье то вас зазывал не токмо потому што с тобой посидеть хотел. — серьёзным голосом говорил десятник бородокосому, отвернувшись и бросая взгляд в направлении далекого берега. — Намедни, то бишь прошлой ночью, вои наши на правый берег отправилися, дозором ближнюю округу обойти, да не воротилися. А поутру с Козодубки, энто деревенька крохотна такая. Ну ты то должен знать! На том же берегу она стоит, на пару вёрст вверх по теченью. Так вот Колтун, свояк Мирослава, лучника с моей десятки, приплыл с вестью, што на ихню Козодубку вороги налетели лютые, кого порубили, а кого в полон угнали. Деревенька хоть и маленька, полтора десятка мужиков всего, но под нашего князя рукою была. А тута и дозор в тех краях тожить пропал. В опчем к полудню отбыли туда полторы сотни воев из дружины княжеской, ворогов нагнать, отмстить за Козодубку, да людишек, в полон угнанных, возвернуть. Сам конешно смотри, токмо лучшее вам остаться, да поберечься. Выждать пока наши энтих гадов передавят, а то пока оне тама бесчинствуют, могут и на вас налететь. Ты, Прохор, воин добрый, да и Демьян троих умелых мечников стоит, ещё и крестник твой наверняка энтакий мечишко не для красы носит. Токмо Мирослав сказывал, што ворогов тех десятка четыре, аль все пять, при том все конны, втопчут вас в землю и не заметют.

— Не бойсь, не втопчут. На конях по воде то не особливо поплавашь. А мы и дальшее на лодке плыть собираемся. Так што не повидаемся с ими. Што об том сказал, благодарствую, глядеть теперича по сторонам в шестеро глаз будем.

— Прощевайте, коли так.

— Прощевай, Никодим! Коли не воротимся, лихом не поминай!

— Типун тебе на язык, старый дурень!

— Уж не старее тебя, пенёк ты энтакий трухлявый!

Старые товарищи вновь посмеялись, обнялись, повторно отхлопали друг друга по плечам, но теперь уже прощаясь.

— Ну, Данилка, прощевай тожить, приглядывай за младшими то. Бедовыя оне у тебя, прямо как я, когда таким же мальцом был. А вы не кукситесь, свидимся ещё! — крестный пожал руку парнишке, потрепал по головам надувших губы малышей и, больше не мешкая, стал спускаться к причалу.

— Не ревите уж. — пытаюсь не показывать чувств, излишне бодро произнёс Демьян, но кинувшиеся ему на шею близнецы захныкали в два голоса, отчего здоровяк и сам начал вытирать наполнившиеся влагой глаза. — Ну тише, тише!

После того, как хмурый детина с потухшим, покрасневшимся от слёз лицом двинулся вслед за бородокосым, небольшая доля трогательных обнимашек досталась и мне.

— Плывите быстьей, дядька Пустой, стоб объятно быстьей пиплыть! — пискнула Забава.

— Да, быстѣй шоб! — поддержал сестренку Зосим.

Напоследок подарил ребятишкам по маячку, с помощью которых должен подать сигнал по прибытии в обозначенное на карте место. Всѣ равно в карманах оставленной Бамбуком разгрузки их нашлось больше десятка, плюс несколько отдал бородокосому на всякий случай. Активировать их кроме меня все равно никто не сможет, но малыши от безделушек из гладкого металла со сдвигающейся в сторону крышкой были в восторге, даже хныкать перестали.

Провожать нас спустились на пристань. Галдящая детвора начала махать руками, едва только лодка успела отчалить. Но продолжали махать ещё долго, до того самого момента, пока, медленно огибающее громаду острова, судно полностью не скрылось из виду.

Глава 19.

Следующая ночевка оказалась тяжёлой. В том смысле, что толком выспаться не удалось никому. Очередной островок, выбранный для остановки наспех, уже почти в темноте, оказался занят. Правда не людьми и не одержимыми. С первыми наверняка можно было бы договориться, а других, как выражался крестный, упокоить. Но с существами, облюбовавшими изрядно заросший кустами и камышом, не особо большой кусок суши, договориться было нельзя, а упокаивать бесполезно. По той простой причине, что на месте одного упокоенного моментально появлялся ещё десяток таких же кровожадных тварей. Причём кровожадных в прямом смысле этого слова. Островок оказался настоящим комариным притоном. Причём местные кровососы оказались жутко злыми и до невозможности голодными, видимо, давно к ним никто не заглядывал в гости.

О неприятном соседстве узнали не сразу. В момент прибытия рядом кружила лишь пара шальных комариков, но занятые подготовкой к ночлегу, даже внимания не стали на них обращать. А зря! Очень скоро наступившая тьма принесла с собой целые тучи гудящих кровососущих насекомых, с отчаянной радостью накинувшихся на беспечных путников.

Искать в темноте другое место для ночлега было поздно. Этот-то островок нашли по счастливой случайности, точнее по несчастливой. Демьян похвастался, что знает растение, запах которого отпугивает насекомых, но в подобных местах он не рос. Единственным спасением от кровжадной нечисти стал костер, в который, для большей эффективности, добавляли пучки свежесорванной травы и ветки кустов, покрытые зелёными листиками. Но даже клубы дыма не спасали от осатаневшего комарья полностью, едва лишь его концентрации в воздухе становилась чуть меньше, как проклятые кровососы вновь начинали одолевать.

Спали по очереди. Один из нас постоянно поддерживал дымящий на всю округу костер, двое других пробовали дремать, пытались прятаться под одеялами, но долго под ними тоже не удавалось высидеть — становилось жарко. Так что ночь прошла весело, с костром, непрерывно звучащими хлопками отбивающихся от комаров людей, и периодически доносящихся приступов кашля — спасаясь от кровососов в дыму, успевали и сами как следует наглотаться едкой гари.

Поднялись рано, едва начало светать. Все трое были красные и опухшие от укусов, а также не выспавшиеся и злые. Даже не отличающийся излишней разговорчивостью Демьян, опуская в воду сплошь покрытые волдырями руки заявил, что готов хоть на себе тащить лодку и нас вместе с ней до самого конца пути, лишь бы вновь не ночевать в подобном месте.

Завтракать не стали, быстро собрались и на максимальной скорости погнали лодку прочь от ужасного острова. Небольшая стайка особо жадных или попросту ненаевшихся за ночь комаров увязалась было за нами, но быстро отстала, сдутая набравшим силу речным ветерком.

Была ли бессонная ночь виной той неприятности, что случилась чуть позже или же это случайная ошибка бородокосого, взявшего на себя обязанности капитана нашего судна.

Хотя, может оно и к лучшему. Ведь, случись подобное в безлюдной местности, по которой крестный собирался вести лодку до самого конца плавания, пришлось бы топтать на

своих двоих лишние полсотни километров. А так у нас будет возможность пополнить запасы, да и тот самый вольный городок, под названием Красное торжище повидать и на собственном опыте узнать так ли он плох, как о нем отзывался бородокосый.

Но, обо всём по порядку.

Прохладный ветер задувал с левого берега, овевая распухшие и покусанные лица и руки людей, сидящих в лодке.

Несмотря на бессонную ночь и явное неудобство из-за беспрестанно зудящих укусов, настроение на борту, возглавляемого бородокосым, судна было вполне себе приподнятое. Долгожданное прощание с комариным островом повысило уровень радости в организме всем без исключения. Даже обычно хмурый Демьян, от переизбытка дофамина в организме, расщедрился на тусклую полуулыбку. Правда, в данный момент, на его раскрасневшемся и распухшем лице это простое выражение положительных эмоций выглядело жутковато.

Река, по мере нашего по ней продвижения, начала сужаться, течение понемногу увеличилось, а острова, дотоле появлявшиеся не то чтобы слишком часто, усыпали окружающее пространство до такой степени, что скрыли из виду оба берега. Размер этих островов разнился, начинаясь от совсем маленьких пяточков суши — едва ли тройке человек удастся поместиться, до огромных, не меньше пары футбольных полей, пространств.

Последних было немного, зато на некоторых из них можно было увидеть отдельно стоящие деревья, иногда заросшие редким подлеском околки, а изредка даже кусочки деревень, с полноценными, и не очень, избами встречались. Среди усыпанной островами водной глади эти основательные домики с изгородями и спускающимися прямо к кромке берега, огородами выглядели чуждо и по — дурацки.

Кому может взбрести в голову строить дома посреди бесплодного, отрезанного от большой земли куска суши?! Нормальному человеку без особых причин идти на подобное точно незачем. Но странному явлению Улья, распределяющему вырванные из реальности огрызки земной тверди по, разделённому на соты, пространству этого сумасшедшего мира нет дела до удобства людишек, случайно оказавшихся на этих самых огрызках в момент переноса. Словно бездушная машина с неизвестно кем заданной глючной программой, подчиняющаяся воле управляющих ею алгоритмов, собирает огромный пазл из кусков настоящего, стыкуя друг с другом разрозненные детали реальности.

На одном из подобных островов разглядели с десятков растерянных людей, в недоумении жмущихся друг к другу между родными избами, неизвестно как оказавшимися посреди реки. Одна из изб, на самом краю, присутствовала на острове лишь частично — только одна её половина, словно отрезанная исполинским ножом, слегка покосившись, застыла на пологом склоне. При этом оставшаяся часть жилища была обращена к нам посеченной стороной, являя взгляду внутренности избы — скорбный аскетизм бедняцкого быта, обрамленный рамкой из слагающих стены брёвен, светлеющих гладкими, свежесрезанными торцами.

Видимо, совсем недавно обновилась сота на острове, а вместе с ней и этим несчастным людям не повезло стать очередными обитателями Улья.

Увидев проплывающую мимо лодку, толпа зашевелилась. Некоторые из собравшихся потянулись к берегу, крича и призывно размахивая руками, другие наоборот глядели на нас недоверчиво и делали попытки остановить первых, излишне приветливых товарищей, третьи вообще не двинулись с места.

Но сидящий на носу бородокосый не обратил внимания ни на первых, ни на вторых, ни на третьих. Весла продолжали размеренно опускаться в воду, толкая набравшее ход судно

все дальше. Остановившиеся у уреза воды люди, растерянно гомоня, провожали лодку наполненными тоской взглядами.

— Стойте! Куда? Там же люди! — окликнул я занятых своим монотонным делом гребцов.

— Люди и люди... — не оборачиваясь, тихо проскрипел бородокосый.

— Так надо, наверное, остановиться, помочь чем. Или хотя бы про Улей объяснить, они ведь только что сюда попали, не знают ничего!

— А им это знание и не нужно.

— Почему?

— Тута почитай все, кто попадают, одержимыми становяца. Отчего так, никому неведомо, но токмо очень редко кто на этих островах да на мелях душу человечью сохранят.

— Но ведь бывают исключения! А если хотя бы один из тех, мимо кого мы проплыли, человеком останется?! А остальные, в тварей превратившись, разорвут его на куски! Получится, что мы могли спасти человека, но бросили! — попытался надавить на совесть крестного.

— Эх, Пустой, Пустой! — устало ответил бородокосый. — Да знашь скоко тута народищу?! Коли по всем этим островам собрать, не одна сотня набереца! Ты их всех штоль спасать хотишь?!

— Не всех, но хоть...

— Нет! — перебил крестный уже громче, но всё тем же уставшим голосом. — Не знашь ты, есть средь них хоть один, кто тварью поганой не обернеца, и не узнашь, пока время не пройде́т! Мож полдня, а мож и целый день и ночь ещѐ. И чегой, сидеть тута и выжидать, меж островами плавая?! К тому ж тута почти все соты скорыя, кажну седмицу обновляюца, а какие и в три — четыре дня поспевают.

Ответить было нечего. Несмотря на то, что оставшихся людей было до ужаса жаль, бесперспективность попыток их спасения была понятна в полной мере. Можно месяцами петлять в этом островном лабиринте, успев за это время вытащить несколько человек, но всё новые и новые люди будут попадать сюда вместе с постоянно обновляющимися сотами.

— Тута самому проще спастися. — произнёс молчавший доселе Демьян. — Кругом вода, одержимыя её не очень жалуют. Одержимыя жещь поначалу совсем медленно ходют. От энтакых медляков легко убечь. А тама уж недалече места обжитые. Так што и нече тута спастя.

Помимо совсем недавно обновленных сот попадались и другие, успевшие постоять какое-то время. На берегах подобных островов — сот частенько встречались стайки одержимых, правда совсем небольшие, в самой крупной из попавшихся даже десятка тварей не набралось. Да и по степени развития не видно было никого старше, утробно урчащего, скалящего лошадиные зубы, молодого и одинокого жрача. Видимо, постоянно обновляющиеся соты не дают одержимым толком вырасти, да и питаться на, окруженных водой, кусках суши тварям особо нечем, разве что друг другом. Наверное, тот единственный попавшийся нам жрач, в тоске и одиночестве бродящий по песчаному берегу, так и поступил, пустив всех находящихся рядом собратьев на откорм себя любимого.

Проплывая рядом с очередным, возвышавшимся на добрый десяток метров над поверхностью реки, островом, услышали внезапный, постепенно нарастающий шум сверху. Что именно там происходит, не удавалось разглядеть даже опасно перегнувшись через борт

лодки и закидывая голову назад. Всё из-за разницы в высоте и излишней близости к вырастающему из воды и тянущемуся почти вертикально вверх, обрывистому берегу острова. Чтобы увидеть причину раздающихся звуков, нужно было отплыть подальше. Правда, этого не потребовалось, через пару мгновений источник шума сам показался над краем обрыва. Тот факт, что им оказался очередной одержимый особого удивления ни у кого не вызвало. Кому же ещё шуметь в этом богом забытом месте?!

Тварь, разглядев с высоты проплывающую внизу лодку, наполненную вкусными человеками, не стала тратить время на размышления, с места бросилась вниз, плотоядно ощерившись и протягивая лапы в сторону стремительно приближающейся добычи. Твою мать! Что это за камикадзе такой?!

Я так и не понял, каким образом бородокосому с Демьяном удалось так быстро и слаженно отреагировать на столь неожиданно появившегося одержимого. Причём сама по себе тварь, оказавшаяся обычным бегуном, особой опасности для нас не представляла. Опасной была вероятность остаться без плавсредства. Прилетевшая с десятиметровой высоты туша весом в сотню килограммов, при точном попадании могла, пожалуй, переломить лодку пополам. Но резко и сильно сработавшие весла гребцов, в буквальном смысле, выдернули суденышко из-под летящего прямо на нас, словно ядро, выпущенное из мортиры, одержимого.

Разъяренно урчащая тварь, с громким плеском ушла под воду совсем рядом, в считанных сантиметрах, напоследок окатив ворохом брызг всех без исключения, сидящих в лодке.

За первым камикадзе с обрыва сигануло ещё несколько бегунов, но теперь гребцы были настороже, да и с прицельностью прыжков у последующих тварей было явно что-то не так — то недолет, то перелёт. Ближе, чем на полтора метра от лодки ни один из одержимых не попал.

— Экие бездари! — покачал головой бородокосый, бросая взгляд на показавшегося на поверхности бегуна, отчаянно молотящего руками по воде и жалобно урчащего.

Оказавшись в ненавистной среде, твари моментально позабыли о своём намерении пообедать тройкой людишек, заглянувших на огонёк. Все их действия теперь были направлены на попытки собственного спасения. Но чрезмерный энтузиазм не заменит умения плавать, поэтому одержимые у которых это самое умение отсутствовало совершенно, не пробарахтавшись и двадцати секунд, один за другим пошли на дно.

Очень скоро от троих бегунов не осталось ничего, кроме пузырей воздуха, поднимающихся из речной глубины, но, спустя минуту, не стало и их.

— Эх, мешки не глянули, скоко виноградин потонуло! — произнёс с досадой хозяйственный Демьян, оглядываясь. На лице нашего запасливого товарища явственно проглядывала тоска по ушедшим на дно трофеям.

После получаса блуждания между островами, бородокосый неожиданно и негромко выругался. Что именно он сказал, разобрать не удалось. Но наполненный искренним раздражением голос передал суть сказанного лучше любых слов.

В сути этой явно не было ничего хорошего.

— И впрямь! Быстрина недалече. — подал голос Демьян, видимо, сумевший расслышать, что именно проклинал бородокосого.

— Что за быстрина? — попытался я уточнить, но Демьяново пояснение "Несильна быстрина, обнаковенна" совсем не добавила ясности. Бородокосый же просто отмахнулся, скрипнув недовольно "Увидишь!"

Я и увидел.

Быстриной оказались обычные пороги — участок, сузившей русло реки, зажатый между двух невысоких гранитных скал, неожиданно возникших впереди. Ещё раньше обратил внимание, что скорость движения начала постепенно увеличиваться, несмотря на не особо напрягающихся гребцов. Теперь же их весла были вынуты из воды, но лодка при этом скользила по водной глади ещё быстрее. Заметно усилившееся течение толкало её даже лучше, чем пара гребцов.

— Эх, заболтался с вами! — качал головой крестный, вновь энергично подгребая веслом, но лишь для того, чтобы выровнять пытающуюся встать поперёк течения, лодку. — Не туда поворотились, проморгал место приметно, теперича уж не выйдет вертаца, быстрина не даст. Ну ничаго, раннее проскаквали и теперича тожить проскочим.

Я не особо разделял уверенности бородокосого в благополучном исходе. Впереди, в самом узком месте порогов, между уже упомянутых скал, происходили не очень хорошие вещи. Стиснутая каменными исполинами река взбрыкивала и исходила пеной, закручивалась бурунами. В нескольких местах виднелись торчащие из воды каменные зубья, хотя расстояние между ними позволяло проплыть полудюжине таких лодок, как наша, но точно такие же каменики могут прятаться и под водой. На такой скорости хватит даже не особо большого камешка, чтобы разнести в щепки нашу лодчонку.

— Что мне то делать? — выглядывая из-за плеча шустро орудующего веслом Демьяна и пытаюсь перекричать шум бурлящей на перекатах воды, задал глупый вопрос бородокосому.

— Держися! — крикнул тот в ответ.

Лодка, не на шутку разогнавшись, то и дело подсакивая на волнах, летела напрямик в небольшой промежуток между двух, торчащих над поверхностью воды, каменюк. В полтора десятках метров правее было ещё одно похожее "окошко", почти вдвое шире, но крестный, почему-то направил наше судно именно в это окно. Будем надеяться, он знает, что делать. Тем более и сам сказал, что не в первый раз проходит эти пороги.

Чем ближе к обжатоу скалами, бурлящему перекаату, тем усерднее приходилось гребцам орудовать веслами, притормаживая и выравнивая судно, вертящееся и скачущее по волнам, словно взбесившаяся лошадь.

Во время одного из таких скачков, корзинка с припасами и ещё что-то из, прихваченного хозяйственным Демьяном в обезлюдевшем посёлке, тряпья вывалилось за борт. Правда, кроме самого Демьяна, печально вздохнувшего вслед уносимому течением добру, никто на этот мелкий инцидент не обратил особого внимания. Были занятия поважнее. Например, сохранить лодку, ну и самим целыми остаться.

Момент прохода или, если быть более точным, момент пролёта между, торчащими из воды, каменными зубьями, запомнился щедрым ворохом холодных брызг, неожиданно резким маневром уходящей от столкновения с каменюкой лодки, особенно высокой волной, сработавшей подобно трамплину, выбросившему нашу посудину на более спокойный участок и тоже выбросом, но уже адреналина, произошедшим вследствие всего вышперечисленного.

После того, как прошли самый опасный участок, пороги не кончились сразу. Стиснутая скалами река ещё ворчала и показывала норы, но уже через пару десятков метров начинала раздаваться в стороны, расходится вширь, чем дальше, тем больше успокаивая не на шутку разошедшееся течение, оглаживая только что свирепо вздымавшиеся, резкие волны, отчего те становились все более кроткими и послушными.

— Ха-ха! Я ж сказывал, што проскочим! — повеселевший крестный обернулся,

улыбаясь всей своей бородой. — Такото и вышло, проско...

Внезапный удар, сотрясший судно, прервал радостную речь нашего капитана, а самого его выбросило за борт.

Рановато мы расслабились!

Нам с Демьяном удалось удержаться в лодке, но избежать участи показавшегося из воды, отплывающего и мокрого бородокосого не получится. Всё потому, что служившее нам верой и правдой судно не пережило столкновение. Из здоровенной пробоины в днище у самого носа посудыны хлестала вода, стремительно заполняя внутреннее пространство лодки. Даже с моими практически нулевыми знаниями в судостроении было ясно что плаванью конец. Нечего было даже пробовать залатать или заткнуть эту дырищу.

Будь дело рядом с очередным островом, можно было вытянуть посудину на сушу, а там, может быть и удалось бы её реанимировать. Но островов, заполнявших всё русло реки до самых порогов, здесь не было и в помине, впереди расстилалась водная гладь без малейшего намека на сушу, до ближайшего правого берега не меньше километра. Не стоит и пробовать тащить на себе тяжеленую колоду, идущую ко дну.

Только и успели, что похватать самое важное из пожитков, кое-как распределить их на себе, да не торопясь, не растрчивая попусту силы, двинуться к далекому, темнеющему на горизонте, берегу. При этом никто не произнёс ни слова. Даже словоохотливый крестный удержался от комментариев. Хотя, говорить и впрямь нечего, всё понятно и так.

Бородокосый, после фееричного прыжка и последующего погружения, вынырнул не один. Вместе с ним на поверхности появилось, непонятно откуда взявшееся, приличных размеров бревно.

Поначалу, крестный, чертыхаясь, оттолкнул его подальше от себя. Но я вовремя сообразил, что в нашем положении даже такое жалкое плавсредство может оказаться полезным. Пускай на него нельзя залезть всем втроём, чтобы с комфортом доплыть до суши, да и одному подобным заниматься не стоит. Но хотя бы сгрузить на, так славно держащуюся на воде корягу доспехи, оружие и обувь, заблаговременно снятые ещё в лодке, уже хорошо. Налегке плыть всё же приятнее, чем груженными. Мне то ладно, спец костюм, полученный от приятелей из будущего практически ничего не весил. Меч и арбалет с болтами, конечно, плавучести не добавляли, но, если сравнивать с тем же Демьяном, у которого одних топоров было четыре штуки, притом один из них весил как оставшиеся три вместе взятые. А ещё кольчуга, шлем, одежда, сапоги, котелок и несколько мешков, то ли с припасами, то ли ещё с чем-то невероятно важным, которые наш запасливый повар категорически отказывался бросать. Он сам готов был утонуть, лишь бы не бросать всё это добро. У бородокосого не было мании тащить лишнее, ему своего оружия и доспехов хватило, чтобы почувствовать, как это, устраивать заплывы на дальние расстояния с привязанной к телу пудовой гирей.

В общем, что не говори, а в сложившейся ситуации, словно материализовавшееся в воздухе по мановению волшебной палочки, бревно оказалось очень даже кстати. Правда, пришлось повозиться, распределяя и привязывая к нему наши пожитки. Учитывая, что производить все действия приходилось в воде, не имея под ногами опоры. При этом проклятая коряга совсем не собиралась помогать нам с этим непростым делом, даже наоборот — крутилась, вертелась и, подталкиваемая слабым, но всё же течением, пыталась плыть, причём в совершенно ненужную сторону. Провозились, конечно, хотя итоговым результатом остались довольны.

Теперь, неспешно двигаясь по пологой дуге в направлении берега, приходилось лишь

понемногу корректировать курс, дрейфующего по течению, превращенного в подобие грузовой баржи, бревна.

Несмотря на это, когда спустя неполный час добрались, наконец, до суши, отдыхать лёжа на каменистом берегу и приводя в порядок дыхание, пришлось не только мне.

Демьян и бородокосый тоже утомились не на шутку. Видимо, местные и сами не привыкли к подобным заплывам. Тем более плыли в одежде, а я, дурак, ещё и спецкостюм не стал снимать, свято уверовав в его необычайную легкость. Уже через несколько десятков метров пожалел об этом, но снимать всё равно не стал, да и неудобно было этим заниматься в воде. Так что на голом упорстве так и проплыл в нем всё расстояние до самого берега.

— Куда теперича? — неожиданно первым заговорил обычно неразговорчивый Демьян, выжимавший в стороне одежду.

— Там Красно торжище, к ему и пойдём. — махнул рукой бородокосый куда-то ниже по течению.

— Ты же сказал, што нечего тама делать?!

— Сказывал и сказывал. — скрипнул он в ответ, отвязывая свою кольчугу, примотанную ремешками и веревками к вытащенному на берег бревну. — Теперича есть чего. Лодку надобно, а тута никаких селищ нету до самого торжища, ни с людьми, не без их. По бережку и двинем, значица. По ему в сам раз дотудова и дойдём.

— Дядь Прохор, на какой мы камень то налетели? — спросил я, поднявшись и присоединяясь к разгрузке нашей "грузовой баржи"- Не было ведь вроде ничего?!

— Вона он, камень то, деревянным оказался! — проговорил крестный, раздражённо пиная наполовину освобождённое от вещей бревно. — Видно, под водой, в расселине меж камней застряла коряга энта, мы на её и напоролися!

Опустив взгляд на голый, давно растерявший где-то всю кору, на совесть просохший, но всё ещё остающийся крепким, ствол неровно обломанного дерева с торчащими из торца заломами, вдруг осознал, что раньше где-то видел его. И, уже вспоминая единственную из возможных ситуаций, в которой мог повидаться с похожим бревном, сдвинулся чуть правее, ближе к середине, уперся руками во влажный, шершавый бок коряги и перекатив её на другую сторону, обнаружил на боку оставшийся от сучка, знакомый, слегка вытянутый пенёк, срубленный интересным образом — сам сруб и одно из годовых колец, при взгляде на него под определённым углом напоминали цифру "9".

Глава 20.

Получается, передо мной то самое бревно, с помощью которого удалось спастись в самом начале пути. В тот самый момент, когда пришёл в себя, барахтаясь посреди холодной реки, обессиленный, замерзающий и вообще не осознающий кто я, откуда и каким образом оказался в воде в подобном состоянии.

Кстати, на последний вопрос не нашёл ответа до сих пор. Да и вряд ли найду. Разве что память вернётся также неожиданно, как и исчезла. Хотя, чем дольше здесь нахожусь, тем меньше верю в подобную возможность. Даже те, изредка проскальзывающие перед мысленным взором картины из прошлого и не до конца понятные сны, переставшие посещать последние несколько ночей, почти полностью стираются из памяти, оставляя жалкую тень толком неосознанных, но несомненно, моих, личных воспоминаний.

Ладно хоть семью вспомнил и теперь не забываю, как прочее. Пускай там всего лишь одна ожившая картинка о совместном чаепитии с женой и детишками, но картинка эта настоящая. Настоящая настолько, что кажется почти осязаемой. Случаются моменты, когда голову навещает сумасшедшая мысль, будто можно закрыть глаза, сделать шаг вперёд и оказаться на родной кухне в компании любимой жены и детишек.

Ну а самое главное то, что это воспоминание никуда не исчезает, подобно прочим обманчивым и призрачным приветам из прошлого. Оно остаётся со мной и как ничто другое мотивирует двигаться дальше вперёд, вопреки всем возможным и невозможным опасностям, лишь бы поскорее добраться до обозначенного на карте места.

— Пустой, кончай уж на корягу энту глядеть, как на девку красну, собираца давай! — бородокосый, как обычно, не упустит возможности отчитать непутевого крестника, в очередной раз увлекшегося размышлениями.

— Эта коряга мне жизнь спасла. — ответил, хлопая рукой по бревну.

— Чегой мелеш?! Она нас чуть не утопила!

— Не, это не про сейчас. Перед тем как меня ваши дозорные на берегу реки нашли, я на этом вот бревне плыл какое-то время. Не будь его, точно бы утонул.

— Хех! Чегой прям то, можа не то?! — махнул рукой бородокосый. — Энтаких коряг вона по реке на каждую версту по пять шгук.

— Не, я хоть и хреново себя чувствовал тогда, но этот вот сучок, видишь, как будто цифра девять на срезе. Его я точно помню. — проговорил, ткнув пальцем в памятную метку.

— Не, крестничек, я хоть сам не письму ни чтенью не обучон, но грамот повидал всяких, так энтаких буквиц ни в одной грамоте не видал! Кака ж энто буквица?! Кривундя верчённая, а не буквица! — ответил, хмыкая, крестный.

— Верно, незнакома буквица. Но, коли энту твою кривундю повертать, нижню завитушку убрать, да титло поверх добавить, выйдет сотня, то бишь Рцы. — Демьян, всё это время молчавший в стороне, неожиданно вмешался в беседу, приблизившись и вместе с нами разглядывая бревно. — А девать у нас будет Фита. Штобы её начертать надобно полный круг такогo напополам поделить, но не чрез пояс делить, а ниже, по колено, почитай. Ну и титло поверх такоже, а то без титла Фита так буквицей и останеца.

Демьян сначала пытался на пальцах объяснить, как выглядят описываемые им Рцы и Фиты, но быстро бросил это бесполезное занятие, достал из — за пояса один из своих

топориков и, расчистив от камешков небольшой участок, уже им начал выводить вышеозначенные фигуры прямо на влажном песке.

Глядя на его старания, начал вспоминать и я. Действительно, ведь на Руси в тринадцатом веке, про арабские цифры никто и не слышал. Все расчёты и записи чисел велись при помощи кириллических символов, добавляя над каждым из них плавно изогнутую черту — титло. Каждой букве соответствовало число: Аз — один, Буки — два, Веди — три. Хотя нет, Буки — это ведь из глаголицы, которой пользовались до девятого или до десятого века, точно не вспомню. Но принцип записи числительных и тогда был точно такой же. В кириллице же второй буквой была Веди, дальше Глаголь, Добро... Фита и впрямь была девяткой в кириллице, а вот в глаголице девяткой была земля, если не ошибаюсь, и писалась эта земля... Хм... Не помню, как она писалась. В глаголице вообще все эти их буквицы затейливо писались.

Но каков Демьян! Молчаливый крепыш вновь удивил, оказавшись не только мастером в обращении с топорами разных цветов и конфигураций, замечательным поваром, способным в походных условиях приготовить изысканное кушанье из подручных материалов, но ещё и знающим грамоту и счёт, учёным мужем, что в средневековье было редкостью даже среди знати, а о простолюдинах и говорить нечего. Сколько ещё талантов припрятано у этого, казавшегося со стороны медлительным и ленивым бездарем, таинственного мужичка?!

— Энто когда ты успел грамотеем то стать? — бородокосый не меньше меня был удивлён познаниями Демьяна.

— Да Таечка поучать взялася. — немного смущенно ответил наш талантливый скромняга. — Сказывает, што лишним знанье не будет. Никогда не знашь, што в жизни пригодица может.

— Хех! И впрямь не знашь. — хохотнул крестный, хлопая Демьяна по плечу. — Эх, взялась за тебя Тайка! Теперича понимаю, чегой ты от её с нами сбёг! Тяжко стало от ученья то!

— Нет, ученье то мне в радость. Да и по Таечке тоскую уж. — не обиделся тот, но голосом отвечал предельно серьёзным. — А с вами потому што по инышему никак. Она сказывала, што без меня мож и дойдёте до конца, но со мной оно вернее будет, пускай и голову мою сложить придёца на том пути.

— Вместе дойдём, Демьян, вместе. И головы тожить вместе сложим, коли не сдюжим. — проскрежетал бородокосый также серьёзно.

— Одного не могу понять, каким образом это бревно преодолело такое громадное расстояние? — прервал я повисшее в воздухе, пронизанное неясной тревогой, молчание. — Ведь отсюда до того места, где меня подобрали дозорные, не меньше сорока километров, в смысле два с половиной десятка вёрст. И всё это по петляющей реке с островами и мелями. Почему такое здоровенное, корявое бревно нигде и не за что не зацепилось? Почему его не выбросило волной на какой — нибудь встреченный по пути берег? Почему лишь миновав все острова и эту вашу быстрину, коряга застряла практически на ровном месте?

— Река принесла. Обнаковенно дело, чегой дивица да гадать. — риторически отнесся к неожиданно образовавшейся куче вопросов крестный.

Может он и прав, это мне мерещится в происходящем какая-то мистика и вселенские заговоры, а ответ до безобразия очевиден и прост — река принесла.

— Говоришь, от смерти спасла тебя коряга энта? — вновь вмешался в беседу Демьян.

— Вроде того. — не очень уверенно ответил я, обескураженный его голосом,

неожиданно пропитавшимся непонятной, таинственной задумчивостью.

— Слова, што напророчила тебе Таечка помнишь?

— Нуууу... Что-то запомнил хорошо, а что-то похуже. — протянул я, лихорадочно пытаюсь восстановить в памяти хоть какое — нибудь из предсказаний знахарки. На самом деле, как минимум половина из сказанного ею была благополучно забыта, а другая, незабытая половина, состояла из разделенных и разрозненных фрагментов предложений, с некоторой долей смысла, кое как соединяющей эти самые фрагменты. И, почему-то смутившись из-за своей забывчивости, добавил уже более похожее на правду. — Что-то помню, конечно, но в общих чертах, так сказать.

— Как жешь так то?! Энто ж для тебя было пророчество то, его надобно обеими ухами слухать, да на ус мотать! Таечка, опять же, старалася, тяжко ей тебя проглядывать — то было, сам помнить должен! А ты взял так вона запросто и позабыл всё! Негоже об таком забывать!

Не могу сказать, что слова Демьяна заставили меня в приступе раскаяния рвать волосы на себе, но неприятное чувство осталось, особенно если вспомнить, насколько вымоталась знахарка, пытаюсь увидеть моё будущее. А я, несмотря на потраченные ею силы, так и не смог воспринять всё произошедшее до конца и всерьёз. Потому особо и не старался запоминать все её довольно туманно пересказанные пророчества и предостережения.

Только вот для Демьяна, искренне верящего в каждое сказанное прорицательницей слово, подобное отношение к предсказаниям наверняка видится настоящим святотатством. Казалось, что возмущённый крепыш готов прямо сейчас научить уму — разуму так наплевательски относящегося к их священным ритуалам меня. И науку эту он собрался преподать самым простейшим методом — кулаками. Хотя, это я, конечно, преувеличиваю. У Демьяна всегда такое выражение лица, что становится непонятно, хочет ли он спать, собирается улыбнуться или же планирует тебя прикончить на месте.

— Эх, крестничек! — добавил свою долю осуждения качающий головой бородокосый.

— Да, негоже такого. — повторил Демьян и добавил уже спокойнее и даже слабенькую тень полуулыбки добавил. — Ну ничаго, я ж тогда тожить с вами был. Почитай всё и запомнил.

— Всё?! — переспросил я недоверчиво, вновь удивляясь необыкновенно одарённому крепышу, в копилку талантов которого вот — вот должна была добавиться феноменальная память.

— Всё — всё! Я жешь всё, што кому Таечка пророчит, стараюся упомнить. А такого как с тобою у ей случилось, штоб после прогляда сама без сил наземь пала, вообще ни разу не видывал. Так што в энтот раз слухал ещё шибче. А дале, как в путь двинулися, по сторонам глядел, да што бы не случилось, ейные слова припоминал. Вот и счас припомнил, когда об корягу вдарили. А уж как ты сказывать начал об том, што спасла тебя коряга энта, то понял я, што про неё Таечкой напророчено и было.

— Я тожить кой — чего на ум взял с её слов, токмо чего — то не припомню, штоб Тайка об каких — нито корягах пророчила. — задумчиво хмуря брови, произнёс бородокосый.

— Не о корягах, а о мёртвом древе пророчество было. — ответил Демьян и следующие слова проговорил медленно, при этом прикрыв веки и добавив в голос торжественности — Древо мёртвое, что жизнь тебе сберегло однажды, спасёт тебя снова!

— Хех, энто когда жешь оно его спасло во второй то раз? — после недолгой паузы, с

усмешкой спросил бородокосый. — Когда мы из — за этой коряги без лодки остались?! Иль то, што скарб свой сберегли и до суши на ей довели уже спасеньем щитать?!

— Скарб то не весь сберегли, с лодкой почитай большая половина утопла. Эх, скоко добра на дно ушло! — враз погрустневшим голосом ответил проснувшийся внутри Демьяна барахольщик.

— Да ну тебя! Мы в боевой поход, для блага и спасения всех людей отправились, а ты опять токмо о добре и печешься!

— И то верно! — закивал тот в ответ. — В энтакоем сурьезном походе не знашь, што пригодица могёт, потому я и беру всего и всякого, да побольшее!

— Хех, Демьяша, знаю я тебя! Ты и без походов любишь добро собирать, скоко не дай, всё мало! — шутливо погрозил ему пальцем крестный.

Демьян промолчал и вроде как даже обиделся сложив руки на груди, и демонстративно отворачивая насуспенное лицо.

— Ха-ха! Ну што у меня за боевые други таки?! Одного беспамятного крестником взял, думал уму — разуму научить, так тот энтакых делов натворил — наворотил, што меня вместе с им из родного дому выгнали! Ладно хоть с мечом славно управляеца. Второй тожить воин добрый, токмо любо ему отчего то добро собирать, да с собою тащить, што твоей сороке. Токмо сорока лишь на то, што блестит падка, а энто всё с подряд тащит! Есчё и обидчивый, страсть какой! И что мне с вами делать то в энтакоем сурьезном походе, с бедовыми такими?!

— Ну в бою то мы тебя не подведём, дядя Прохор! — ответил ему с улыбкой, понимая, что это его очередное подначивание озвучено, чтобы расшевелить надувшегося Демьяна. — Так что придётся и дальше идти вместе с нами, других у тебя всё равно нет. Да ты, кстати, и сам такой же бедовый!

— Я?! Хех, ну, крестничек! — оторопел бородокосый от неожиданности. — Чем жешь я то тебе не угодил?

— Да ворчишь всю дорогу, как старый дед!

— Хех, дак оно и верно, я жешь старенький дедушка и есть! — хохотнул крестный, изображая горбатого старичка, для пущей убедительности согнувшись и потряхивая, заплетенной в косу, бородой. — Седой вона весь, спина тяжестью лет согбена. Токмо посоха не хватат, штоб при ходьбе опираца, на ноги то уж нету надёжи.

Глядя на его дурашливые кривляния, Демьян, до сих пор пытающийся сохранять серьёзное выражение на лице, прыснул басовитым хохотом, замахал на бородокосого рукой.

— Вот и ладненько! А то удумал обижаца! — проговорил крестный, выпрямляясь и оглаживая чуть растрепавшуюся бороду. — Чегой ты об энтой коряге то сказывать хотел ещчё?

— Да особливо ничаго. Токмо об том, што спасенье и впрямь могло быть в том, што выплыть нам помогло с частью добра и что-то из энтого добра ещчё послужит для Пустого спасением. — продолжил Демьян прерванный разговор. — Правда, могёт и по иньшему быть.

— Энто как?

— Плывя и далшее по реке на той лодке, Пустой бы погиб. Тогда тожить выходит, што коряга, лодку повредив, жизнь евоную спасла.

Помолчали, обдумывая озвученные Демьяном варианты.

Если всё же начать на полном серьёзе воспринимать напророченные знахаркой предостережения, то возможна любая из версий. Хотя, мне почему — то казалась более

реальной первая. Ведь передвижение по воде наоборот считается в Улье более безопасным, чем по суше. Разве что какой — нибудь шторм мог застать нас на середине реки. Но на реках вроде как не бывает штормов. Или всё — таки бывает? Эх, не моряк я, точно не моряк! В любом случае, даже если смертельную опасность таил в себе второй вариант, мы его благополучно избежали, оставшись без лодки. Выходит, единственное, что остаётся, это взять на заметку первую версию и приглядеться к экипировке, может и впрямь что — то из оставшихся вещей спасёт мне жизнь. Может, спецкостюм защитит от несущего смерть удара?! Или с помощью нового арбалета остановлю врага, схватка с которым грозит неминуемой гибелью?! Хотя это все чересчур очевидно, но кто сказал, что пророчества не могут говорить о банальном?

В любом случае, нужно будет попытаться вспомнить слова знахарки, хотя, можно и не вспоминать, а просто обратиться к ходячему звукозаписывающему устройству по имени Демьян, чтобы пересказал всё, что помнит и постараться запомнить самому. А ещё лучше записать. Вот только на чём?

Вспомнив о разгрузке, оставленной в качестве довеска к спецкостюму, потянулся к усыпанному карманами жилету. До этого момента особо не сосредотачивал внимание на хранящихся в нём ценностях, но теперь придётся покопаться. Заодно проведу ревизию, полученного от Бамбука, имущества.

Ничего сверхъестественного при обыске не обнаружилось. Пускай и не питал особых надежд обнаружить в миниатюрных кармашках крупнокалиберный пулемёт с запасом патронов, о котором мечтаю с момента первого знакомства с одержимыми, но отсутствие упомянутых Алисой тубиков с лайт — спеком, помогающих при тяжелых ранениях, оказалось неприятным сюрпризом. Как я понимаю, подобной вещью должен быть экипирован каждый член группы. Если бы Бамбук совсем не носил с собой медицинские принадлежности, ещё можно было понять. Но перевязочные материалы и прочая, присутствовавшая в каждой аптечке мелочёвка, были на месте. Может, просто не взял с собой, в смысле забыл?! Или же наоборот, взял тубики из разгрузки в тот момент, когда вытаскивал личные вещи перед тем, как отдать её мне?! Не думаю, что он оставил эту хрень для себя. В смысле, вряд ли у них на базе дефицит этого самого лайт — спека, если даже с белым жемчугом нет проблем, можно хоть ложками есть на завтрак, обед и ужин. Тогда тем более непонятно, зачем ему заниматься подобным?! Зачем намеренно лишать меня возможности повысить шансы на выживание при тяжелых ранениях?! А может в этом все и дело, может у Бамбука свое виденье ситуации, может ему не нужно, чтобы я добрался до места назначения живым и здоровым?! Надо будет этот момент обдумать при случае.

Несмотря на отсутствие шприцов с лекарством, компактный блокнот из плотной бумаги и пристегнутый к нему небольшой карандаш, тоже нашлись в одном из отделений разгрузки. Ну и славно! Ведь ради письменных принадлежность и затеял всю эту инвентаризацию. Вдобавок, большая часть обнаруженных в карманах предметов, оказалось упакована в герметичные полиэтиленовые пакетики, так что даже сушить блокнот после вынужденного купания не придётся.

Теперь можно будет расспросить Демьяна и с его слов, во всех подробностях, записать напроороченные знахаркой предостережения и постепенно самому выучить их наизусть, чтобы в дальнейшем иметь больше шансов спастись. Собственное критическое мышление до сих пор не может воспринимать всю эту мистику всерьёз, но история с бревном заставляет отбросить скептицизм и недоверие. Неважно, каким образом Таисии удаётся видеть

будущее. Если всё правда и её предсказания действительно помогут избежать гибели и добраться живым до заветной цели, когда всё закончится, постараюсь непременно вернуться к прорицательнице, поклониться и просить прощения за неверие в её чудесный дар.

— Демьян, — окликнул я крепыша, открывая блокнот и готовясь испортить снежно белую страницу записями. — Можешь вспомнить остальные слова Таисии?

— Могу, я ж сказывал, што всё помню.

— Эгей, вы чегой удумали? — проговорил бородокосый, окидывая взглядом происходящее. — Нам дальше идтить надобно!

— Дядька Прохор, давай привал сделаем, ненадолго, одежду посушить бы. — попытался я остановить засобиравшегося в дорогу крестного. — Заодно поедим, наверняка не вся еда утонула.

— Съестное то я сберёг. — похлопал по лежащему рядом мешку Демьян.

— В пути обсохнете. — непреклонно ответил бородокосый, прихлебывая живчик из бурдюка. — Пожевать тож на ходу можно, иль до Красного торжища обожди. Есть в энтот поганом городище одна добра корчма — "Медвежий угол" — тама уж покушаем как следоват, да и передохнем маненько. Так што собирайтесь и айда.

Ничего не поделаешь, придётся на ходу не только обсыхать и перекусывать, но и записывать слова знахарки, пересказываемые Демьяном.

Одного не могу понять, как можно было, лишь раз услышав такое количество устного текста, запомнить его целиком?!

Глава 21.

— Ну ни хрена себе! — не смог сдержать удивления, когда увидел, описываемый ранее бородокосым, город.

Красное торжище показалось неожиданно. Оно открылось во всей своей красе, целиком и сразу, стоило лишь, в очередной раз, завернуть за один из выдающихся в реку мысков.

В подобных местах и так узкая, сложенная напополам из песка и гальки, зажатая с одной стороны нависающей сверху стеной обрыва, с другой накатывающими под самые пятки, волнами, ниточка прибрежной полосы, исчезала совсем. Из-за этого и так подмоченные по голень прибоем ноги приходилось мочить выше колена, а то и по самый пояс. Так что обещанного крестным обсыхания на ходу не случилось.

Вообще весь путь по этой самой прибрежнополосной ниточке оказался совсем нелегким. Предшествующее ему путешествие на лодке, казавшейся дотоле неудобной и тесноватой, вспоминалось теперь с теплой грустью. Мало того, что больше половины всего времени шагали по щиколотку в воде, так ещё и, то и дело попадающиеся препятствия, в виде обвалившихся куч породы и камней приходилось преодолевать, перескакивая с валуна на валун, словно горные козлы.

Удивительно, как в подобных условиях удалось записать слова знахарки, процитированные Демьяном — её верным охранником и, по совместительству, возлюбленным. Хорошо, что не стал откладывать это дело в долгий ящик и успел перенести предсказания на бумагу в самом начале, когда дорога ещё не успела превратиться в полосу препятствий. Там уже было не до записей. Единственное, о чём думал, карабкаясь по обваливающейся из-под ног породе или преодолевая очередную, излишне затянувшуюся водную яму, это то, что когда — нибудь эта ужасная дорога всё — таки кончится.

— Это и есть Красное торжище? — решил на всякий случай уточнить и так очевидную вещь.

С места, на котором остановились, выбравшись, наконец из недружелюбных объятий прибрежной тропы, хорошо просматривалась местность на добрый десяток с лишним километров впереди. Злополучная тропа заканчивалась возвышенностью, невысоким холмом с плоской вершиной, этакой нерукотворной обзорной площадкой.

— Оно самое. — устало выдохнул бородокосый. Путь по изобилующему преградами побережью выдался нелегким для всех. Тот же Демьян, до сего момента ни разу не выказавший и малейшего признака усталости остановился, тяжело опираясь на снятую со спины здоровенную секиру.

— А как они... — оглядывая начинающееся в километре впереди безобразие, которое по неведомой причине назвали городом, спросил обескураженно. — В смысле, как от врат, да от тех же одержимых как отбиваются? Где у них стены?

Стен действительно не было. Точнее, что-то отдаленно их напоминающее виднелось на некотором удалении от центра "города", но и там, едва переросший двухметровую отметку заборчик не выглядел неодолимой преградой, тем более эта, скорее похожая на декорацию, изгородь, не была сплошной, где-то прерывалась, а где присутствовала лишь фрагментами. О назначении этого, зияющего прорехами, заборчика можно было только догадываться. На окраинах же и намёка не было на какие-либо заграждения.

Подобная беспечность не укладывалась в голову. Даже для обычного мира, в тринадцатом веке, отсутствие оборонительных сооружений для мало — мальски крупного поселения кажется сумасшествием. Что уж говорить об Улье, где даже крепкие стены не дают стопроцентной гарантии безопасности. Всё потому что опасность тут представляют главным образом существа, способные за кратчайшее время преодолеть отвесное препятствие любой высоты.

Может, местное население полагается не на крепость стен, а на многочисленных, хорошо вооружённых защитников, на отважных витязей, которым не страшны никакие, даже самые развитые одержимые?! Но в обозримом пространстве, на подступах к городу, никого, хоть немножко похожего на витязя, тем более на отважного, не наблюдалось. При этом недостатка в претендентах на роль защитников не было, народу было с избытком. Правда, с виду никто даже с большой натяжкой не походил на способного кого-то защищать или что-то охранять. Скорее наоборот, большинство присутствующего люда выглядело так, будто охранять и защищать что бы то ни было нужно в первую очередь от них.

Хотя, может это и есть защитники, те самые отважные витязи?! Просто замаскировавшиеся, прикинувшиеся толпой бродяг. Все для того, чтобы подкрадывающийся враг до последнего не мог различить в них угрозы. А уж как окажется неприятель на нужном расстоянии, так и посбрасывают с себя рваньё, да лохмотья отважные витязи, перестанут сквернословить и шататься, словно брагой упившиеся, распрямят согбенные спины, расправят плечи, засверкают металлом доспехов да остриями мечей и падет неприятель под их дружным натиском!

Мысль, конечно, занятная, но чем внимательнее приглядываешься к праздношатающимся неопрятным личностям, (многие из которых выказывали явные признаки опьянения, другие же имели несомненно бандитскую наружность, а третьи вполне гармонично совмещали оба этих признака в одном лице) тем больше понимаешь, что шанс на подобное крайне мал и в процентном выражении вряд ли поднимется выше нуля.

Вообще, Красное торжище, по занимаемой площади даже со стороны не выглядело маленьким. Скорее наоборот, по самым скромным прикидкам около десяти километров в диаметре. При этом расположено оно было в довольно необычном месте — в котловане, стены которого возвышались над городом на добрых сто пятьдесят — двести метров. Стены эти не были отвесными, а спускались ко дну котлована под небольшим углом, пожалуй, при желании наверх можно было даже без веревок забраться. Но этого и не требовалось, к вершине вела хорошо различимая, проторённая в одном из более пологих склонов, извивающаяся змеей, дорога. Сам город держался на расстоянии от стен котлована, видимо строители остерегались обвалов и селей, наверняка случающихся тут не так уж и редко.

— Тама стены. — повёл указательным пальцем по верху котлована бородакосый, отвечая на мой вопрос. — В двух сотнях аршин от обрыва, почитай, по всему краю ямы стена в пять сажений высица. Посередь той стены ворота, от их дорожка к городищу и спускаца. На воротах, да на стенах дозорныя, недалече казармы, в коих службу вои несут. Как подходят одержимыя под стену, дозорные в трубы трубят, вои на подмогу к им спешат, с одержимыми управляца, да обратно в казармы. Ещчѐ за стену бывает дозоры конны высылают. Токмо мало тут одержимых то. Место такое, по одну сторону река, энта вона, по которой мы плыли, значица, да ещчѐ одна по другу сторону. Меж теми реками соты, почитай все пустыя, токмо несколько деревенок малых на все два десятка верст меж речками. Да и те деревеньки обновляюца оченно нечасто. Так што мало одержимых сюда забредают, токмо те, што в

деревеньках энтих народяца. Так што и дозорны в дозорах не усердствуют, и вои тут тожить особливо не воюют, бока в казармах, значица, отлеживают, вином да брагою прямо на посту скуку заливают. Што поделашь, какой городище, так и стража!

Хоть протяженность Красного торжища вызывала уважение, совершенно противоположные чувства вызывали постройки, наполнявшие его. Неполных полдюжины деревянных домов в несколько этажей и пара пузатых, неказистых, бревенчатых башен составляли довлеющий над остальными строениями ансамбль, располагающийся в лучшей, центральной части города. Остальные дома и избы, по большей части, имели вид потасканный и жалкий. Окраина же вообще довольствовалась чем попало: землянки, лачуги и хибарки перемежались чем-то совершенно непотребным, напоминающим собачьи будки и палатки одновременно.

— Эгей, крестничек, кончай глазеть, пошли уж, пока в корчме всё пиво не выдули! — крикнул, оборачиваясь, бородокосый, первым зашагавший к городу.

Прежде чем добрались до первых жалких хибарок, пришлось отмахать ещё километр, постепенно удаляясь от реки, плавной линией, огибающей котлован по левую руку, вместе с приютившимся в нём городом. Видимо, в той стороне порт и те самые, упомянутые крестным, Стружьи ворота, через которые можно попасть в город со стороны реки. А мы, интересно, через какие ворота собираемся входить?!

Ворот на нашем пути не оказалось. Также не оказалось и охраны или дозорных, которые могли хоть как — то отреагировать на появление трёх до зубов вооруженных мужиков. Правда, основные ворота, через которые можно попасть в Красное торжище, вместе с доблестно несущей службу стражей, как оказалось, находятся наверху, за пределами видимости. Также и те, что принимают народ, приплывший сюда по реке. А мы, получается, входим в город со стороны условно непроходимой тропы, как бы через тайный ход, откуда никто и никогда не ждал и не ждёт гостей. Хотя, судя по словам бородокосого о бдительности местных стражников, даже если бы входили через одни из ворот, вряд ли смогли обратить на себя их внимание. И чем дальше мы продвигались вглубь города, тем больше убеждался в правдивости им сказанного.

Упоминание в названии городишки красного цвета, кстати говоря, так и осталось непонятным. Ничего красного по пути не попадалось. А если воспринимать так, что слово "красный" в данном словосочетании обозначает не цвет, а красоту, то тем более не ясно, ведь ничего красивого в поселении, расположенном на дне огромного котлована, и близко не было.

Правда, относительно "торжища" никаких вопросов не возникало. Торговали тут на каждом шагу и абсолютно всем. И если на отшибе в качестве торговцев выступали всё те же неопрятные, бандитского вида личности, предлагающие по большей части всяческий хлам, то чем дальше отходили от грязновато — нищей окраины, тем чище и представительней казались продавцы. Возле лотков с товаром появлялись хмурые охранники, а спектр предоставляемых услуг ширился и рос.

Помимо торговцев начали попадаться ремесленники, зазывающие прохожих под покосившиеся навесы своих мастерских, находившихся тут же, где прямо на месте оказывались услуги по ремонту одежды, обуви, сбруи для коней, а также любых других вещей. В дымящей горнами кузне предлагали починку доспехов, правку и заточку оружия, а также подковывание лошадей по самым низким ценам. Причём отсутствие этих самых лошадей у нашей пешей троицы ни капельки не смутило улыбчивого красномордого кузнеца

с хитрым взглядом, о покупке лучших верховых коней вместе с седлами по лучшим же ценам он обещал позаботиться в самые кратчайшие сроки.

Другой, до безобразия наглый делец пытался уговорить меня поменять полученный от Бамбука арбалет, на связанную с самым сердцем Улья, наделяющую носителя безграничной силой и всезнанием, диковинку из далёких, таинственных земель. С виду эта самая "диковинка" выглядела совсем не впечатляюще, в точности как череп то — ли собаки, то — ли какой-то похожей животины с вставленными в глазницы, поблескивающими красным, невзрачными камешками. Эту сделку навязчивый меняла называл главным событием в моей жизни, якобы он сам не желает расставаться с чудесным артефактом и оказывает мне эту невероятно щедрую услугу лишь по велению самого Улья, чей величественный, всепроникающий глас достигает его ушей с того самого момента, как к нему в руки попала диковинка.

Отбрехаться от судьбоносной сделки удалось лишь после прямого вмешательства Демьяна, красноречиво потянувшего из — за пояса один из своих топоров. Правда, спустя всего лишь минуту пришла очередь уже мне и бородокосому оттеснять в сторону языкастую гадалку, пытавшуюся пророчить будущее развесившему уши Демьяну.

Помимо подобных предложений, всю дорогу нас сопровождала ватага попрошаек. Хотя, насчёт дороги это я погорячился. Движение к известной лишь бородокосому цели, проходило непонятным, петляющим меж расставленных в беспорядке строений и гомонящих толп народа кружно — петляющим путём, запомнить который вряд ли получилось даже у Демьяна с его феноменальной памятью. Да и большую часть особо настырных торгашей и зазывал удавалось спровадить лишь крестному, наверняка не раз бывавшему в этом суматошном месте и умевшему разговаривать с подобными личностями. От тех же попрошаек он отделался парой виноградин, при этом спросив у одного из босых оборванцев, до сих пор ли следит за порядком среди торговцев старый Щукарь и отправив другого в корчму к Медведю с вестью о прибытии старого друга.

Попрошайки, опознав таким образом в бородокосом человека, знакомого с местными властимущими, тут же отвязались, отправившись дальше искать какого — нибудь заезжего простачка. Похожим образом он отваживал и прочих, излишне навязчивых, торгашей, менял и кузнецов — коневодов.

Правда, в нескольких местах наш провожатый всё же остановился. Первым оказался скрывающийся в небольшом, полутёмном помещении, оружейный магазинчик, судя по изобилию выставленных на прилавке луков, главным образом на их продаже и специализирующийся.

Невообразимо худой, но отнюдь не согбенный, обладающий цепкими, до нутра пробирающими глазами и роскошной бородой, неприветливый старичок, очень сухо поздоровался с крестным, несмотря на откровенное дружелюбие, выказываемое последним. Меня и Демьяна при этом он окинул таким подозрительным взглядом, будто заочно считал нас распоследними ворюгами, заглянувшими в его лавку лишь для того, чтобы что — нибудь спереть.

Несмотря на большой выбор, бородокосый не стал покупать ни один из выставленных на продажу луков. Перекинувшись с хмурым продавцом парой, относящихся исключительно к предмету торговли, фраз, покопавшись в выложенной на прилавок россыпи стрел и взяв из них лишь полтора десятка, да в придачу две тетивы и маленький мешочек с неизвестным содержимым, крестный расплатился и, помимо устного прощания даже поклонившись, но,

при этом не получив в ответ даже скупого кивка, отправился к выходу.

Мы двинулись следом. Я, до последнего надеясь, что продавец хоть как-то отреагирует на столь уважительное прощание и перед тем, как покинуть помещение, оглянулся. Но увидел лишь недовольно — презрительный взгляд цепких глаз, нетерпеливо подталкивающий в спину удаляющихся посетителей.

— Что это за торговец такой? — окликнул, уже выбравшись обратно на улицу, двинувшегося дальше бородакосого.

— То Войцех, у его лучному делу поучался, он с меня энтакого доброго лучника сделал. — крестный отвечал не очень охотно, при этом в его скрипучем голосе слышны были оттенки грусти.

— Он со всеми покупателями такой добрый?

— Повздорили мы с им, дело давнее, уж сколь вёсен минуло, а он всё такоже не желат на мировую идтить. Хотя, оно конешно и повздорили крепко... — он прервался, словно припоминая что-то, скрытое глубоко в памяти, даже шаг замедлил, но заканчивать предложение не стал, резко тряхнул головой, как будто пытаясь этим движением разогнать неприятные воспоминания, заговорил о другом. — Токмо у его почитай лучшая лавка с луками в энтих краях, так што тута и беру чегой надобно.

Среди бесконечных лавок, скоплением которых по большей части и являлось Красное торжище, нередко попадались люди, не имевшие к торговле никакого отношения: музыканты, скоморохи и другие артисты. Вокруг этих средневековых служителей искусства собирались толпы веселящихся людей. Незатейливые мелодийки, в которых сплетались глухой стук барабана, тонкий посвист свирели, брэнчание гуслей, и треньканье какого-то грубоватого подобия скрипки (вроде этот трехструнный прообраз творения Страдивари, существовавший на Руси с начала одиннадцатого века, назывался смыком) встречались дружными хлопками в ладоши, радостными криками и смехом. Те, кто посмелее, выбирались поплясать на площадку, оставленную специально для подобных целей между музыкантами и толпой. Между пляшущими, раскрасневшимися от танца девицами и притопывающими в такт музыке, а то и пускающимися вприсядку, молодцами, проскакивала радостно визжащая детвора, неумело и забавно пытающаяся повторять движения взрослых.

Кстати, насколько я помню, на уже несколько веков, как принявшей христианство Руси, в это самое время велась активная борьба с подобными проявлениями веселья. В том плане, что инструментальная музыка, воспроизводимая уличными артистами и скоморохами, считалась у, рьяно продвигавших церковное пение священнослужителей, бесовскими звуками, склоняющими ко греху. Даже некоторые князья, очень любившие приглашать музыкантов, скоморохов и всяких плясунов, и акробатов на свои пиры, под постепенным давлением церкви начали проводить торжества в более скромной манере.

Понятно, что у церкви были свои мотивы и подобные ограничения вводились для лучшего продвижения религиозной политики в массы. Потому и навязывались молитвенные песнопения вместо привычных обычному люду весёлой музыки и ярмарочных шутовских представлений.

На протяжении нескольких веков длилось это порицание Церковными властями народного творчества, уходящего корнями во времена язычества, пока не достигло своего апогея на Стоглавом соборе состоявшемся в 1551 году. В одной из принятых глав того устава входил запрет деятельности скоморохов и других уличных артистов.

Хорошо, что подобные бредовые запреты сошедших с ума властимущих не перенеслись

вместе с кусками реальности и людьми в Улей. Жизнь простого человека и в обычном мире нелегка, а уж здесь... Отнимать моменты радости в подобных условиях, всё равно, что навсегда закрыть солнце тучами. А нам ведь без солнышка нельзя, люди — существа солнцелюбивые!

Хотя, здесь, пожалуй, и не пройдут подобные номера. Попробуйся местные владыки ввести что-то похожее в Улье, как тут же лишаться своего высокого положения, скорее всего вместе с собственной головой.

Помимо музыки и плясок, двигаясь всё дальше вглубь города вслед за бородокосым, мы успели мельком поглядеть на, собранные на отдельной, небольшой площади, своего рода, спортивные соревнования. Здесь ловкачи да силачи боролись друг с другом, перетягивали канаты, пытались забраться на гладко отесанный и, кажется политый маслом, столб. Но больше всего зрителей, конечно, привлекали поединки. Проводились они на специально огороженном изгородью, ристалище. В момент нашего появления рядом с импровизированной ареной, на ней сражались одетые в кольчуги и шлемы, молодцы. Оба были с похожими, обтянутыми кожей, деревянными щитами, но оружие имели разное. Рослый гигант, пожалуй, на две головы выше меня, орудовал внушительных размеров палицей, его противник, ростом примерно с бородокосого, но ещё более скудного телосложения, сжимал в руке короткий меч.

— Не одолеет. — качнул головой крестный, едва кинув взгляд на происходящее и даже не думая задерживаться.

— И то верно! Зазря супротив Ефима то вышел. — согласился Демьян, оборачиваясь и до последнего пытаюсь следить за поединком.

— Ну да. — я тоже решил поучаствовать в беседе — Куда ему против такого здоровяка?!

— Ефим, энто который с мечом! — пояснил недовольно Демьян.

— Так он же вдвое меньше! Да и не нападает совсем, только отскакивает в последний момент, да уворачивается от ударов. — прокомментировал я происходящее на ристалище. — Но ведь постоянно уворачиваться не получится. А одного удара этой палицы достаточно, чтобы прибить мечника, даже щит не поможет.

— Энто ж Ефим! Скоко уж его побить пытаюца всяки — разныя умельцы и великанов как энто было не один десяток, токмо никто из их так Ефима и не одолел! — покачал рукой в воздухе для убедительности Демьян. — Он завсегда энтак в битве, поначалу отскакиват, отскакиват, а потом раз... — Хлопнул кулаком по ладони Демьян. — И уж недруг его на земле лежит! В бою ж не токмо сила нужна, но и уменье!

— Хех! Такото, крестничек! — хохотнул через плечо бородокосый.

— Так они там насмерть бьются или как? — спросил я, оборачиваясь на ликующие возгласы зрителей, оповестившие об окончании поединка. И хоть само ристалище уже скрылось из глаз, в победителе я уже не сомневался.

— Обнаковенно то до первой крови, иль до раны сурьезной. Энто пред боем оговаривают. Тут у их и лекарь для энтакого дела имеца, послабее Таечки, но тожеть не слабый. Токмо случаца, што бились до крови, а выходит насмерть. И лекарь не спасает дажить, энто ж бой всё-таки, не баловство!

После ещё одного непонятно — таинственного визита к ничем не примечательному домишке, на пороге которого бородокосый передал небольшой свёрток закутанной в платок женщине, при этом никак этот жест не прокомментировав, зато оповестил, что наша троица, наконец, движется в сторону обещанной корчмы.

Изрядно нагруженные ноги и, до сих пор остающийся пустым, издающий жалостливые звуки, в аккомпанемент звучащей где-то неподалеку музыке, желудок, направление одобрили, пообещав потерпеть ещё немного.

Обходя стороной, кружащихся в хороводе вокруг играющего на дудочке скомороха, довольных людей, я неожиданно понял, что первое представление о, похожем на развороченный муравейник, поселении оказалось неверным.

Несмотря на грязноватую полупьяную окраину, не особо опрятный внешний вид строений, шумных и нагловатых торговцев, в общем городок оставлял скорее позитивное впечатление, несмотря на нелестные отзывы бородокосого. Не зря же тот называл его именно вольным городом. Ведь воля людей здесь действительно стоит на первом месте, и эти самые люди живут именно так, как им удобно и именно так как, им хочется. Хотят — торгуют и спорят, хотят — веселятся и пляшут, хотят — пьянствуют и попрошайничают. И, думаю, не стоит их за это судить. Ведь это их желание и их выбор. Как там выразался у Достоевского князь Мышкин? "Пройдите мимо и простите нам наше счастье." Пожалуй, нет более подходящей цитаты, характеризующей менталитет жителей этого города, как нельзя более точно.

Глава 22.

Некоторое удивление вызвал тот факт, что та самая, нахваливаемая крестным, корчма оказалась далековато от центра. Я то полагал, что заведение, по его словам являющееся "единственно добрым в этом проклятом городище" наверняка располагается где — нибудь там, на территории, частично огороженной декоративным забором, вмещающей в себя элитную часть города.

Несмотря на не особо престижное местоположение, грязноватую улицу, с парой откровенно разваливающихся хижин, на которую выходил фасад корчмы, и не самый презентабельный вид самого фасада, без фейсконтроля на входе не обошлось.

Возле невысокой, неожиданно круглой, словно украденной из жилища хоббита, двери стоял охранник.

Дверь, как, впрочем, и охранник, заслуживала отдельного описания. Но начнём с двери. В отличие от крепко, но совершенно неаккуратно поставленного двухэтажного, приземистого строения, в котором и располагалась корчма, ведущая внутрь дверь являла собой настоящее произведение искусства. В работе над ней угадывалась рука умелого мастера.

Само полотно идеально круглое, словно обведенное циркулем, было собрано из светлых, гладко оструганных, одинакового размера, досок. Его край по всей окружности украшала собранная из деревянных плашек полоса, на которой очень искусно были вырезаны объемные листья и ветки. Реалистичность орнамента поражала — покрасить в соответствующие цвета, не отличишь от настоящих. При этом сами плашки были подогнаны настолько тщательно и аккуратно, что лишь самый внимательный взгляд способен был разглядеть едва заметный стык между ними.

Но почти ожившая деревянная растительность оказалась лишь обрамлением для находящегося в центре шедевра древнего зодчества. Прямо посередине круглой двери, занимая почти половину площади всего полотна, красовалась здоровенная, около метра в диаметре, голова медведя. Нет, это было не чучело. Хотя по живости черт, запечатленных неизвестным мастером в деревянной скульптуре, словно вырастающая прямо из дверного полотна, (пускай и сильно приплюснутая, дабы не стать помехой при распахивании двери настежь) медвежья морда, с агрессивно раззявленной пастью, дала бы фору лучшим творениям таксидермистов. На деревянной голове можно было разглядеть деревянные же шерстинки, вырезанные столь натурально, что казалось, стоит протянуть руку и ощутишь под пальцами настоящую шерсть животного.

После того, как оценил работу неизвестного мастера, роль стоящего на входе и отваживающего разную шантрапу охранника показалась сомнительной. Скорее он поставлен здесь стеречь дверь с медвежьей головой, чтоб не утащили ценители прекрасного, излишне проникнувшиеся красотой увиденного. Хотя не исключено, что совмещает одно с другим.

Кстати об охраннике, вид которого совершенно не вязался с выделенной ему ролью. Был он высок, да и в плечах совсем не узок, но при этом худой, словно жердь. Правда, худоба эта не казалась признаком слабости, тяжелой болезни или истощения, скорее наоборот. Из закатанных, по локоть, рукавов серой рубахи тянулись сухие, жилистые, перетянутые веревками вен, руки. Такие же вены и жилы отчетливо проступали на шее, отчего казалось,

что весь он сплошь из них и состоит. Вытянутое лицо с резкими, угловатыми чертами было гладко выбритым.

Кстати говоря, впервые тут встречаю подобное. Все местные мужики, за исключением безбородых и безусых юнцов, имели обильную растительность на лице. Вообще, насколько я помню в тринадцатом веке на Руси борода и усы были неотъемлемым атрибутом каждого мужчины. До принятия христианства ношение бороды не было таким уж обязательным, но после «почти добровольного» крещения русского народа каждый зрелый муж должен был непременно иметь волосы на лице. Церковь рьяно продвигала необходимость ношения бороды. В соответствии с образом бога отца, изображавшегося на иконах непременно бородатым, каждому верному христианину следовало соответствовать его образу и подобию. Да и вообще, борода изначально считалась признаком силы, мужества, мудрости и была гордостью мужчины, к тому же охранялась законом. Не могу сказать точно, в каком именно году был принят закон о плате в двенадцать гривен (огромная для того времени сумма) за порчу бороды, но уже одно это указывало на серьёзное, к этому делу, отношение. Также одним из самых серьёзных оскорблений считался плевок в бороду. К мужчинам с некрасивой бородой могли относиться с презрением и насмешками. Бритых же, или совсем не имеющих волос на лице считали бесчестными, не заслуживающими доверия людьми.

Но, даже если не акцентировать внимание на отсутствии растительности на лице, в облике замершего у двери охранника можно было разглядеть немало странностей. В глубоко посаженных, темных и словно лишённых белков, выглядывающих сквозь узкую щель меж прищуренных век, глазах таилась опасность. Вообще опасностью веяло от всего облика этого худого, угловато — жилистого охранника. Пускай издали, на первый взгляд он и походил на бродягу. Излишне долговязый, нескладный, и даже несколько смешной в своей серой затасканной рубашке навыпуск, совсем без пояса, в коротковатых, явно не по размеру штанах, ещё и босой. Но, едва лишь стоило подойти ближе и приглядеться чуть внимательнее к бесстрастному взгляду и торчащей из — за плеча рукояти огромного, почти полуметрового двуручника, как начинаешь почти физически ощущать опасность, исходящую от тощего бродяги.

Хотя, может дело не только в мече и глазах мясника, равнодушно оглядывающих тебя, словно очередную тушу перед разделкой. Что-то помимо облика, еле осязаемое, кажущееся наполовину материальным, хватало невидимыми щупальцами и заставляло отводить в сторону взгляд, а ноги, поворачивать в обратном направлении.

— Чегой энтэ за напасть — то?! — Неожиданно нахмурившийся крестный замедлил движение, ухватил меня за плечо, останавливая.

Видимо, не мне одному мерещилась исходящая от охранника опасность.

Лишь Демьян прошагал вперёд ещё несколько шагов и, лишь увидев нашу заминку, обернулся, впериw вопрошающий взгляд в бородокосого.

Он что, не почувствовал?!

— Подходите. Больше не буду. — едва мы остановились, проговорил босоногий. Голос его оказался под стать взгляду — абсолютно лишённый эмоций, механический. — Я дар пользовал, чтобы не шлялись тут всякие.

И действительно, то полуматериальное, заставляющее разворачиваться и бежать прочь, исчезло. Но опасность, исходящая от застывшей у двери фигуры, осталась.

— Вы все далеко прошли, прежде чем остановиться. Крепкая воля. А ваш друг, любитель топоров, готов был и дальше идти. Знать бы, почему. — так же механически

констатировал охранник. Но даже сказанные в конце высказывания слова, предполагавшие любопытство и вопросительные интонации, на деле не несли в себе не первого ни второго. Складывалось ощущение, что человек давным — давно потерял интерес к жизни и окружающему миру.

— Приветствую! Я Прохор, энто крестник мой, значица, Пустой, а тама Демьян, с топорами он и впрямь дружен. Мы в корчму. — произнёс, не двигаясь с места, продолжающий хмуриться, бородокосый. — Не знал, што Медведь охрану заимел. Токмо что жешь за охрана, с даром энтаким, што люд от евоной корчмы отваживает.

— Я никого не охраняю. Просто жду здесь человека. А прочих отваживаю, не надобно людям меня видеть. Добра из такого виденья не будет.

Значит ошибся я насчёт охранника.

— Ну, коли так, позволь пройти и жди себе дальшее.

— Не позволю. Я дождался.

— Нас, значица, ждал?! — вскинул голову крестный.

— Не вас. Его, которого ты своим крестником назвал.

— Энто зачем он тебе понадобился — то? И энто, ты б хоть сказал, как тебя звать — величать, а то мы тебе, значица, имена свои назвали, а ты нам своёго не сказывал, не по — людски такото!

— У меня много имён, в ваших краях Комаром кличут. Надобно мне крестнику твоему должок возвернуть.

Не знаю, что за долг собрался отдавать этот чудила с дурацким прозвищем, но, после прозвучавших слов Демьян, неожиданно и резко сместился вперёд и влево, вставая барьером между мной и Комаром. При этом в руке крепыша в одно мгновение материализовался один из его топоров, до сего времени мирно висевший на поясе.

— Тихо, Демьяша, тихо! — проговорил бородокосый успокаивающе. Он тоже выдвинулся вперёд, но лишь для того, чтобы придержать Демьяна за плечо, также, как меня минутой раньше. После чего продолжил, обращаясь к босоному. — Комар?! Энто тот самый?! Тот, што в Светлом логе две дюжины воёв посёк, да на перепутье у Златограда расправу над обозом княжьим устроил?!

— Хах, было дело! Всласть тогда порезвился! — подтвердил Комар и впервые за весь разговор в его голосе послышался интерес, а глаза ожили. Правда обычному человеку подобный интерес показался бы пугающим, а сквозившее во взгляде безумие оказалось убедительным доказательством явной ненормальности босоногого бродяги.

— Мож миром разойдёмся?! — спросил крестный хмуро. Рука его тем временем легла на рукоять топора.

— Разойдёмся. Не бойсь, не трону. — ответил Комар и в голос его вновь слышны были лишь усталость и безразличие.

— О тебе говаривают, што хоть и душегуб ты, каких свет не видывал, токмо слово, тобою данное крепче железа калённого.

— Верно говаривают.

— Так даёшь ли слово, што никому из нас вреда не сделаешь?

— Даю.

— Коли так, сказывай што за долг у тебя к Пустому. — напряжение, до этого момента звеневшее сталью в голосе бородокосого, исчезло.

— Должок погодить придётся, сейчас просто хочу в глаза поглядеть убийце своему и

спасителю.

— Пустой штоль спас тебя?

— Спас, жизнь возвернул, но сначала убил.

— Энтю как жешь?

— Вот этим вот мечом и убил. Моим мечом. — Комар провел пальцами по рукояти двуручника, выглядывающей над плечом.

— Хех, Пустой, тебя? — крестный обернулся на нас, приглашая вместе посмеяться над услышанным, но Демьян был угрюм и серьёзен, да и я не нашёл ничего смешного в словах Комара. Тем не менее, следующий вопрос бородакосый задавал с улыбкой на губах. — Ну и чего с им не поделили то?

— Плохо на душе было в тот день. Тут мне крестник твой и попался. Я сам его рубануть хотел, но он остановил удар, поймал меч. Просто ухватил за остриё голой рукой и отнял его у меня, будто пруттик из руки мальчика выдернул. А потом голову мне снёс, моим же мечом.

— Хех, так вона жешь голова у тебя на месте! — проговорил крестный со смешком. — Аль новая отросла?!

— Не, голова та же. Он мне её на место поставил, пальцами щёлкнул и всё, обратно приросла.

— Ну делааа! — с преувеличенным удивлением воскликнул бородакосый, видимо, так и не поверивший ни единому слову Комара. Хотя удивляться было нечему, рассказ и впрямь походил на бред сумасшедшего. — Как жешь ты видел всё энтю, коли голова твоя от шеи отдельно была?

— А так вот и видел, об том у крестника своёго спрашивай, он так сделал, чтобы видел.

— Хех! Много всякого о тебе слыхивал, но то што ты сказки сказывать силён не знал.

— Были б то сказки, я ни с кем из вас и словом не обмолвился, а просто на меч бы взял. — ответил босоногий с таким равнодушием, что по спине вдруг холодом дунуло.

— Нет, оно конешно Пустой мечник добрый, испытывал я его. Токмо и о твоей силе слыхивал. Супротив тебя он как тот малец с прутиком. — ответил крестный враз посерьёзневшим голосом. — А што про голову, так нет жешь у его дара лекарского, да и не бывает энтаких лекарей, штоб отрублену голову на место прилаживали.

— Ничего из этого я не помню. Память потерял, лишь несколько последних дней в голове остались. — вмешался я в разговор. — А давно всё это случилось?

— Седьмица минула, а может и поболе.

— Не помню... Это точно я был, может похож просто?

— Точно ты.

— Ладно, допустим. Ты про долг какой-то говорил.

— Да, долг за вороченную жизнь будет оплачен, если я помогу тебе.

— С чем поможеш?

— Не знаю. Когда ты возвернул мне жизнь, то велел ожидать тебя на Красном торжище у этой вот корчмы и помочь, если будет нужно.

Я смотрел на этого, выглядевшего со стороны полнейшим чудиком, индивидуума и где-то на запредельно дальнем краю памяти чувствовал легкую, едва осязаемую тень узнавания. Словно невнятное воспоминание о старом, давно позабытом сне, настолько чуждое и мимолётное, что кажется сущей выдумкой.

Может и впрямь всё так и было?!

Может, до потери памяти, я мог, словно мастер кунг-фу из голливудского боевика,

останавливать голой рукой удары здоровенных двуручников?! Ага, и собственноручно отрубленные головы приращивать на место одним лишь щелчком пальцев.

Хотя, если вспомнить, как мне Алиса сломанные рёбра и разорванную плоть заново сращивала — тоже ведь не шутки. Правда, собрать кости и зашить подобную рану наверняка мог бы, и хороший хирург с надлежащим оборудованием. По сути, если разобраться, то, что сделала юная целительница с ранением было обычной операцией, только сшивающие повреждённые ткани нити, фиксирующие кости пластины, корсеты (или что там носят для восстановления поломанных рёбер), всё это заменил чудесный дар лекарки. Но вот пришитая обратно голова, то есть не просто пришитая, но и ожившая после этого вместе с телом, кажется фрагментом из фильма о Франкенштейне, а для местных, ещё не доживших до кинематографа, эпизодом из сказки, не зря ведь даже бородокосый, за восемь прожитых в Улье лет наверняка успевший насмотреться на различные чудеса, исполняемые людьми с помощью даров, полученных в этом странном мире, поначалу не воспринял всерьёз слов, сказанных босоногим чудиком.

— Чегой ты людей — то зазря губишь? — Неожиданно подал голос Демьян, прерывая возникшее молчание и череду моих размышлений.

— Я ж людей и так не люблю. — в прежней механической манере ответил Комар, правда, перед тем как начать говорить, сделал паузу, словно раздумывая над ответом. — А бывает, что начинает всего крутить, тело огнём горит, да зубы сводит. И пока кого не упокою, сам не успокоюся. И чем больше упокою, тем дольше не крутит. Но баб с детьми не трогаю.

— Про то слыхивал. — кивнул головой Демьян и добавил. — А если тебе заместо людей одержимых упокаивать?

— Не, с одержимыми не помогает почти. Они же не люди уже, а просто зверье до мяса жадное. — Комар отрицательно мотнул головой и добавил. — Я ведь не всех подряд теперь секу, а только тех, в ком зло сидит. После встречи с Пустым вашим, людей я также не люблю, конечно, но ненавидеть перестал, почти.

— А как зло в людях видишь, дар чтоль? — спросил бородокосый.

— Я давно в Улье живу, повидал всякого люда, так что сразу вижу каков человек душою.

— Хех. А про нас чегой сказать могёшь?

— Нет в вас зла. Одна боль в душе, но боль она у всех есть, у каждого своя... Не пойму. И у Пустого боль, а зла почему-то нет. Хотя в прошлый раз зла в нём было через край.

— Тоже, наверное, день неудачный был, вот и злился. — пожал я плечами.

— Нет, я не про то зло говорю, что от погоды дурной или прохудившихся сапог бывает. То зло подобно росе на солнце истаивает. — проговорил босоногий, при этом крестный согласно кивал на каждую произнесенную им фразу. — Но зло, что в душе сидит, оно так просто не сходит, оно как сломанная нога, со временем срастается, но всю оставшуюся жизнь с тобою останется и покою не даст. Такое зло я в тебе видел, оттого и рубануть хотел, но теперь вот гляжу и не вижу, нет его, совсем нет. Сколько живу, а такого никогда не видывал.

И этот туда же! Сначала Таисия называла меня злодеем, ну или не совсем злодеем, но от моих необдуманных действий, по её словам, опасности могут подвергнуться миллионы живущих в Улье людей. Теперь и этот чудак, неделю назад в моей душе какое-то неизлечимое зло разглядел. И был я в ту пору столь злобен и ужасен, что открутил ему голову, а потом, шутки ради, прикрутил обратно. Ну а теперь зло это куда-то подевалось.

Видимо потерял вместе с памятью, когда в холодной речке купался.

— Так ты теперь вместе с нами будешь ходить пока не подвернётся случай мне помочь? — спросил я, чтобы перевести разговор на другую тему. К тому же мне и впрямь был важен ответ. Мысль о постоянном присутствии рядом маньяка — социопата, с периодически возникающей необходимостью убить пару — тройку человек, не особо воодушевляла.

— Нет, не буду. Я, конечно, подготовился. Пред тем, как сюда прийти, пятерых охальников, што разбоем промышляли по деревням за Лисьей порубкой посёк, но всё равно, в стороне обожду, лучше мне среди людей пореже бывать. Для людей лучше. Как помощь моя нужна будет, появлюся.

— Лисья порубка?! Полторы сотни вёрст! Энто как жешь ты за два то дня поспел от неё аж досюда? — задал вопрос бородокосый, усиленно хмурия брови, видимо пытался в уме прикинуть самый короткий маршрут.

— У меня свои пути.

— А как прознашь, што Пустому помочь твоя нужна?

— Прознаю. Я же хоть и не с вами буду, но рядом совсем.

— Энто где ж? — с интересом спросил крестный.

— Рядом, только руку протяни. Говорю же, у меня свои пути.

— Хех. Поняли, как помочь понадобится, тянем руку. Токмо куда тянуть — то?

— Не надо тянуть, всё равно не дотянетесь, я сам протяну.

— Лады. Ну, пошли мы чтоль?! — бородокосого ответ явно не удовлетворил, да мне и самому было любопытно узнать, какие такие тайные тропы позволяют перемещаться на большие расстояния со скоростью, превышающей предельно возможную, и прятаться в людных местах на расстоянии вытянутой руки, но Комар дал понять, что делиться этими знаниями не собирается.

Мы двинулись мимо отошедшего в сторону долговязого чудака. Прощаться не стали. Зачем, если он пообещал, что всё время будет пускай и не совсем с нами, но где-то тут, рядом.

Шагая вперёд, успел заметить, что взгляд странных, будто бы лишённых белков, глаз был сосредоточен на мне. В этом взгляде продолжала плескаться опасность, напополам с безразличием и усталостью, и ещё едва заметно отсвечивало грустью. А может просто так показалось.

— Спасибо, что Ольгу помог вспомнить. — донеслось сзади негромкое, когда, шагающий первым, бородокосый уже тянулся к дверям корчмы.

Мы обернулись, но перед глазами предстала совершенно безлюдная улица. Лишь из дальнего переулка в сторону корчмы неуверенным, петляющим шагом двинулись двое весёлых, уже изрядно набравшихся мужичков.

Глава 23.

Чтобы попасть внутрь, пришлось пробираться через тёмный и тесный коридор, заставленный по сторонам ящиками, корзинами и бочками. Учитывая, что из освещения здесь присутствовал лишь небольшой масляный светильник, неясный свет которого едва ли рассеивал царящий полумрак, да и то лишь в малой области вокруг себя самого, наталкиваясь на эти самые бочки и ящики пришлось не один раз.

Бородокосый пробурчал что — то о беспутном Медведе, а я представил какой вид может быть у кормы, вход в которую выглядит как чья — то захламлённая кладовка. Опасений добавлял тот факт, что, подобные заведения и в наш век редко могли похвастаться излишней чистотой, что говорить о далёком прошлом, худшие из них в этом плане не слишком отличались от хлева.

К счастью, мои предположения не оправдались. Единственное, что связывало открывшееся нашим взорам помещение с хлевом, была солома, устилающая пол по всей площади, но и она не выглядела грязной и затоптанной, видимо не так давно подстилку поменяли.

Справа от входа поднимала вверх свои ступени неширокая лестница, ведущая, как выяснилось позже, в гостевые комнаты. Большую часть главного зала корчмы заполняли, окружённые крепкими лавками, длинные столы. Сразу за лестницей притулилась закрытая дверь, а уже за ней выростала стойка. По сторонам стойку облепили помещения, отгороженные от основного зала какими-то несерьёзными перегородками или же попросту занавешенные пологам из плотной ткани.

Освещение, несмотря на ясный день, было искусственным. Мутноватые крошечные окошки давали света исключительно для того, чтобы обозначить своё присутствие. В остальном, царящий вокруг полумрак рассеивался с помощью сальных свечей, в изобилии расставленных на столах и масляных светильников, подобных тому, что встречал нас в заставленных хламом сенях.

Если учесть, что пол застелен сухой соломой, а сами стены, да и всё строение деревянное, возникает справедливый вопрос — почему всё это до сих пор не сгнуло в пламени пожара? Даже несмотря на принятые противопожарные меры в виде глиняных мисок и грубых подобий подсвечников, достаточно одному светильнику или свече, непогашенными оказаться на полу... Ну да ладно, не сгорели же до сих пор.

К дальней от входа стене притулился невысокий помост, на котором трое пёстро одетых музыкантов, извлекали из своих незатейливых инструментов простоватую, ненавязчивую, при этом неожиданно приятную мелодийку. У помоста имелось пустое пространство, видимо для любителей поплясать, правда сейчас площадка была свободна, посетители были заняты исключительно выпивкой, едой и разговорами. Кстати о посетителях, они тоже не особо походили на хрестоматийных кабацких выпивох. Никакого мордобития и раскальваемых о голову бутылок, никаких уснувших лицом в тарелке или валяющихся где-нибудь под столом, в луже блевотины, пьянчуг. Конечно, присутствующие здесь люди не выглядели ревностными блюстителями этикета, и образцами смиренного поведения. Ели и пили они шумно, разговаривали в голос, хохотали, спорили, хлопали по столу кулаками, но в целом атмосфера среди посетителей царил вполне дружелюбная и

весёлая.

Один из столов, вполовину короче остальных, расположенный в углу, по левую руку от помоста оказался пуст. То ли неудобное расположение и излишне близкое соседство со сценой не располагало посетителей его занимать, то ли ещё какая причина, но нам этот, отстоящий на расстоянии от прочих стол оказался очень кстати. Можно было не таясь обсуждать любые темы, к тому же наярывающие рядом музыканты исключали риск посторонним уловить что-то из разговора. Хотя сам я не понимал, кому могут оказаться интересны наши беседы, бородокосый всё же убедил, что лучше в этом плане поостеречься. По его словам выходило, что несмотря на статус вольного города, каким все считали Красное торжище, особо болтать не стоило, слушачей у местных властямущих на каждом углу по три штуки, да и помимо них хватает проходимцев, готовых за пару виноградин продать кому надо не только услышанную информацию, но и озвучившего эту самую информацию индивидуума. Это что получается, у них тут своя внутренняя разведка с агентурной сетью имеется?! Хотя, удивляться нечему, на протяжении всей истории человечества властители старались следить за врагами, находящимися не только за пределами своих владений, но и внутри них. Зачастую внутренней разведке уделяли не меньшее внимание, чем внешней. Подобные организации были и в более ранние времена, взять тех же фрументариев в древнем Риме, или чуть позже уже у нас, созданная Иваном Грозным опричнина.

Хозяин корчмы оказался под стать своему прозвищу — огромный и могучий. Плечи, своей шириною способные потягаться с приличных размеров шкафом и рост хорошо за два метра делали его похожим на вставшего на задние лапы медведя. При этом слегка грузноватый, но и грузноватость эта ни в коей мере не портила, а скорее дополняла просматривающийся в нём облик могучего зверя, величавого и слегка заплывшего жирком, но при этом остающегося смертельно опасным, настоящим хозяином леса, ну или корчмы.

Нас с Демьяном Медведь приветствовал громоподобными похлопываниями по плечам и могучими тисками рукопожатий. Бородокосый так легко не отделался.

— Прохор! — громоподобно похохатывающий корчмарь поднял его в воздух как пушинку и сжал в поистине медвежьих объятьях. Глядя на это дружеское приветствие, выглядевшее со стороны как сцена расправы, я слегка забеспокоился о здоровье крёстного.

— И ты здрав будь, Медведище! — освобожденный из объятий и вновь обретший опору под ногами, бородокосый выглядел слегка помятым, но улыбался вполне добродушно. — Чегой в сенях бардак развёл, убица ж можно!

— Да тут кладовую наверху побольшее сделать надумал, так што покамест запасы в сени перетащили.

— Так корчму б прикрыл, пока у тебя тама всё не изладят.

— Там не на один день работы! Я прикрою, а люди ж по другим корчмам разбегуца! Да и прибыль тож...

— Эх, Медведище, не узнать тебя, будто подменили! Настоящим купчиной стал, над каждой виноградиной трясёсса! — шутливо покачал головой крёстный.

— А ты не меняйся, как был ворчун, ворчуном и остался! — хохотнул в ответ корчмарь.

— Таков я есть! И иньшим уж не стану! — С улыбкой, гордо вскинул голову бородокосый и, перестав дурачиться, кивнул на нас с Демьяном. — Усади ребятишек воона туда в уголок, а мы с тобой погутарим.

К столу нас сопровождал сам Медведь. Сначала я подумал, что таким образом он

выражает уважение друзьям бородокосого, реальная же причина оказалась гораздо прозаичнее. Подойдя к столу, корчмарь взялся за столешницу, словно пытаясь уронить на бок сам стол, но ничего подобного не произошло. Лишь часть столешницы поднялась вверх, открывая нашим взорам пустое деревянное нутро сундука, скрытого внутри. В этот самый сундук пришлось сложить всё наше оружие, оставив лишь ножи.

У меня ещё после входа в корчму возник вопрос по поводу оружия. Его никто не отбирал, но при этом ни у одного из сидевших в зале нельзя было увидеть ничего серьёзнее длинного ножа или кинжала. Ответ, вместе со спрятанным оружием, крылся в столах. Вообще, эти скрытые под столешницами сундуки разумная предосторожность, толпа до зубов вооружённых пьяных мужиков, собравшихся в одном месте — не самая лучшая идея. К тому же сундуки эти ещё и на ключ закрываются. То есть, теоретически, без ведома корчмаря никто своё оружие не достанет. Замки, правда, курам насмех, при желании легко можно открыть куском изогнутой проволоки или даже остриём ножа можно попробовать, но всё же для надумавших вдруг помахать мечом прямо посреди корчмы, перепивших посетителей подобная мера будет нелишней.

Пока мы разоружались, бородокосый обрисовал дальнейший план действий. Остаёмся в корчме до завтра, за это время прикупим припасов и новую лодку, а следующим утром двинем дальше в путь. Я его этот план полностью одобрил, да и Демьян, думаю будет не прочь хоть на денёк отдохнуть от путешествий с сопутствующими приключениями, зачастую совсем невесёлыми и опасными.

После этого бородокосый с Медведем отправились в прилегающую к реке часть города, на поиски лодки. Нам же с Демьяном пришлось остаться. Бородокосый сказал, что "нече тама толпою шастать". Ну и ладно. Конечно, было бы интересно прогуляться по местному порту, поглядеть на творения средневековых кораблестроителей. Но нас тут тоже непростое дело ждёт, перед уходом Медведь дал указание накормить уставших путников, то есть нас. Ничего не поделаешь, придётся дать серьёзный бой местной стряпне и пиву.

— А что за Ольга, о которой этот чудаки говорил? — спросил я у Демьяна, после того, как мы устроились за столом.

— Незнай. — пожал плечами крепышь — Можя дивчину каку упокоил, а опосля про энто дело позабыл.

— Почему сразу упокоил?! Может у него подругу так звали?

— Незнай, кака дивчина стала бы с энтаким душегубом якшаться. — покачал головой Демьян и вдруг добавил с досадой. — А всё же таки зря ты ему голову обратно прирастил, да жизнь возвернул.

— Ты думаешь, я и впрямь мог такое провернуть?

— Незнай, токмо Комар жешь об том сказывал. А он хоть и убивец, каких свет не видывал, но по пустому не брешет. Да и незачем ему брехать — то.

— Но ведь то, что он сказал, невозможно! Он приписывает мне силы, которых у меня и близко нет.

— Энто да. — согласно качнул головой Демьян — Хоть дядь Прохор и хвалил тебя, опосля того, как в бою ближнем испытал, да и топтуна ты один на один свалил опять же в бою ближнем. Токмо супротив Комара энтого мало.

— Не понимаю. — пожал я плечами. — На мой взгляд он просто помешанный на убийствах псих с мечом. Неужели мы втроём не смогли бы с ним справиться?!

— Неее, дажить и пробовать нече. Незнай, как ты с им в тот раз управился, токмо счас

ты, также и мы с тобою вместе, супротив энтакого Комара, што малые зайчата супротив волчары матёрого.

— Да что в нём такого?

— Сам я об ём токмо от других слыхивал и до сей поры не встречал, да и тяжко будет найти того, кто Комара своими глазами видел, да жив остался. Скоко лет он тута прожил, никто не ведаёт, но молвят, што уж пару веков как скитается по просторам Улья этот изверг. И везде, где б не появился он, немало бед и горя случаетца, кровь рекою льётся, да крики вдов, да детишек осиротевших по округе носяца. Он бывало цельными деревнями людей упокаивал. Баб с ребятнёй, да стариков правда, не трогат, но мужиков всех под корень вырезат.

— И что, за все два столетия, что он в Улье обитает, никто его не может остановить?

— Выходит так. Многие пытались с им управица, и в одиночку и толпой. И силой и числом и хитростью взять пытались. Токмо у его самого силы немерено и умения, да и даров всяких разных. Так што те охотнички, кто на его облавы, как на зверя дикого собирают, сами его добычей и становяца. Бывало, конечно, загоняли его в западню, да с помощью даров хитрых перемочь пытались, но завсегда он выворачивался и уходил. Никто не знат как, одне сказывают, што у его для энтакого дела дар есть особый, други балакают, што ему дажить энти самые... Хозяева Улья помогают.

Наполненная тревожными размышлениями тишина, повисшая было рядом с нами после прозвучавших слов, вмиг развеялась с появлением улыбчивой девчушки, разносившей еду и выпивку. С её приходом на нашем столе материализовались две деревянные, пузатые чаши, а также немаленьких размеров, тоже деревянный, то ли вытянутый ковш с двумя красиво изогнутыми ручками, то ли уменьшенная копия древнерусской ладьи, в которую по ошибке налили пива. Бока посуды были покрыты резьбой с уже знакомым по уличной двери, изображением медвежьей морды, окружённой растительным орнаментом. Правда здесь качество резьбы, несмотря на гораздо меньший размер, явно уступало украшавшей дверное полотно, почти ожившей медвежьей голове. Видимо, для работы над посудой наняли мастера попроще. На одной из стенок ковша — ладьи, цепляясь за её край вырезанным на ручке подобием крючка, висел небольшой черпак. Ну да, из такого ладьеобразного ковша вряд-ли получится наливать пиво в чаши, не расплескав при этом половину пенного напитка мимо. Особенно если учесть, что вместимость этой самой посуды даже по самым скромным прикидкам превышала добрый пяток литров. Так что черпак оказался очень даже кстати.

Напрягая свою странно работающую память сумел вспомнить, что подобные посудыны для алкогольных напитков назывались в то время скобкарями или конюхами и могли достигать объёмов, способных вместить до двух ведер выпивки. Вот уж действительно размер для большой компании. Ну или для тех, кто не любит лишний раз ходить за добавкой. Что и говорить, наши предки тоже знали толк в продолжительных застольях.

Хозяйственный Демьян не стал тянуть, незамедлительно пододвинул чаши к скобкарю, снорвисто наполнил их, передал одну мне.

— За здравие и погибель ворогов, што посмеют на нашем пути стать! — серьёзным голосом проговорил крепышь, брякая своей чашей о мою.

Я ответил ему кивком, с удовольствием глотнул слегка отдающего мёдом, пенного напитка, а сам подумал, что интересующиеся историей люди до сих пор не пришли к единому мнению, относительно того, откуда пошла традиция "чокаться". По одной из

версий таким образом проверяли напитки на наличие ядов, использование которых на пирах было не таким уж и редким явлением. Наполненные доверху чаши стукали друг об друга, отчего часть вина выплескивалась через край из одной посуды в другую. В итоге отравленный напиток мог навредить самому отправителю. К тем же, кто отказывался от подобной процедуры, относились с подозрением. Другой вариант зарождения традиции имеет под собой ритуальный характер. Считалось, что злые духи способны проникать внутрь человека через рот во время приёма пищи и питья, громкие и резкие звуки звучащие при соударении кубков, должны были этих самых духов отпугивать.

Спустя ещё нескольких чаш пива, которое оказалось на порядок лучше выпитого нами с бородокосым на памятном острове, я попытался вновь завязать разговор, но очередной визит девчушки, притащившей блюдо, на котором внушительной горой лежали поджаренные кабаны рёбрышки, заставил отложить диалоги на неопределённый срок.

Поначалу казалось, что свинина, пусть основательно пропечённая на углях, но всё равно остающаяся излишне жирной, не особо будет сочетаться с пивом. Но дальнейшая усердная дегустация показала обратное. Может дело в чрезмерном увлечении местного повара пряностями, и приятной кислинке, указывающей на то, что перед готовкой мясо слегка помариновали. Вкус напоминал старый добрый советский шашлык, замачиваемый непременно в уксусе. Кстати, перца или что там добавлял повар для остроты, можно было и поменьше сыпать. Но в итоге, такие вот пряные рёбрышки залетели под пиво, словно были созданы друг для друга замыслом самого Творца.

Лишь когда на блюде осталась едва ли четверть от первоначальной горы мяса, а черпак в скобкоре начал задевать дно, я почувствовал, что вряд ли смогу съесть ещё хоть кусочек. Немного огорчил тот факт, что лавки не были оборудованы спинками, потяжелевший живот требовал больше свободы. Ну ничего, посидим и так, после путешествия по реке грех жаловаться на такие мелочи. Тем более, перед тем, как вместе с Медведем отправиться в порт на поиски подходящего судёнышка для дальнейшего плавания, бородокосый успел обмолвиться, что на ночь останемся в корчме. В "Медвежьем углу" для таких целей имелись гостевые комнаты, так что спать будем с удобствами и в безопасности, не придётся по очереди охранять спящих от подкрадывающихся в ночи одержимых. К тому же Медведь пообещал попозже истопить баньку для дорогих гостей. Так что сегодняшний день можно назвать не только небольшой передышкой на нашем тяжёлом, полном опасностей, пути, но и маленьким праздником, неожиданно свалившимся на наши головы.

Чтобы сесть немного посвободнее, перекинул одну ногу через лавку, опираясь локтем о столешницу. Таким образом оказавшись вполоборота к залу, начал разглядывать собравшихся в корчме людей. Вокруг стоящего прямо за нами стола четверо, судя по доносившимся до нас диалогам кузнецов, обсуждали как-то связанное с кузнечным делом приспособление. Самый старый и седой из них, с длинной, почти по пояс бородой и слегка растрёпанными, топорщащимися в стороны волосами, похожий то ли на помешавшегося Гендальфа, то ли на отпустившего бороду Эйнштейна, громко втолковывал приятелям о своём проекте. При этом свои слова он подкреплял наглядными изображениями, вычерчивая что-то на освобожденном участке стола обмакиваемой в вино костью.

Левее них, у самого помоста с продолжавшими наяривать музыкантами, трое дошедших до кондиции весельчаков дружно хлопали в ладоши, в такт мелодии, и даже пытались подпевать безбожно фальшивя.

За следующим столом расположилась пятёрка молодцов, в данный момент пустивших

по кругу деревянную, объёмную и глубокую чашу. Каждый из них произносил какие-то слова, пил из чаши через край, после чего передавал следующему и всё повторялось. Насколько я помню, подобной действо называлось братина, также называли и посудину из которой по очереди пили собравшиеся. Суть этого ритуала тоже можно понять из названия. Его участники таким образом братались, подчёркивая свою общность, единство и преданность друг другу.

Что происходило за остальными столами понять было сложнее, мешало расстояние и шум, создаваемый двумя с лишним десятками человек, находящимися в зале.

Вместо отлучившегося Медведя, место за стойкой занял его помощник, оказавшийся полной противоположностью могучего хозяина корчмы. Светловолосый парнишка, субтильного телосложения, но улыбчивый и живой, с возложенными на него обязанностями справлялся не хуже Медведя. Обслуживал посетителей, весело переругивался со скрытым где то в глубине хозяйственных помещений поваром и перешучивался с разносящей еду и напитки улыбчивой девчушкой.

От созерцания весело проводящих время людей, приятно потяжелевшего желудка и пива, разлившегося по телу безмятежностью и теплой негой, на душе было необыкновенно хорошо, и даже неприятное чувство от пустоты, клубившейся на месте потерянного прошлого, беспокоило меньше обычного.

— Пустой, ты того, не зыркай по сторонам шибко — то. — вдруг негромко произнёс Демьян.

— Да я и не зыркаю, так просто гляжу. — ответил с улыбкой, не обратив внимания на озабоченность, звучавшую в его голосе.

— И оне вона глядят!

— Кто они? — спросил уже без улыбки вновь оглядывая зал.

— Да не зыркай ты! Вона тама у стены сидят двое и други трое зашли вона. Ещчѐ энти вона братину допивают счас, тожить с ими. Одне зашли, когда я тебе об Комаре досказывал. Други за ими попозжее.

— И что им от нас надо?

— Незнай чегой. Токмо неспроста оне тута собралися, по нашу душу, по нашу!

— К выходу пробиваться надо. — произнёс я, уже окончательно собравшись.

— Не, тама мож тожить ждут нас. А мы без оружья.

— Если ты про сундук, то я его ножом вскрою за минуту.

— Оне тожить без оружья тута, Ивашка ихо оружье такоже как у всех, в сундук под столом запер. Да и оне сидят покамест, приглядываюца к нам. Да и в корчме не должны напасть — то. Медведя все в городище знают. Эх, не в добрый час оне с дядькой Прохором ушли — то! Ох не в добрый!

— Тогда дождёмся их возвращения.

— Погодим.

Глава 24.

Погодить пришлось недолго. Прошло не больше десяти минут, наполненных тревогой и ожиданием, по прошествии которых зал в очередной раз пополнился новыми лицами. Довольно необычными лицами, кстати говоря. Хотя на эту необычность внимание я обратил почему-то в последнюю очередь.

Было новоприбывших четверо. Один, высокий и статный, одетый богато и вызывающе, даже издали светящийся важностью и чувством собственного превосходства, трое других смотрелись на порядок проще, в одинаковых длинных кольчугах и нетипичных для этих мест шлемах закрытого типа, наверняка являлись охраной этого важного. Но главной необычностью были не шлемы и не скрытые под ними лица, а надетые поверх кольчуг накидки белого цвета с большим чёрным крестом посередине. Знакомые такие кресты. Знакомые в основном по картинкам из учебника истории и фильмам о крестовых походах.

"Это что за хрень?!» — вспыхнуло у меня в голове. Откуда здесь крестоносцы?! Или здесь в Улей попадают не только с территории древней Руси?! Хотя, в тринадцатом веке были ведь и на Русь нашествия крестовиков, тот же Ливонский орден... Хотя, нет, не о том я думаю. Какого хрена эти самые крестоносцы делают тут, в корчме, посреди города, который я считал населённым исключительно русскими?

Но этот вопрос можно отложить на потом. Неприятным сюрпризом оказался тот факт, что новоприбывшие тоже заявили, как чуть раньше выразился Демьян "по нашу душу". Это стало понятно, после того, как "важный" заговорил с одной из групп подозрительных типов, что прибыла самой последней и ошивалась у входа.

— Это ещё кто такие? — ошарашенно спросил у Демьяна. Вопрос при этом задал на автомате, не ожидая ответа, просто чтобы сказать хоть что-нибудь. При этом через плечо, осторожно поглядывал на вошедших и пытался как-то уместить в голове этот театр абсурда, возникший посреди реальности. Умещать получалось плохо.

— Годун энто, власть над отребьем тутошним держит. — неожиданно ответил Демьян.

— Крестоносцы на Красном торжище власть имеют? — спросил с ещё большим удивлением.

— Каки крестоносы то?! А, ты про одёжу. Дак энто Годунова придурь, сам с энтакими крестами ходит и охрану заставляют носить.

Лишь после слов Демьяна разглядел крест и у важного. Только в отличие от охраны, у него символ воинов господних был вышит прямо на одежде. К тому же на груди Годуна красовался висевший на цепочке медальон, тоже выполненный в виде креста. На ум почему-то сразу же пришёл эпизод из фильма про Ивана Васильевича, снятого Э. Рязановым по пьесе М. Булгакова с пропавшим у посла орденом. И ещё памятная фраза оттуда же: "У Шпака магнитофон, у посла медальон..." Хотя у нашего любителя чужеродных символов медальон был на порядок скромнее, чем в фильме — простой металлический крест, судя по сероватому отблеску серебрянный, совсем без украшений.

— Энто, значица, тожить все его люди. Худо дело! — произнёс Демьян, хмурясь.

Я не стал переспрашивать, каких людей он имел в виду. И так понятно, что все те, кого успели заметить раньше, оказались тут совсем не случайно. Они и подходили по очереди, небольшими группами, под видом обычных посетителей корчмы, рассаживались за разные

столы, ели и пили, чтобы не привлекать внимания и дожидались прибытия остальных. Теперь, получается, все в сборе.

— Что ему от нас то надо?

— Кто ж его знат. — пожал плечами Демьян.

— Давай хоть замок на сундуке открою, если что, с оружием всё повеселее отбиваться будет. — проговорил, осторожно вытягивая нож из-за пояса. То, что сидел к залу спиной сейчас было только на руку. Манипуляций с замком никто не заметит.

— Больно много их, и простору в корчме никакого. Дажить еси нет средь их толковых воёв, могут толпой задавить и оружие не спасёт.

— Четырнадцать. — кивнул я в ответ, пытаюсь подцепить язычок запорного механизма излишне широким лезвием ножа. — Ну да, многовато на нас двоих. Но им тоже всем скопом не выйдет навалиться, столы с лавками придётся обходить. А за столами народ сидит, может кто-нибудь на нашу сторону встанет, отвлекут на себя пару человек, уже проще.

Демьян, не ответил, но судя по его выражению лица, моего оптимизма, относительно помощи со стороны он не разделял.

Слова, прозвучавшие за спиной подтвердили его сомнения.

— Приветствую жителей нашего славного города, собравшихся сегодня в этом чудном месте и вкушающих яства со столов доброго хозяина сей корчмы. — начал говорить важный. Его громкий и горделивый, но слегка высоковатый голос, отчего мягкие гласные выдавались с каким-то повизгиванием, прозвучал в неожиданно притихшем зале. — К сожалению, его самого сейчас здесь нет. Оттого вдвойне горестно прерывать ваше веселье, к тому же в отсутствие хозяина корчмы. Но поступить так меня заставляет долг благочестивого человека и верного сына сей земли. Ныне здесь, под одною крышею с вами, сидят чужаки. Вы скажете, ну и что, мол, чужаки, у нас город вольный, мы и чужаку рады, лишь бы вёл себя тихо, да чтит законы наши. И сказанное вами будет верно, потому как превыше всего на Красном торжище воля ценится. Только отвечу я вам, что чужаки эти, как раз и есть те люди, которые воли не заслуживают, потому как сами они преступники и убийцы оканные, на человечьи законы плюющие, и идущие по пути тёмному.

— О каких чужаках ты говоришь, Годун? — спросил плечистый усач в красном кафтане, сидящий за одним из находящихся в центре столов.

— О тех что сидят, в углу спрятавшись. — выкрикнул важный, указывая на нас пальцем через весь зал и высоко взвизгивая на последнем "и". После чего обратился к нам и в голосе его слышалось неподдельное торжество, словно он и впрямь поймал каких-то особо опасных злодеев. — Что, думали не найдут вас, думали в городе нашем вольном отсидеться?! Не выйдет, наша карающая длань везде вас достанет!

Все, собравшиеся в зале обернулись, сосредотачивая взгляды на нас. Под давлением полусотни совсем недружелюбно уставившихся глаз стало как-то неуютно.

— Это дядьки Медведя гости, он их сам за стол усаживал, сказывал, что хорошие люди. — в наступившей недоброй тишине раздался голос Ивашки, паренька, оставшегося вместо корчмаря.

— Значит, обманули его иль плату дали великую, чтоб молчал.

— Он сказывал, что давно знает их. Да и не из тех дядька Медведь, чтоб за плату злодеев покрывать.

— Не ведаю я, что за дела у хозяина вашего с чужаками, но вот грамота, в коей, от лица досточтимого совета города нашего, сказывается, что они повинны в грабеже и многих

других злодеяниях. Оттого надлежит их немедля схватить и доставить пред ясны очи городского совета. — Годун вынул из-за пазухи свёрнутый в рулон лист бумаги и развернув, показал начертанные на ней буквицы окружающим. Что именно там написано разобрать было сложно, не только из-за расстояния, но и по той простой причине, что свободно читать текст на кириллице у меня вряд ли получится. При помощи Демьяна можно было с этим делом справиться, только вот важный никому не предложил ознакомиться с документом, нам тем более.

Кстати, насчёт бумаги, ведь в это время на Руси бумаги ещё не было. Вместо неё пользовались пергаментом — специально обработанной, тончайшей выделки телячьей шкурой. Но этот материал, по понятным причинам, был чрезвычайно дорогим и записывались на нём исключительно важные вещи. Для записей попроще пользовались берестой либо деревянными дощечками, как-то ещё эти дощечки интересно назывались, не помню.

— Так оно может всё ж таки дядьку Медведя дожда... — уже на порядок тише и не так уверенно произнёс Ивашка, с опаской глядя на пергамент, но договорить ему не дали.

— Вы что же, супротив воли совета идти вздумали? — провизжал Годун, тряся грамотой.

Паренёк в ответ промолчал, опустил голову. За его спиной встала девчушка, разносившая еду и выпивку, весёлая улыбка, до этого казавшаяся её неотъемлемой частью, исчезла, в глазах поселился испуг.

— Так то оно лучше. — довольно покивал важный и продолжил, обращаясь к собравшимся. — Те, кто вздумает препятствовать исполнению воли совета, почувет наш гнев на своей шкуре, тех же, кто окажет помощь, ждёт награда — десяток горошин.

— Десять горошин это на всех? — внезапно подал голос один из тройки выпивох, сидевшей у самого настила и до появления банды Годуна азартно аплодировавшей музыкантам. Кстати, самих музыкантов уже и след простыл. Неизвестно, когда именно они успели настолько шустро и незаметно исчезнуть со сцены. Видимо, ребята бывалые, в том смысле, что выработали рефлекс, при любой надвигающейся опасности действовать на опережение, уходить до того, как зарождающийся конфликт перейдёт от слов к делу.

— Каждому. — ответил с улыбкой важный и вместо грамоты в его руке материализовался небольшой мешочек.

— Эгей! Да за десятку гороха мы их сами счас того! Айда, други!

Вся тройка поднялась на ноги и нестройно, но уверенно двинулась к нам. Несмотря на то, что доселе эти ребята выглядели неслабо набравшимися, теперь же они словно ожили, при ходьбе не раскачивались и, судя по лицам, настроены были серьёзно.

Я двинулся было навстречу тройке, желающих лёгкого заработка, друзей, но Демьян выступил вперёд, знаком показывая, что сам разберётся. Не стал настаивать, в его способностях я не сомневался. А пока все будут увлечены зрелищем, попробую ещё поковырять замок. Хоть оружие нам едва ли поможет против такой толпы, но с арбалетом в руках всё же спокойнее.

Когда между Демьяном и троицей осталось несколько метров, один из выпивох, тот что уточнял по поводу платы идвигающийся сейчас впереди всех, с диким воплем, без затей бросился на крепыша, вытянув вперёд руки. Руки эти, кстати говоря, как и сам их обладатель были совсем немаленькими, даже наоборот. Правда то, как этот здоровяк пошёл в атаку выдало его с головой, кем угодно он был, но не бойцом. Думаю, это понял и Демьян, с

легкостью уходя с траектории движения несущегося вперёд балбеса. Пропуская по левую сторону от себя разогнавшуюся тушу здоровяка, напоследок он поддал тому в ухо тыльной стороной кулака. Удар вроде вышел совсем коротким, едва заметным, но голова при этом ощутимо дёрнулась.

Но смотреть, что дальше будет с получившим в ухо противником, Демьяну было некогда, на него уже бросался следующий. Этот тоже не выглядел искусным кулачным бойцом, повторяя ошибку своего товарища излишне резво бросился в драку. Единственное отличие было в том, что он не пытался схватить Демьяна, а выбросил ему навстречу кулак, метя в голову, но при этом слишком сильно вложил в удар, тем самым делая одну из распространённых ошибок начинающего боксёра — банально "провалился". Крепыш не стал упускать такую возможность, уходя от летящего в лицо кулака, отклонился назад и для верности сделал назад небольшой шаг. Достигнув крайнего положения он ухватил руку всё сильнее проваливающегося противника и дёрнул на себя, выворачивая, при этом подбил ему опорную ногу, после чего швырнул через себя. Бросок вышел на славу, в момент приземления послышался какой-то неприятный хруст и короткий крик боли, после чего распластавшееся на полу тело замерло без движения.

Третий выпивоха, видимо, не слишком полагался на свои бойцовские навыки, потому прихватил из-за стола короткую, но вполне себе крепкую скамейку и уже замахивался ею. Демьян отскочил назад и тут же, лишь только скамейка, толкаемая усилием противника и собственным весом, ушла в сторону, резким прыжком вернулся на прежнюю позицию. Ему пришлось сделать два удара. Первый вышел смазанным, оттого, что под ногу подвернулось тело предыдущего противника. Но второй эту неприятность компенсировал сполна. Образцовый хук справа, которого не постыдился бы опытный боксёр, опрокинул последнего любителя лёгкого заработка под ближайший стол.

Внезапно здоровяк, выбивший из драки самым первым, после полученного в ухо удара мирно валявшийся рядом со столом сидящих сразу за нами кузнецов — изобретателей, оказался на ногах, да так резко и неожиданно, что никто не успел среагировать.

— Демьян, сзади! — крикнул я, но было поздно.

Торжествующий здоровяк уже опускал на голову крепыша деревянный скобкарь, точную копию того, в котором нам принесли пиво. Посудину выпивоха стянул со стола кузнецов.

Я не смог разглядеть, успел ли Демьян хоть немного отклонить голову или отодвинуться, чтобы смягчить удар, в момент соприкосновения скобкаря с его затылком, здоровяк загородил своими могучим торсом происходящее. Но звук, раздавшийся при этом, слышен был отчётливо. Громкий треск мог быть вызван как сломавшейся посудиной, так и проломленной демьяновой головой. Хотелось надеяться на первый вариант.

И в очередной раз Демьян смог удивить меня, да и всю, находящуюся в зале публику, он не упал и даже не покачнулся, лишь отступил назад, вставая прямо напротив здоровяка, в недоумении замершего с двумя половинками скобкаря, бывшими всего секунду назад единым целым.

— Молодчага, захреначил ты меня! — произнёс Демьян, вытирая с лица капли вина, брызнувшие из разбитой посуды. Взгляд, которым он глядел на ошарашенного противника, мог бы не только раскалывать дерево, но и камни дробить, пожалуй.

— Я ж того, не... — ответил здоровяк виновато.

Что именно "не" договорить ему не удалось, прилетевший слева кулак заставил вмиг замолчавшее и расслабившееся тело здоровяка вернуться на пол, почти в то же самое место,

откуда оно поднялось полминуты назад. Вставать он больше не пытался.

Ну вот, в копилку полезных навыков нашего талантливого крепыша добавилась способность раскалывания головой деревянных предметов. Хотя в наше время спецназовцы тоже ломают о голову кирпичи. Не знаю, что сложнее расколоть подобным экстремальным образом, но, думаю, доведись мне также получить по макушке, точно бы вырубился, а Демьян вон ничего, стоит себе, нехорошим взглядом на зал таращиться, ещё и мне махнул этак небрежно, будто произошедшее для него самое обычное дело. Интересно, сколько раз нужно получить по голове, чтобы довести её до подобной непробиваемости. Хотя, ну их, такие мазохистские интересы.

— Да, вижу, добрые вои вы! — вновь заговорил Годун, довольно качая головой. — Не зря я с собою столько людей привёл, ох не зря. Только, сколь бы не был грозен и могуч хозяин леса — медведь, но со стай волков даже он не сладит. Одного — двух зашибёт, остальные же в ключья его порвут. Так и вы вдвоём супротив стаи моих волчишек не сдюжите. Но можно ведь по — доброму всё решить, жизни ваши мне не нужны.

— А что тогда нужно? — спросил я, со злостью поглядывая на так и не поддавшийся замок.

— О том после поговорим. Но если по доброй воле пойдёте и всё, что надо расскажете и сделаете, тем добрым деянием вину свою искупите сполна и заслужите свободу. — вновь потрёс грамотой важный.

— И что же за деяние нам предстоит?

— Доброе и благочестивое, к тому же пользу людям несущее.

— Свобода, это конечно, хорошо, но может ещё какая награда полагается, раз деяние такое значимое?! — не то, чтобы меня действительно интересовало это самое деяние, но мотивы, побудившие одного из местных властителей схватить нас, узнать будет нелишним. Хотя маловероятно, что в предстоящей беседе удастся выяснить что-то, действительно стоящее. Да и ладно, главной задачей начатого диалога — протянуть время до возвращения бородокосого и Медведя, глядишь, что-нибудь и прояснится.

— О, вы не только добрые воины, но ещё и настоящие торговцы. — с важностью кивнул Годун. — В нашем городе с уважением относятся к людям, идущим по пути честного договора и торговли.

— Да, мы тоже уважаем таких людей, потому что и сами любим поторговаться. Разумные люди стараются по возможности избегать конфликтов, зачем махать мечами, если можно решить вопрос мирно. Всегда намного проще и выгоднее договориться, чем бросаться в бой, ведь хороший договор предполагает двустороннюю выгоду. В кровопролитие же никакой выгоды нет, одни потери, так что...

Неизвестно сколько времени удалось бы выиграть такими вот бессмысленными разговорами, но по внимающему мою болтовню с благосклонной улыбкой на лице Годуну было понятно, что ему подобный пустопорожний трёп был по душе, так что может и впрямь дотянули бы до прихода Медведя с бородокосым. Дотянули, если бы не Демьян. То ли он не понял моей попытки выиграть время с помощью разговора, то ли последствия удара сказались, но наш всесторонне талантливый и обычно вполне сообразительный крепыш вдруг превратился в бескомпромисного дуболома, каким он показался мне в самом начале нашего знакомства.

— Што ж ты мелешь, Пустой? С кем торги вести удумал?! Энто ж Годунова шайка, неможно ихому брату верить, оне ж брешут, я знаю! Також и в грамоте в ихней всё брехня и

навет, ни слова правды, да и грамоту эту оне сами сварганили, и потому нету вины на нас!

Видимо, сказанные Демьяном слова заставили сидевших за столами задуматься, его версия происходящего начала активно обсуждаться. Получается, у этого самого Годуна в городе не особо хорошая репутация.

— Можа и верно энтот добрый молодец сказывал, можа и впрямь обрехали их? — донеслось из-за стола кузнецов.

— Коли так не дадим Годуну расправу над чужаками чинить, Медведя дождёмся, там и решим. — хлопнул по столу усач в красном кафтане, видимо он тоже был не последним человеком в городе, потому что почти все, устроившиеся за столами посетители, за исключением людей Годуна, ответили на предложение согласием.

— Зачем ты слушаешь этих чужаков, Василий?! — проговорил Годун, обращаясь к усачу. Из голоса его при этом пропали нотки важности, но уверенность осталась. — Зачем в словах моих усомнился?

Посетителей корчмы было всё же чуть больше, чем пришедших с Годуном людей, так что после того, как большая их часть заняла позицию нейтралитета, идти на открытый конфликт с толпой он явно не станет, считать тоже умеет.

— Неясно всё, Годун, сам посуди, твоё слово против слова чужака. Не считать же брехнёй сказанное чужаком лишь потому, что он чужак. Да и коли твоя энта грамота ненастоящая...

— Отчего ж ненастоящая?! На вот, проверь. — произнёс важный, с неприятно уверенной улыбкой передавая лист пергамента усачу.

— Хех, а и проверю! Сам я грамоте не обучен, но Филька вон, писарь мой, враз всё перечитат.

Враз прочесть написанное нахваливаему усачом писарю не получилось. Не потому, что читал он не особо уверенно, по слогам, на уровне первого — второго класса, но и по причине немалой степени опьянения. Но ещё до начала чтения писарь проверил документа на подлинность, осмотрев, ощупав и даже зачем-то обнюхав печать. "Грамота верная, булла нашенская" — вынес он вердикт и приступил к чтению послания.

К сожалению, в грамоте этой действительно указывались двое негодяев, главной приметой одного из них была "кольчуга серого металлу,ковки дивной, словно мелкой рыбьей чешуёй поверху покрытая", второй описывался как "зрелый муж, могучими дарами обладающий". Описание моего спецкостюма, полученного от Бамбука, вышло вполне подробным. Под приметы второго «негодяя» подходил как бородокосый, так и Демьян. Но думаю сомнений теперь ни у кого не возникнет. То есть, всё сказанное Годуном относительно этой самой грамоты оказалось правдой, и теперь находящаяся в корчме публика не станет препятствовать ему в нашем захвате и, скорее всего, даже окажет помощь.

Пока чтец медленно доносил волю городского совета до ушей собравшихся, я лихорадочно пытался сообразить, что могло понадобится от нас властямущим в Красном торжище. Не возникало и тени сомнения в выдуманности всех этих обвинений, единственной целью которых является обоснованная и законная причина для нашего задержания. Но зачем?! Что могло понадобится богачейшим властителям самого крупного в этих краях, живущего торговлей, города от двух бродяг... Кстати, а почему именно от двух, в город то мы входили втроём. У местных соглядатаев — доносчиков нелады со счётом? Или один из нас и является тем самым доносчиком? Бородокосый ушёл и тут же набежали эти, совпадение?! Тьфу ты! Это уже верх мнительности, даже не мнительности, а глупости, в

дядь Прохоре я уверен, как в себе. Хотя, не о том думаю. Не доносчика нужно искать, а причину, по которой мы стали интересны местным важным шишкам. Правда на этот счёт тоже никаких соображений, не может же оказаться причиной та самая "дивная кольчуга", приглянувшаяся кому-то из этих шишек.

— Ну, что, кто теперь брешет то?! — спросил вновь переполнившийся важностью Годун, со спесивой улыбкой оглядывая собравшихся.

— Звиняй, Годун, зря мы, энто самое, чужака то послушали и в тебе усомнились! — склонив голову, произнёс усач, возвращая пергамент.

— Прощение заслужить надобно, но окромя его по десятке гороха на брата.

— Ну коли так, мои люди помогут. Эх! — проговорил усач, втыкая в столешницу здоровенный нож с инкрустированной рубинами рукоятью. — Айда, ребятушки, покажем чужакам!

— Ножи оставьте, оне живыми нужны. — погрозил пальцем Годун. И продолжил, обращаясь к нам. — В последний раз спрашиваю, по-доброму с вами договоримся иль нет?

Я оглядел толпу собравшихся в зале мужиков, не все из них имели богатырское телосложение, но даже в нашей реальности размер не всегда имеет решающее значение, а уж в Улье выглядящий как жертва анорексии тощага может запросто оказаться в разы сильнее какого-нибудь перекаченного атлета. Всё зависит от времени, прожитого в этом странном мире и количества гороха и жемчуга, принятого за это самое время. Но даже если все собравшиеся окажутся не слишком выдающимися в этом плане, нас просто задавят толпой. К тому же у кого-нибудь может оказаться полезные в подобном деле умения. Хотя, о чём я говорю, тут и без умений шансов ноль.

Хотя, что я сразу на поражение настраиваюсь, может повезёт и выкрутимся как-нибудь. Да и по сути, что мы теряем, убивать нас всё равно не будут, пока, так что и бояться особо нечего. Хоть некоторым из них бока намнём — уже хорошо. Ещё бы до Годуна добраться, руки чешутся наколотить его спесивую физиономию. Заодно проверю свои навыки кулачного боя, на мечях я, по словам крёстного хорош, а как в плане мордобития?! От этих мыслей, наполненных добротой и человеколюбием, внутри появился какой-то по-мальчишески дурацкий азарт.

— По-доброму скучно, давай по злему! — с вызовом крикнул проснувшийся в душе дуралей.

— Эгей, Пустой, твоя правда! — радостно заголосил Демьян, в крови которого до сих пор бурлил адреналин, после короткой схватки с троицей выпивох. — Айда, Годун, веди своих волчишек, счас мы им зубы то пообломаем!

— Хватай их! — взвизгнул Годун, покраснев от ярости.

Толпа пришла в движение, кто то только вскакивал с лавок, кто то уже продвигался к нам, на ходу заказывая рукава, а Демьян уже швырял оброненную одним из пьянчужек, короткую лавку, предварительно кругнувшись с ней, словно метатель диска на Олимпийских играх.

Лавка пролетела мимо двоих, движущихся впереди всех, жадных до драки мужиков, и влетела в тройку движущихся следом. Одному она прилетела очень удачно, прямо в голову, отправив его прямо под ноги следующим позади. Двое других получили слабее, одного едва задело, другой же скрючился, хватаясь за отбитое плечо.

Я тоже двинулся было вперёд, но вначале вышла небольшая заминка.

— Нас не тронь, чужеземец, мы люди мирные. Иди себе мимо. — Произнёс Гендальф-

Эйнштейн, продолжавший спокойно сидеть за столом, вместе с остальными кузнецами, согласно покивавшими в ответ на слова старшего.

Ну и ладно, минус четыре человека — нашим легче.

Обходя стол, решивших придерживаться нейтральной позиции, кузнецов, бросил взгляд влево, на резвящегося во всю Демьяна. Крепыш выдвинулся навстречу самым шустрым, уже отправил в нокаут одного и выбивал дух из второго. Эх, надо догонять!

Рванувшись вперёд к ближайшему из противников, долговязому и хмурому, попытался без затей достать его ударом справа, но чуть не наткнулся на встречную атаку, пришлось сначала отклониться, а дальше отступать, потому что руки противника оказались чуть ли не вдвое длиннее моих и махал он ими не хуже ветряной мельницы. Ну ничего, у меня не только руки есть. Немного разорвав дистанцию, выбросил вперёд правую ногу, встречая пяткой солнечное сплетение долговязого. Унергия удара, помноженная на инерцию движущегося навстречу тела сработали как надо. Противник, скрючившийся на полу, натужно хрипя, больше не представляет опасности.

Следующего тоже встретил ударом ноги, правда совсем низким, но от этого не менее эффективным. Жёсткий и неожиданный, отчего вдвойне болезненный, пинок по голени и три быстрых удара кулаками в голову, схватившемся за больное место противнику. Готов!

Ещё один, невысокий и крепкий. Длинный удар слева блокирует предплечьем и сам чуть не достаёт меня ответным. Какой шустрый! Тогда попробуем иначе. Обманный финт слева заставляет шустряка отклониться вправо, но там его уже встречает размашистый пинок. Попав прямо в голову, он враз срубает юркого противника. Ого, как я, оказывается, умею!

Тем временем несколько хитрецов решили зайти справа. Чтобы не дать им преимущества, начал отходить назад, на ходу поглядывая, как там ситуация у Демьяна, который успел отдалиться от меня и был уже недалеко от стойки. На крепыша основательно надели целой толпой, видимо посчитав более опасным. Но тот довольно успешно сопротивлялся, за неимением оружия, отбиваясь от противников, немаленьких размеров, скамейкой. Ухватившись за один край, он яростно размахивал этой двухметровой доской с приделанными к ней ножками. Под ногами наступающей толпы валялось уже четверо несчастных, не успевших убраться с траектории движения скамьи, ещё один пытался отползти подальше, вяло шевеля конечностями и тряся головой, видимо тоже неслабо получил. Да уж, силён наш Демьян!

Бам! От внезапного удара и вспыхнувшей в затылке боли на мгновение потемнело в глазах, а ноги предательски дрогнули.

— Да кто так бьёт то? — донёсся откуда-то сзади голос седого Гендальф-Эйнштейна.

Я попытался отскочить в сторону и развернуться навстречу кузнецам, оказавшимся нейтральными лишь на словах, но не успел. Второй удар, обрушившийся на затылок, отправил сознание в небытие.

Темнота...

Глава 25.

Пришёл в себя, лёжа на животе. Слегка шевельнувшись, под щекой ощутил неожиданно сухую шероховатую поверхность, совершенно непохожую на солому, устилавшую земляной пол корчмы. Странно...

Таковыми же странными и неожиданными оказались звуки. Ожидал услышать рядом радостные голоса коварных кузнецов, или даже довольное повизгивание Годуна, но вместо этого до слуха донесся мягкий шелест листвы и размеренное накатывание волн на берег.

В недоумении открыл глаза, приподнялся, опираясь на руки. Пальцы провалились в ту самую, сухо — шероховатую субстанцию, на деле оказавшуюся обычным речным песком. И окончательно вставая на ноги, с удивлением обнаружил, что нахожусь на песчаной, покрытой реденькой травой, широкой поляне, окружённой по сторонам зарослями кустов, вперемежку с невысоким частоколом молодых осинков. Звук набегающих на берег волн, слегка приглушенный стеной растительности, исходил откуда-то слева.

Следующим, что бросилось в глаза, была цветастая палатка, установленная посередине поляны. Рядом с ней, невысокий раскладной столик и такие же стулья, на столике одноразовая посуда, пакеты со снедью. Невдалеке потухший костёр, над ним на треноге висит котелок, даже издали понятно, что деревяшки в костре давно прогорели и рассыпались чёрными углями.

Вполне мирную картину оборудованного места отдыха портило отсутствие самих отдыхающих. Хотя, может они просто купаться пошли, звуки прибоя вон, совсем рядом слышно. Но неясное пока беспокойство, зародившееся внутри не желало пропадать, а лишь усиливалось.

Проглотив внезапно вставший в горле ком, шагнул вперёд, с тревогой оглядывая брошенный неведомыми отдыхающими кемпинг. И чем внимательнее присматривался к доселе незамеченным деталям, тем явственнее эта тревога становилась.

Какие-то вещи и мусор, в беспорядке разбросанные по округе. Глубокая тарелка и крышка от котелка, валяющиеся возле костра, вместе с опрокинувшимся раскладным стульчиком. Также, при ближайшем рассмотрении, в немного скособоченной палатке, нашлась приличных размеров свежая прореха, и нехорошие бурые пятна, до сего момента скрытые яркой расцветкой материала. Такие же бурые отметины обнаружились и в других местах, на песке и небольших островках травы, чуть в стороне от столика. Постепенно удаляясь от палатки, эти пятна и пятнышки собирались в тёмные полосы, отчётливым следом тянущиеся к дальнему краю поляны.

Тревога, с каждой увиденной страшной подробностью, всё сильнее заполняющая душу, под конец превратилась в ненависть, ненависть в злость. Предмет этой злости я не мог понять, но легче от этого не становилось.

На, вдруг потяжелевших, непослушных ногах двинулся по отмеченному бурым следу. Зубы скрипели, словно пытались стереться друг о друга, а пальцы, до боли сжимаемые в кулаки, вот-вот грозились переломиться.

Передаваемая зрительным аппаратом картинка внезапно подёрнулась пеленой, словно через мокрое стекло посмотрел, а по щекам заструились наполненные горечью слёзы. Но облегчения эти слёзы не приносили, кипевшей в груди злости становилась всё больше.

Бурые полосы, напитавшие шелестящий под ногами песок, исчезали в стене зелени, оставив и на ней несколько густых, уже начинающих подсыхать, капель.

И не в силах больше сдерживать накопившееся внутри озеро злости, рвущееся наружу яростной волной, я закричал и бросился вперёд, пробивая грудью орошённые кровью заросли, а вместе с ними и тускнеющие, стремительно рассеивающиеся фантомы очередного, короткого сна — воспоминания, в этот раз позволившего так мало понять, но невообразимо много прочувствовать.

Темнота...

Вернувшееся в реальность сознание в первую очередь ощутило перемены, случившиеся с подотчётным ему телом. Руки и ноги напрочь потеряли подвижность. Но не потому, что меня внезапно разбил паралич, просто хозяйственные кузнецы за время моей отключки успели где-то раздобыть верёвку и теперь сноровисто опутывали ею конечности обезвреженному ими особо опасному преступнику под надзором Гендальфа — Эйнштейна.

— Кто ж этак вяжет, бездари! — горланил старший кузнец. — Надыть чрез руку вона, и уж потом под эту петлю, а тама ужо тянуть, да покрепше!

Я лежал на животе, голова правым ухом прижималась к полу. Стараясь не показывать, что уже пришёл в себя, осторожно приоткрыл глаза, огляделся, насколько это было возможно из столь неудобного положения.

Старший кузнец стоял в полуметре от моего лица, остальные возились с верёвками, при этом один из них, судя по ощущениям, сидел на моих голеньях, исключая возможность двигать нижними конечностями, может, ноги ещё не успели связать. Но от этого не легче, что сделаешь одними ногами против как минимум четверых противников.

Прислушиваясь, не различил звуков борьбы с места, где в последний раз видел Демьяна. Оттуда доносился лишь чей-то довольный смех, да громко переговаривались несколько весёлых голосов, но о чём, разобрать не получалось. Вывод напрашивался один — крепыша им тоже удалось скрутить. Что ж, иного результата сложно было ожидать, всё-таки против толпы не выстоять даже такому бойцу, как Демьян. Ну, мы с ним хотя бы попытались.

В этот момент один из кузнецов основательно придавил мне руку. Сделал ли он это со злым умыслом или же просто нечаянно наступил, но пришлось основательно стиснуть зубы, чтобы не выдать себя неосторожным выкриком.

"Вот и доверяй после этого людям." — с неприязнью подумал я о хитрости и коварстве кузнецов. Но особо на этой мысли не сосредотачивался. Сам же пытался вспомнить только что привидевшееся мне сновидение, как и прочие, моментально забытое и вновь слившееся с необъятной пустотой, заполнявшей память. Вроде там кровь какая-то была, или ещё что... Или не было, и я уже сам себе что-то там напридумывал?! Нет, не вспомнить...

В душе загорелась злость. То ли из-за невозможности восстановить в памяти сон, или из-за коварных кузнецов, перетягивающих тело очередной петлей, а может причиной была вся совокупность произошедших со мной неприятностей.

Злость пришла неожиданно и резко. И я вдруг понял, что ни к чему, из происходящего сейчас, прямого отношения это чувство не имеет. Оно пришло из сна. Эмоциональная составляющая — это всё, что мне удалось вынести из того миража или кусочка памяти, с которым успело повидаться моё сознание, отправленное в небытие после предательского удара по затылку. К тому же эта безадресная эмоция, в отличие от вмиг позабытого миража, никуда не собиралась исчезать. Оказалось, что прочувствованная неистовая злость, точнее, даже не злость, а ярость осталась со мной, преодолела рубеж между сном и явью, не

растеряв ни капли своей мощи и теперь переполняла меня, заставляя вновь сжимать кулаки, скрипеть зубами и рваться, рваться на волю из тесных пут.

— Вона оживат, шибчеє вяжите, шибчеє! — заметив мои шевеления, начал торопить учеников Гендальф-Эйнштейн.

— Так сызнова ему по башке дать и вся недолга. — донёлся голос сидевшего на моих ногах кузнеца.

— А еси зашибём?! Он Годуну живой нужон! Вяжите, бестолковыя!

Но я уже не слышал их разговор, ярость разлилась по телу, заполняя каждый сосуд, каждую клеточку. И я не стал её сдерживать, впустил в себя окончательно, сливаясь воедино с этим чудовищным пожаром, с рекой гнева, несущей по венам свои огненные струи.

Ярость! Тело рванулось вверх, отбрасывая сидевшего на ногах кузнеца в сторону, словно тот был пустотелым пластиковым манекеном, а не крепким мужиком под девяносто килограммов весом.

Оказавшись на ногах, слегка удивился не только тому, что и руки удалось освободить в один миг, разорвав крепкую верёвку, но и тому, что остальные ученики тоже успели получить по заслугам и лежали сейчас в нескольких метрах, совершенно безвредные и тихие.

Это я их, вскакивая, расшвырял?!

Но удивление от этого факта действительно было незначительным и мимолётным, промелькнув где-то на периферии сознания, целиком и полностью заполненного рекой гнева.

Замершего и ошалевшего Гендальф-Эйнштейна уложил походя, несильным хлопком раскрытой ладони по уху. Всё же я с уважением относился и к великому физику, и к персонажу саги сэра Толкиена, чтобы причинять вред человеку, внешность которого напоминала мне каждого из них. Пусть этот человек на деле и оказался тем ещё неприятным скользким типом.

Не отвлекаясь больше на получивших своё кузнецов, двинулся к столпившимся в отдалении, противникам. Те были заняты, увлечённо довязывали брыкающегося Демьяна. Чуть в стороне, надменно наблюдая за действием, стоял Годун с охранниками, которые до сих пор так и не сняли своих горшкообразных шлемов. Всего, вместе с ними, врагов осталось девять человек. Всё-таки неслабо крепыш их проредил, чуть не половину уложил, прежде чем его схватили. Теперь моя очередь.

Эти мысли, пронёсшиеся в голове за мгновение, в течение которого, разворачивался и оценивал обстановку, снесло волной гнева.

Некоторые враги успели заметить случившееся с кузнецами несчастье и отреагировали, бросившись мне навстречу. Их оказалось двое. Прочие тоже начали оборачиваться, почуяв неладное, но те ещё были далеко, а эти совсем рядом, и двигались плечом к плечу, видимо, собираясь напасть одновременно.

Ярость! Когда до противников оставалось полтора метра, я оттолкнулся от пола и, взвившись в воздух, встретил одного из них мощнейшим ударом колена в грудь. Раздался громкий хруст — кажется перестарался. Ничего, иммунные — ребята крепкие, пару недель полежит, потом оклемается.

Второй тоже не успел ничего сделать. После моего неожиданного прыжка он сделал ещё пару шагов вперёд по инерции и теперь оказавшись позади шустрого врага, разворачивался. Очень медленно, на мой взгляд, разворачивался. Резкий шаг назад и короткий удар тыльной стороной кулака в затылок прервал разворот и дальнейшее его

участие в схватке.

Остальные, вязавшие Демьяна бросили своё занятие и двинулись ко мне навстречу, но уже не так уверенно, как те двое.

— Айда, ребяташки, того здоровяка уделали и этого шустрого свалим! Айда, вместе! — подбадривал товарищей идущий посередине усач в красном кафтане.

Ярость! Первым кинулся двигающийся слева, кряжистый, словно пень векового дуба, паренёк, выбрасывая вперёд увесистый кулачище. Полагался на свою силу, рассчитывая одним ударом дело и решить. Поймал его кулак на полпути к моему лицу, начал выворачивать руку, но привыкший к своему силовому превосходству, балбес попытался надавить в ответ. Зря он это! Силы, пришедшей вместе с яростью из сна, у меня сейчас на пятерых таких дуболомов хватит. Поэтому не стал затягивать, просто сломал ему руку в локте.

Ярость! Тем временем, подобравшийся справа, подвижный мужичок обрушил на мою голову кусок скамьи, видимо обломанный отбивавшимся от толпы врагов Демьяном. Не уклониться, не пытаться смягчить удар я не стал, хотя, пожалуй, мог бы осуществить и то и другое на выбор. Кусок дерева ударил по неожиданно крепкой и упругой голове, затрещал и отпружинил обратно, едва не стукнув растерявшегося мужичка по лбу. Мой кулак догнал многострадальную деревяшку в момент, когда она находилась прямо напротив его лица. Треснувшая пополам доска впечаталась в ошарашенную физиономию и вместе с нею улетела куда-то за ближайший стол.

Внезапно я почувствовал, что с каждым ударом, с каждым побеждённым противником река гнева, бушевавшая внутри, становится всё спокойнее. Значит, силы, полученные после пробуждения, подходят к концу. Хотя, как показала практика, я и в обычном состоянии кое чего стою, но лучше всё же поторопиться.

— Может миром разойдёмся? — оставшийся в одиночестве усач вмиг вспомнил о дипломатии.

— Может. — ответил, отправляя его правым хуком в нокаут и добавил, комментируя свой поступок. — Мне кузнецы тоже говорили, что они мирные люди.

За время драки Годун с охраной даже не попытались принять в ней участие, а теперь отошли ещё дальше, и продолжали, обходя столы и лавки, медленно двигаться в сторону двери. Это что, побег или они за подкреплением двинули?! В любом случае, отпускать их не стоит.

В дополнение ко всему, в руках у пятящихся охранников появились самострелы, наконечники болтов предостерегающе и остро глядели на меня.

Неужели они настолько испугались, что готовы нарушить запрет на применение оружия, объявленный Годуном?! Или он сам, впечатленный моими подвигами, снял этот запрет?! Судя по тому, что молчит, прячась за спинами охраны, более похож на правду второй вариант. Хотя, какая разница.

— Куда же вы, ребята? — весело крикнул вдогонку отступающим. Чтобы не тратить время, заскочил на ближайший стол и двинулся к двери наперерез, прямо по столам, благо расстояние позволяло. — Вы же нас схватить должны!

— Стой, чужак! — взвизгнул Годун из-за спин охранников. — За дверью ещё мои люди! Три десятка, с оружием!

— Тогда мы не станем их впускать. А с тобой и твоими ряжеными я уж как-нибудь разберусь. — ответил, соскакивая с последнего стола на пол и кровожадно улыбаясь.

— Сто-о-ой! — раздавшийся визг заставил остановиться, недовольно морщась.

Может, охранники таскают глухие шлемы, чтобы оберегать слух от воплей командира?! Напихивают напротив ушей тряпья, изолируясь от постоянных высокочастотных звуков. Неудобно, конечно, жарко, но зато истеричные крики не слышно.

— Сто-о-ой!

— Да стою я, только не ори. Чего хотел то?

— Верно твой друг сказывал, что зубы пообломаем о вас. Не по силам ношу взяли, признаю. Договор хочу предложить.

— Так предлагай. — пожал я плечами.

— Миром разойдёмся, я уведу своих людей.

Ну вот, ещё один договорщик. И впрямь город торгашей какой-то, из любой ситуации пытаются выторговаться.

— Не. — усмехнулся я и, больше не слушая его отговорок, двинулся вперёд.

— Бей его-о-о! — взвизгнул Годун, отдавая последний приказ охранникам, а сам бросился к выходу.

Нельзя его отпускать, нужно ускориться.

Самострелы сработали почти одновременно. Три щелчка слились в один. Разделявшее нас расстояние болты преодолели за какую-то долю секунды. Я не мог не отпрыгнуть, ни увернуться. Но необходимости в этом и не было, спецкостюм, по словам Бамбука, способный выдержать очередь из крупнокалиберного пулемёта, на попадания деревяшек, с калёнными железными наконечниками, отреагировал так, будто их и не было.

Кстати, попаданий оказалось всего два. Один из стрелков самым позорнейшим образом промазал с каких-то несчастных пяти метров. Да уж, хороши у Годуна охраннички!

Правда удивляться болтам, с бессильным звяком, отскочившим от "дивной кольчуги" они не стали. Закинув за спину самострелы, фальшивые крестonosцы взяли за оружие ближнего боя. У двоих это оказались недлинные мечи романского типа, третий сдернул с пояса палицу: железный шар с небольшими округлыми выступами на полуметровой рукояти.

А вот это уже нехорошо. И нечестно, в том смысле, что я ведь совсем без оружия. Спецкостюм, конечно сбережёт от ударов, но руки и лицо остаются открытыми. Неужели создателям столь продвинутой брони сложно было сделать перчатки и маску из такого же материала?! Ладно, ничего страшного, нужно просто быть поосторожнее, беречься, не подставлять открытые участки. К тому же прихваченная из сна сила ещё не истрачена до конца, справлюсь. Эх, нужно было хоть лавку прихватить, с ней всяко повеселее было бы сражаться.

Противники тем временем чуть разошлись в стороны, видимо, чтобы не мешать друг от другу, и выставив оружие, дожидались меня, не делая попыток атаковать. Заметив это, начал смещаться немного левее, чтобы при сближении не дать им напасть на меня сразу всем скопом.

Смешно, наверное, выглядит со стороны: трое вооруженных воинов в кольчугах и закрытых шлемах, в накидках с грозными эмблемами крестonosцев, держат оборону против дурачка в сером костюме с капюшоном. Всё-таки неслабо напугала их картина непобедимого бойца, в одиночку раскидавшего целую толпу.

Кстати, как там поживает эта самая непобедимость — ярость из сна, несущая по венам пламя, позволившая мне в разы усилиться и ускориться.

Ярость... Ярость?!

Оказалось, эмоция, переполнившая тело силой сразу после пробуждения, снижала свой градус не только с каждым поверженным противником, но и с каждой прошедшей секундой. Я и не заметил, что за время, потраченное на обмен любезностями с Годуном, от начального количества полученной силы остались едва ощутимые крохи. Попытки вновь разжечь злое пламя внутри успехом не увенчались.

Эх, надо было не за Годуном гоняться, а Демьяна развязывать, с ним бы точно справились.

Крайним слева стоял охранник, вооружённый мечом. Не дойдя пары метров до него, прекратил сближение и двинулся ещё левее, обходя его по кругу и заставляя поворачиваться вслед за собой, чтобы он стал живым препятствием на пути между мной и его товарищами.

Шаг, ещё шаг, пожалуй, всё. Дальше двигаться не стоит. Теперь нужно атаковать. Только как? Как атаковать вооружённого противника, имея лишь голые руки? Да ну его нахрен!

Разозлившись на самого себя за эту заминку, сжал кулаки и скрипнул зубами. Пускай эта злость не принесла ни капельки силы, она помогла выйти из этого мимолётного ступора, сорваться с места и с криком накинуться на отшатнувшегося назад противника.

Ага, боишься!

Но, оказалось, бояться нужно было мне.

Выброшенное навстречу острое клинка пропоролло скулу, враз останавливая мой атакующий порыв и врубая на полную инстинкт самосохранения. Выворачиваясь левее от ранившего лицо меча, напоследок звякнувшего самым остриём по краю накинутаго на голову капюшона, ушёл в длинный кувырок. И выныривая из этого спасительного кувырка почувствовал или, скорее услышал позади немного запоздавший взмах. Удачно сработавший на сближение противник попытался напоследок достать клинком мою спину?! Выходит, в этой тройке присутствует как минимум один хороший мечник. Нехорошо...

Но делать нечего, бежать некуда, да и помощи ждать тоже неоткуда. Тут уж либо я их, либо они меня, третьего не дано. А раз так, не стоит терять времени. Вот только что делать с ними, с такими защищёнными и вооружёнными?! Предыдущим противникам достаточно было хорошенько врезать, тут такой номер не пройдёт, сам раньше ноги руки поотшибаешь об их кольчуги и шлемы.

Выпрямившись после кувырка и сделав в сторону несколько шагов, оказался прямо напротив самого дальнего, вооружённого палицей охранника. Тот как раз развернулся навстречу, после моего неожиданного и резкого перемещения. Сразу бросаться вперёд поостерёгся, напоминание о необдуманной атаке алело длинным рассечением от скулы к подбородку, тёплая кровь неприятным ручейком струилась по шее, стекая ниже, за ворот, на грудь. Но и мешкать не стоило, если его товарищи подспеют до окончания нашей схватки, шансов на победу у меня совсем не останется.

Для начала сделал ложный выпад, чтобы понять, насколько шустро противник способен орудовать своей палицей. Прошуршавший в воздухе в десятке сантиметров от моей головы шипастый шар был убедительным ответом. Этот вояка тоже не привык ворон ловить. Всё-таки охранники у Годуна — бойцы не из последних, зря я о них плохо думал. И что теперь делать?!

А секунды, отпущенные нам на поединок, утекают, ещё чуть-чуть и вместо одного противника, придётся сражаться сразу с тремя.

Замерший напротив охранник видимо тоже это понимал и, не предпринимая попыток

атаковать, просто дожидался подхода товарищей. Нет уж! Я не дам вам столь лёгкой победы! Тем более я толком не использовал свой единственный козырь, а именно, непробиваемый спецкостюм. Если всё, что говорил о нём Бамбук, правда, то при разумном использовании, с его помощью тоже можно немало дел наворотить. Вот сейчас это и проверим!

Все эти мысли пронеслись в голове за мгновение до того, как с криком бросился на противника. Крика он не испугался, да и к чему-то подобному был готов, поэтому встретил меня уверенным и сильным ударом палицы. Зажмурившись, выставил вперёд согнутую в локте левую руку. То есть, от удара тяжёлого железного шипастого шара закрылся обычным классическим блоком. Если сказанное Бамбуком о спецкостюме окажется неправдой, кость в месте удара непременно сломает, и не просто сломает, а, скорее всего, раздробит. От подобных ударов и кольчуги не очень то спасают, что говорить о тоненьком материале, защищающем меня сейчас.

Звяк!

Палица бессильно отскочила от согнутой в локте руки. При этом, в момент её соприкосновения с поверхностью спецкостюма, почувствовал, что рука, вместе с плечом на какое-то мгновение словно окаменела. Наверное, это сработал защитный механизм, описанный Бамбуком, чешуйки, слагающие поверхность костюма, отреагировали на удар, в один миг становясь единым непробиваемым целым. До этого, при попадании по костюму арбалетных болтов, подобного не было, а может площадь скрепления чешуек в тот момент оказалась небольшой и поэтому не заметил.

Но ещё больше мне понравилась реакция охранника. После того, как тяжёлая палица ударила в руку, но, вместо того, чтобы переломить её пополам, остановилась, словно врезавшись в бетонную стену. От неожиданности и энергии удара, вернувшийся от навершия к рукояти, ошалевший вояка чуть не выронил оружие!

Упускать такой момент было бы для меня преступлением. Перехватив палицу у основания металлического шара, начал выворачивать её из потерявших на мгновение хват, пальцев охранника. А чтобы у него не возникло желания побороться за вырываемое из рук оружие, как следует пнул ногой в живот.

Не знаю почему, но мне показалось, что пока вояка летел под ноги подоспевшим товарищам, не отрывал от меня удивлённого и немного обиженного взгляда, сквозь отверстия в шлеме.

К сожалению, не один из оставшихся на ногах противников не споткнулся о свалившегося на пол, с металлическим бряком, вояку. Один, правда, остановился, помогая упавшему подняться, другой двинулся ко мне, с мечом наготове. Одевание и доспехи у всех троих были одинаковые, но я узнал в приближающемся, полосонувшего меня по лицу, мечника.

"Что ж, закончим нашу дуэль, но уже на более равных условиях." — подумал, махнув на пробу крест-накрест трофейной палицей и шагая навстречу охраннику.

То ли от появления оружия в руке, то ли ещё по какой причине, внутри вдруг воцарилось абсолютное спокойствие и уверенность. Противник больше не казался сложным препятствием, я видел его умение и понимал, что хоть он и был довольно сносным мечником, до меня ему далеко.

И где это спокойствие было раньше?! Почему я не могу управлять своим, столь немало умеющим телом?! Почему не могу свободно пользоваться дарами Улья, которые тоже проявляются лишь в критические моменты?! Понятно, что всё это как-то связано с моей

странной амнезией. Может, вспомнив прошлое смогу вернуть и способности, но пока особых успехов в этом направлении нет. Но не время сейчас заниматься подобными размышлениями, нужно разобраться с оставшимися противниками.

Он напал первый, видимо тоже был уверен в себе, к тому же по моему лицу и шее текла кровь и хоть рана была несерьезной, но раненный враг, это враг наполовину побеждённый. Обманный взмах на уровне живота и укол в лицо, понимая, что с виду несерьёзную защиту не получилось пробить даже хорошо поставленным ударом тяжёлой палицы, он бил наверняка.

Сходу поняв его замысел, от ложного взмаха я даже не стал уклоняться, также и от укола в лицо. Зачем уклоняться, если можно исключить возможность самого удара, парировав его своим оружием, а ещё лучше выбив меч из руки противника встречным ударом палицы.

Тяжёлый шипастый шар с неприятным хрустом обрушился на кисть. Противник вскрикнул. Громко. Меч выскользнул из переломанных, брызжущих кровью и белеющих осколками костей, пальцев и с тоскливым звоном упал на пол.

Да уж, такое даже в Улье нескоро срастётся.

Напоследок добавил остервенело зажимающему покалеченную кисть здоровой и, глухо завывающему внутри шлема противнику, по голове. Правда ударил осторожно, чтобы просто оглушить, а не убивать. Зачем мне лишняя кровь на руках. Да и не убивал я людей вроде как, одержимые то не в счёт. Хотя может и убивал, кто знает, что там в прошлом у меня было. Тот же Комар говорит, что убивал, правда потом ещё и воскресил, но в его эту историю, похожую на страшную сказку, верить с трудом.

Оставив оглушённого и покалеченного противника, двинулся к оставшимся двоим. Тот, у которого отнял палицу уже был на ногах и, отдуваясь, держался за отбитый живот. Второй, оставшийся помочь ему подняться, при моём приближении, бросил меч под ноги и что-то заговорил из-под шлема.

Что именно он проговорил понять не получалось, но достаточно было и брошенного на пол оружия. Тоже сдаются и хотят договориться. Эх, Красное торжище — воистину город торговцев!

— Идите. — просто махнул рукой на дверь и добавил, кивнув в сторону их оглушённого товарища, лежащего на полу. — Этого своего тоже можете забрать.

Жаль, Годун ушёл, ему то в первую очередь нужно было надавать как следует. Но не побежишь же за ним, тем более неизвестно, может и впрямь нас на улице его люди ожидают.

— Пустой, ты там всех побил чтоль? — подал голос Демьян, когда скрипнула дверь за фальшивыми крестonosцами, уносящими под руки своего товарища.

— Всех.

— Ну силён ты! Айда с меня путы то сыми! А то скрутили, черти окаянные!

— Сейчас, иду.

Глава 26.

Развязать Демьяна, опутанного верёвками, словно муха паутиной, удалось, лишь после того, как взялся за нож. Добросовестные местные, то ли от количества выпитого, то ли по причине неумения, связали его как то бестолково, но недостаток сноровки с лишком компенсировали дополнительным количеством верёвок и узлов.

Разрезая путы, с запоздалым удивлением отметил, что за всё время схватки даже не вспомнил о висящем у пояса ноже, хотя прямо перед началом драки пытался им же отпереть замок сундука. Но после того, как убедился, что справиться с запорным механизмом не удастся, отправил клинок обратно в ножны и благополучно о нём позабыл. Хотя, может и правильно позабыл, и без лишнего кровопролития справился неплохо.

Пока возился с Демьяном из-за прилавка выбрались помощники корчмаря, на время заварушки, спрятавшиеся где-то в недрах хозяйственных помещений

— Ну ты, дядечка, могуч! — восхищённо качая головой, произнёс Ивашка, заменяющий Медведя паренёк. Видимо необходимость прятаться не помешала ему, затаившись, наблюдать за происходящим в зале. — Эк ты их всех положил!

— Случайно вышло. — пожал в ответ плечами. И, не горя желанием обсуждать свои подвиги, перевёл разговор на другую тему. — Медведь не говорил, надолго уходит?

— Не-е, ток сказывал, как дела все уладят, так и возвратятся. Оне ж пошли струг вам подыскать, а энто дело нескорое. Да и до пристани путь неблизкий.

Парнишка предложил было перевязать рану на лице, но я отказался, недвусмысленно намекнул, что тут и без нас найдётся кому помогать, при этом кивнул в сторону одного из участников драки, валяющегося неподалёку и понемногу приходящего в себя, с болезненным стоном ощупывая голову. Улыбчивая девчушка уже хлопотала над другим раненым.

— Ух, хорошо! — произнёс, разминая затекшие руки, освобождённый от верёвок Демьян. На его лице красовались несколько приличных кровоподтёков, левая бровь была рассечена, а под глазом наливался шикарного вида синяк, но крепыш улыбался, как ни в чём не бывало. — А ты Пустой и впрямь добрый воин! Недаром дядька Прохор тебя нахваливал, ой не зря! Теперича до конца верю, што Комара ты побил.

— Может и добрый, может и Комара побил, только не пойму я, как у меня всё это получается. Иногда чувствую, словно руки сами всё делают, а я лишь со стороны за тем что происходит, наблюдаю. А в голове то нет ничего, пусто в голове то! — проговорил, постукивая себе по лбу

— Ничаго, возвратнёца твоё былое обратно, никуда не денца, потерпи чуток.

— Хорошо, так и сделаю. — ответил, невесело улыбнувшись. — Надо бы оружие забрать. Вдруг Годун вернётся с подмогой, да даже если не вернётся, задерживаться тут не стоит, только дожидаться дядьку Прохора, и уходить сразу. Не знаю, чем мы заинтересовали городской совет, но интерес этот мне совсем не нравится.

После того, как Ивашка отпёр сундук, начали спешно вооружаться. Пояс с висящем на нём мечом в ножнах с одной стороны, и колчан со спецболтами с другой. Арбалет на ремне через плечо. Вроде всё, готов.

Жаль, конечно, что придётся спешно покинуть столь приятное местечко, особенно обидно лишиться возможности попариться в обещанной Медведем бане и вместо

спокойного ночлега в тишине и уюте, опять нести непонятно куда, спасаясь от неожиданной погони.

Внезапный скрип отворяемой двери и, прозвучавшая следом невнятная возня в, предшествующих входу в главный зал сенях, заставили меня сдернуть с плеча арбалет, а Демьяна взять на изготовку один из своих топоров.

Годун с подмогой подоспел? Так быстро?! Или это всё-таки дядька Прохор с Медведем вернулись? Оказалось, почти всё угадал верно, только вот Годун без подмоги был и, судя по всему, не особо радовался столь скорому возвращению.

Первым, сквозь дверной проём, спотыкаясь и едва не падая, влетел один из годуновских охранников. Оружия у вояки не оказалось, также отсутствовал шлем, а накидка с гордым символом крестоносцев была разорвана и свисала с закрытого кольчугой плеча, словно парус корабля, потрёпанного бурей. Второй вояка, такой же потрёпанный, обесшлемленный и разоружённый, не заставил себя долго ждать — вкатился следом. Дальше, по идее, была очередь третьего охранника, но тот куда-то запропастился, вместо него появился сам Годун. И хоть, в отличие от своих подручных, шёл он вполне твёрдо, но как оказалось, совсем не по своей воле. Позади этих остатков побеждённого горе-воинства грозно топал хмурый, как туча Медведь, за ним, не менее хмурый, но вдобавок сосредоточенный, двигался бородакосый.

— Да уж, набедокурили тут! Лишь стоило за порог выйти и на тебе... — задумчиво произнёс возвратившийся в свою вотчину хозяин корчмы, оглядывая творившийся в зале беспорядок.

Перевернутые столы и разломанные лавки, разбросанная посуда и еда. Картину погрома довершали тела участников драки, тут и там раскинувшиеся в живописных, но совершенно статичных позах. Хотя некоторые из них уже начинали приходить в себя, вяло шевелились и болезненно охая, ощупывали синяки и ушибы. Чем больше Медведь оглядывал всё это, тем больше хмурился, хоть и до этого выглядел хмурее некуда.

— Так вот, незнамо кого за свой стол сажать. — назидательно проговорил Годун, поправляя своё, слегка помятое одеяние. — С чужаками глаз в остро держи. По такому вот недогляду привечаешь преступников окаяных.

— Преступниками стража заниматься должна, а не ты. Так што за погром плату с тебя возьму!

— Я по указу городского совета за ими пришёл, вот грамота...

— Не твоего ума энтакие грамоты. — махнул рукой Медведь и спросил с усмешкой. — Надобно есчѐ вызнать откель у тебя грамота энта, али ты со своими охальниками в стражу городскую подался?

— Я верный сын славного града нашего и оттого...

— Об том и не начинай, мне и так уж всё ясно. Вперёд стражи хотел их в полон взять. Осталось вызнать для чего совет всю эту катавасию затеял, ясно, што выгоду каку то пойметь хотят, но што за выгода такая?! — вновь перебил корчмарь надувшегося от важности Годуна. И, немного поразмышляв вслух, больше не обращая внимания на его попытки протестовать, обратился к помощнику. — Ивашка, поди за дверь, да гляди вокруг, которые в корчму идут всех отваживай, а коли стражу увидишь, бегом обратно вертайся.

— Славно, вы тута бились то. Вдвоём, значица, супротив энтакой толпы управились! — улыбаясь сквозь усы, похвалил подошедший к нам, крёстный.

— Добраябитва вышла. — согласно покачал головою Демьян. — Два десятка побили.

Токмо перемогли оне нас, уж связали, но Пустой пути разорвал и оставшуюся десятку один положил, потом и меня освободил. Крестник твой — воин, каких мало!

— А я иньших в крестники и не беру! — хохотнул бородокосый, хлопая меня по плечу.

— Дядька Прохор, местные властители нас преступниками объявили, уходить надо, пока не поздно. — обратился к крёстному, переводя разговор на более важные, чем восхваление моих подвигов, темы.

— Знаю уж. — хмуро качнул тот головой. — В порту об том Медведя знакомцы втихую сказывали. Токмо сказывали оне, што не тута нас ждали, а на реке. В трёх вёрстах ниже по теченью, и левее за Каменным островом, тама должны были проплыть, если бы лодку нашу та коряга не потопила. Большая ватага нас тама дожидалася. На четырёх стругах и по берегу дозоры аж на цельную версту.

— Вот и сбылося Таечкой напроченное. Спасло тебя древо мёртвое от гибели то! — подвёл итог Демьян. Крёстный согласно покивал бородой.

— Ну и хорошо, что они там ждут. Хотя тогда непонятно, откуда про нас Годун узнал? — проговорил я задумчиво.

— Годуна мы, почитай у самой корчмы встретили, он с тремя своими подручными куда то шибко спешил. Притом один из его людей бездыханный, да в шлеме помятом, его эти вона двое под руки тащили. Ну мы с Медведем враз смекнули, што дело тута нечистое. Остановили их, да расспросили чегой случилось. Годун и начал сказывать, набрехал, конечно. Медведь потому и настоял, штобы воротилися в корчму. Оне, поначалу не хотели, но он их, значица, убедил, токмо помял чуток. И шлемы энти с его воёв поскидывал. А об том, как про нас вызнал, Годун ещѐ на улице сказал. Он жешь над местным отребьем какую-никакую, а всё ж таки власть держит, и грамоту энту чрез людей, што подле городского совета ходют, получил. Потом, значица, дал наказ своим людям следить за всеми чужаками, што на Красном торжище появляюца. Мы, почитай, чрез половину города прошли, пока до корчмы добралися, думаю, нас его соглядатаи ещѐ в начале пути приметили.

— Похоже, что так и было. Тогда тем более надо уходить, как можно скорее.

— Уйдѐм, токмо вызнаем у Годуна, чегот от нас взаправду надобно и откуда донос был.

— Донос?

— Кто-то жешь донѐс князькам, которы власть тута держат, про то, где путь наш будет пролегать.

— Всё оплатишь, до последней виноградины, за каждую битую посудину с тебя возьму! Правда за мной! — гаркнул внезапно Медведь, да так, что все звуки, включая наш диалог, а также стоны раненных, над которыми хлопотала улыбчивая девчушка, враз стихли.

Разговорившись с бородокосым мы упустили из круга внимания беседу, которую продолжали меж собой Годун с корчмарѐм. По смиренному молчанию первого и громогласно-уверенному тону второго можно было понять, кто вышел победителем в этой дискуссии.

— Вижу о своём вы уж погутарили. — произнѐс крёстный, вставая рядом с Медведем и продолжил, обращаясь к Годуну. — Теперича пуцай сказыват, чегой ихому брату от нас взаправду надобно?

— Не знаю я ничего. Да и не мои то тайны, даж если б знал, не вправе об том говаривать.

— А я по иньшему разумею. Разумею, што брещешь ты. И гляжу ты тута один из всех

небитый остался. То непорядок — коли в драке был, да тумачков не отведал.

— То верно, дядька Прохор, давай мы с Пустым энто дело поправим. — проговорил Демьян, грозно хмурясь. — Незнай, как ты, Пустой, а у меня на Годуна злоба такая, што головёшку готов отвернуть ему, как курёнку.

— У меня к нему тоже свои счёты. Мне его охранники вон — лицо порезали, думаю теперь отплатить тем же. — кровожадно произнёс я, вытягивая меч из ножен.

— Эгей, вы тут потише! Только посмейте, мои люди вас всех даж из-под земли достанут! — с угрозой ответил Годун, но голос явно подвёл его, под конец предложения превратившись в комариный писк.

— Это какие твои люди? Те, которые по всей корчме побитые валяются или те вон двое, что в углу жмутся? — спросил я, усмехаясь. При этом, встав плечом к плечу с Демьяном, начал грозно надвигаться на Годуна, стремительно теряющего остатки важности.

— Вы всё равно с города не выберетесь, так что лучше бы по-доброму договориться, а я за вас словечко перед советом замолвлю, у меня там тож свои люди. — не достигнув успеха в запугивани, Годун вновь попытался пойти по, столь излюбленному местными пути договора. Но попытку эту свели на нет подрагивающий, срывающийся на визг, голос и тот факт, что отступая от нас, он, наконец, упёрся спиной в стену.

— Опять ты договариваться собрался. — ответил я, покачивая мечом из стороны в сторону. — Только нам твои торги и договоры совсем неинтересны. А из города вашего выберемся как-нибудь, не переживай.

Демьян не стал ничего говорить, схватив Годуна за грудки, энергично так потряс, отчего затрепали и начали расходиться по швам его богатые одежды, после этого вздернул вверх на вытянутых руках, напоследок хорошенько шваркнув о стену.

— Я б на твоём месте уж начал сказывать, ребятишки мои шутковать не любят. — подал голос, наблюдавший за происходящим, бородакосый.

Годун кинул было потерянный взгляд на своих охранников, притулившихся в стороне. Но те даже головы не повернули. После потери оружия и шлемов, в помятых, оборванные накидках, выглядели они совершенно не опасно и даже жалко, ни следа не осталось от грозных воинов господних, коими выглядели они при появлении. Всё же, что ни говори, а внешний вид имеет значение.

— Сказывай! — взревел Демьян, вновь шарахнув безвольно повисшим на его руках телом о стену.

Я стоял рядом, с обнажённым клинком и, пытаюсь строить кровожадные рожи, размышлял, что буду делать, если Годун так и не начнёт говорить. Конечно, никаких положительных чувств к нему я не питал, но одно дело просто угрожать оружием, а вот пытаться совершенно безоружного человека как-то рука не поднималась. Я всё же не палач какой-нибудь, ладно там в бою, когда понимаешь, что, либо ты врага, либо враг тебя. Но вот так...

— Всего я и сам не знаю, только та самая весть, опосля которой в нашем совете зашевелились, да забегали, издалека пришла. — морщась от боли, торопливо заговорил Годун, избавляя меня от возникнувшей дилеммы. — Немалые силы отправили реку перекрывать, но и в городе решили на всякий случай поглядывать, а лучшей, чем у меня, соглядатаев во всём Улье не сыщешь. Грамоту энту мне в совете чрез писаря выправили, а там уже...

— Об том мы уж знаем, ты давай об том чегой не ведаем. — перебил его

бородокосый. — Што от нас надобно взаправду? Токмо не бреши то, чегой в энтой вашей грамоте писано!

— Об том сказывать при всех неможно. — Годун облизнул пересохшие губы и оглядев зал нервным взглядом, произнёс вмиг севшим голосом. — Даж из моих людей только четверо знают.

— А нам побоку энтакие тайны, да и шептаться тожить некогда, сказывай давай!

Годун ещё раз оглядел зал и по мученическому выражению лица можно было понять, какая борьба происходит у него внутри. С одной стороны, страх за разглашение информации, доступ к которой имели исключительно местные властимущие. С другой опасные и злые мы. И если наказание за болтливость маячило хоть и вполне ощутимой, но пока ещё неблизкой перспективой, то мы вот они, совсем рядом. Особенно близок был Демьян, продолжающий держать Годуна за грудки на выпрямленных руках, припёртым к стене. Думаю, последний факт был особо весомым аргументом для принятия решения.

— Же-е-емчуг. — чуть не плача, протянул он жалобно.

— Чегой?

— Гонец принёс весть, что вы знаете, где жемчуг достать.

— Обнаковенный жемчуг? Ваши князьки там совсем рехнулись, такую бучу поднимать из-за жемчуга!

— Да не обнаковенный.

— А какой жешь?

— Ну, такой вот, другой... Ну, другой... смекаешь?! — Годун до последнего пытался не произносить вслух всей правды, хотя я сам, ещё после первых его слов о жемчуге, понял о чём идёт речь.

Бородокосый же в этом плане вдруг оказался крайне недогадливым, или же ему необходимо было услышать вслух о главном сокровище Улья? Но ведь тогда об этом узнает и остальная, присутствующая в зале, публика. Чтобы уберечь их от этого, не особо нужного, а, пожалуй, даже лишнего знания, я хотел вмешаться в диалог, но нервы у Годуна не выдержали.

— Да белый жемчуг! Белый! Понятно тебе, дурень старый?! — раздражённо выкрикнул он глядя лицо крёстному.

— Белый?! Как жешь такого?! — бородокосый был настолько ошарашен, что пропустил мимо ушей "старого дурня". Видимо, в его голове, наконец, начала разматываться цепочка событий, отправной точкой которых была встреча с моими названными товарищами из будущего и полученный от них белый жемчуг. Я то уже успел всё это осознать и сделать кое какие выводы.

Тем временем, после годуновского выкрика, в зале в очередной раз стихли звуки. Успевшие прийти в себя, побитые и раненные, выхаживаемые улыбчивой девчушкой, перестали ахать и охать, будто вмиг позабыв о своих ранах. Большая их часть замерла, опалело выпучив глаза или даже приоткрыв удивлённые рты, несколько тихо перешёптывались. Сама же девчушка, сноровисто переквалифицировавшаяся из официанток в медсёстры, упустила из руки горшочек с лечебной мазью, да так удачно, что он приземлился прямоком на только что перебинтованную ногу очередного "пациента". Горшочек оказался довольно тяжёлым, так что и удар вышел ощутимо чувствительным, повязка в этом месте быстро начала пропитываться красным, но сам раненый отреагировал на случившееся, лишь едва заметно поморщившись.

— Да уж, Прохор... — негромко произнёс Медведь, но из-за стихших голосов, слова его слышны были всем. — Не стану я у тебя ничего выпрашивать. Одно скажу — вляпались вы, дальше некуда! И ещё скажу другое — не сумею вам помочь теперича, хоть всего себя на то дело положу. Из-за белого жемчуга тута энтакое начнётся, и впрямь самому бы не пропасть...

— Разве оно бывает, белый жемчуг то?! Я думал то сказки, а оно эвоно как! — подал голос один из охранников. Но корчмарь взглядом заставил его прикрыть рот.

— Да я и сам, теперича, у тебя помощи не попрошу, и так, выходит, беду к тебе в дом привёл. — мрачно произнёс крёстный.

— Ничего, уж с энтой бедою управлюся, моё имя в этом городище тожить чего-то, да стоит. Но вам и впрямь уходить скорее надобно.

— Медведь, послушай меня. — вдруг оживился Годун и заговорил, затараторил. — Тем, что у себя в корчме их привечал, навлёт ты на себя гнев городского совета, но я помогу тебе избежать наказания. Ты не только сохранишь корчму и своё доброе имя, но ещё и преумножишь своё богатство, а то, глядишь и в Совете место выслужишь. Нужно только схватить этих пришлых, они же...

Могучий демьянов кулак прервал не на шутку разошедшегося Годуна. Его безвольное тело распростёрлось на деревянном полу, лицом в соломенную подстилку.

— Благодарю, Демьян, а то я уж думал сам подлеца утихомирить. — улыбнулся корчмарь.

— Эх, поторопилися! Не всё вызнали у энтого балбеса. — махнул рукой бородокосый и обратился к охранникам. — А вы об гонце, што ту весть принёс знаете чего-нито?

Те в ответ дружно и очень старательно помотали головой.

— Коли так, неси воду, Пустой, поднимать его будем. А ты, Демьяша, свяжи энтих вона его вояк. Медведь, найдётся у тебя верёвка крепкая?

— Найдётся, отчего не найтись, у доброго хозяина всякого добра хватат.

— Ну и славно.

— Дядька Прохор, воды нет, вот пива кувшин початый. — сказал я, обнаружив на, стоящем рядом, столе, чудом не опрокинутую во время драки, посудину.

— Ну ничаго, тожить сгодится. — бородокосый принял кувшин, хорошенько отхлебнул, рукавом отёр с губ пену. — Жалко добрый напиток на энтакого гада переводить, но надобно поспешать.

Одним обливанием привести в себя отравленного в нокаут Годуна не удалось. С минуту пришлось трясти и шлёпать по щекам его бесчувственное тело, прежде чем оно, наконец, зашевелилось и открыв глаза, окинуло мутными глазами окружающее пространство.

— Доброе утречко, друг любезный, пора вставать! — елеиным голосом приветствовал его возвращение бородокосый.

— М-м-м!!! Где-е-е? — невнятно произнёс Годун, хлопая глазами иморщась.

— Всё там же, вижу, што болит, но ты, значица, сам напросился.

— М-м-м! Зря вы... Мои люди вас...

— Да помним, верим, знаем. Ты уж сказывал, токмо теперича об иньшем доскажи, от кого гонец тот весть принёс?

— Гонец?! А, вы про того гонца. — проговорил Годун уже более связно, при этом ощущивал мокрое от пива лицо и припухшую челюсть. — От чьего имени послание, мне

неведомо, только с его приезда, почитай два дня уж минуло.

— Два дня... — задумчиво произнёс крёстный, подсчитывая что-то в уме.

— Более ничего не знаю и не скажу, хоть режьте. — произнёс Годун устало и добавил со смешком. — А всё же зря вы трепыхаетесь, зря дергаетесь, не уйти вам с Красного торжища. По воде путь уж второй день, как закрыт, а на главные ворота караул и на стене внешней дозоры нынешним утром втрое усилили. Полторы сотни воёв — мышь не проскочит, комар не пролетит. Соглядатаи по всему городу рыщут, найдут они вас, никуда не денетесь. Зря по-доброму не захотели.

— Демьян. — вместо ответа позвал бородокосый крепыша. — Верёвка там осталася? Надобно есчѣ одного вона связать, и энто, рот ему тожить завяжите, штоб не брехал всякого.

После того, как Годун с охранниками оказались благополучно связаны и заперты в подвале, наша компания вместе с Медведем собралась обсудить дальнейшие действия.

— Насчѣт усиления караула у ворот Годун не брехал, сам об том сегодня слыхивал, токмо не ведал, по чью душу оне энтакое затеяли. — мрачно произнёс корчмарь.

— Значица, полторы сотни воёв? — не менее мрачно уточнил крёстный.

— Мож полторы, а мож сотня, но не меньшее. Тем более со стен ещѣ дозорные подтянуться могут.

— А если вернуться по пути, которым сюда попали, по той прибрежной тропе? — предложил я, как показалось, выход из ситуации.

— Хех, крестничек, вроде зрелый воин, а такое порой ляпнешь... — покачал головой бородокосый — Куда мы по той тропе то придѣм, обратно к быстрине? Тама с одной стороны берег возвышаеца на два десятка саженой, с другой река, другого берега не видать. Да и не выпустят нас, пока до окраины доберѣмся, нас соглядатаи заметнут.

— Да, об этом я не подумал.

— Коней резвых надо. — прервал Демьян не успевшее повиснуть молчание.

— Хех, есчѣ один советчик! Ты чегой энто, покатаца удумал напоследок? — спросил крёстный ехидно.

— На резвых конях верхом проскочить ворота, оне ж тама незакрытые, нараспашку стоят.

— Так увидят нас и закроют.

— Ворота тама по скорому не выйдет закрыть, оне вообще редко закрываються, токмо по-темну, так что может и проскочите. — добавил Медведь.

— А караульные, а дозоры на стене? — не унимался крёстный.

— Тама уж как повезѣт, но энто и впрямь могѣт получиться.

— А где коней то нам взять? На рынке купить?

— У меня за корчмой в конюшне около десятка лошадок, седлай, да скачи. — кивнул через плечо корчмарь.

— Эх, не по душе мне энта затея дурная, но коли иньших нету... Идѣм.

— Постой, дядька Прохор, я одного в толк не могу взять, кто жешь гонца то засылал? — остановил Демьян, шагнувшего было к двери, бородокосого.

— Хех, ты, значица, не понял. — хитро улыбнулся крёстный, перевёл взгляд на меня. — А ты, Пустой, понял?

— Понял.

— То был очень недобрый, жадный и бесчестный человек. Тот, который в глаза улыбаеца, руку пожимат, принимает от тебя дар бесценный, а опосля энтакых вона гонцов

засылает. И имя тому человеку — Анисим. — проговорил бородокосый, глядя на Демьяна, удивление на лице которого, постепенно переходило в злость.

— Старейшина нашенский?

— Он самый. У него на Красном торжище тожить знакомцы имеюца, вот и послал гонца, штоб нас, значица, схватили, да выпытали откель энто мы белый жемчуг взяли. Я уж и по дням прикинул, всё сходица, как раз за три денька на резвом скакуне он нас до Красного торжища добраца можно.

— Когда грамоту зачитывали я обратил внимание, что в ней указано двое преступников, а не трое. — добавил я свою лепту доказательств в пользу вины старейшины. — Когда у нас был разговор с Анисимом, мы с дядькой Прохором собирались и дальше вдвоём плыть, не мы, ни он тогда ещё не знали, что ты, Демьян, с нами отправишься. Во время разговора Анисим ещё спрашивал, куда направляемся и каким путём собираемся двигаться.

— Ну, Анисим, ну змей подколодный! — произнёс крепыш, яростно сжимая кулаки. — Обожди, дай токмо живым возвернуться! Уж ты мне за всё ответишь!

— Ответит. — бородокосый положил одну руку на моё плечо, другое на плечо Демьяна, и произнёс куда-то в пустоту, словно давая ей обещание, не выполнить которое мы теперь не вправе. — Пред всеми нами ответ будет держать за подлость свою окаянную.

Глава 27.

Молчание, возникшее после слов бородокосого, прервал скрип входной двери, быстрый топот ног в сенях и следующее за ним появление Ивашки.

— Вои идут, цельной ватагою, стража городская, в броне все и при оружии! — голосом, в котором волнение перемешивалось со страхом, торопливо выпалил паренёк.

— Много?

— Десятка четыре, аль все пять. — пожал плечами Ивашка. — Я особливо не глядел, сразу назад побёг.

— Далеко? — спросил Медведь, бросив задумчивый взгляд по сторонам.

— Уж рядом, к лавке скорняка, к той, что за углом, подходят.

— От Вышнего града топают. — отметил вслух корчмарь и продолжил, обращаясь к нам. — Давай, Прохор, в подполе схоронитесь, авось не сыщут.

Он даже двинулся было к стойке, за которой у стены располагался прямоугольник люка, ведущего в погреб с припасами, но крёстный остановил его на полпути.

— Нет, Медведище, не станем мы прятаться. И так беду на тебя навлекли, придя в корчму.

— Не дури, Прохор! С бедами своими я сам управляюся, а вот вы с цельной дружиной воёв не управитесь, хоть каждый из вас троих, а то и пятерых стоит. Тем боле оне с Вышнего града идут, а тамошние дружинники не чета дозорным, что караул на воротах, да на внешней стене держут. В подполе переждёте, а тама как решили, на конях проскочить попробуете.

— Нет, коли оне к корчме идут, значица, про то, што тута мы, ведают. А коли ведают, значица, всё до последней соломинки тута перетрясут, пока нас не отыщут. И тогда тебе точно несдобровать. — покачал головой крёстный. — В обчем, выходим мы сами, а уж тама как пойдёт.

— С вами выйду, коли так.

— Нет, Медведь, не выйдешь. Не поможешь ты нам ничем и себя сгубишь. А коли себя сгубишь, то и их вона, — бородокосый указал на Ивашку и, продолжающую выхаживать раненных, девчушку. — тожить сгубишь. Так что, звиняй, сами пойдём. Тебе ещчë людей своих сберечь надобно.

Корчмарь молчал, опустив голову. Он понимал правильность сказанных крёстным слов, но принять их ему было нелегко.

— Прощевай, старый друг! — проговорил бородокосый, хлопая Медведя по плечу. — даст Улей, свидимся ещчë.

— Прощевай, Прохор! Свидимся, обязательно свидимся! — с внезапно появившейся хрипотцой в голосе, произнёс корчмарь, хлопая в ответ плечо друга и пожав нам с Демьяном руку на прощание, отступил назад.

— Двинули чтоль. — с невесëлой улыбкой выпалил крёстный, постоял ещë немного, словно собираясь что-то сказать, но потом будто передумал и, больше не произнеся ни слова, шагнул к выходу. Демьян двинулся за ним. Я кивнул напоследок Ивашке и девчонке, имени которой так и не успели узнать. Во взгляде паренька сквозили испуг и тревога, глаза же девчушки были полны слëз. В свете грядущих событий, эти слëзы казались недобрým предзнаменованием, словно ими оплакивалась наша скорая гибель.

Я, мотнул головой, отгоняя дурацкую мысль и попытался улыбнуться на прощание, но улыбка вышла ненастоящей и натянутой. Поморщившись от осознания этого факта, отвернулся и поспешил за Демьяном.

За распахнутой дверью нас ожидала заметно потемневшая и оживлённая улица. Темнотой довольно широкая площадка, раскинувшаяся перед корчмой, обязана была тихо подкрадывающемуся вечеру. Оживлённость же обеспечивали воины в, усиленных металлических вставками, одинаковых кольчугах и островерхих шлемах с кольчужными бармицами, взявшие всю площадь в плотное полукольцо. В руках большинство вояк держали заряженные арбалеты, у других были среднего размера мечи и круглые щиты, с изображением трёх стругов под парусом на синем фоне, третьи были экипированы такими же щитами, но вместо мечей имели длинные копья с трёхгранными наконечниками. Наверняка, разнообразие вооружения было обусловлено приспособленности отряда к противостоянию любым возможным противникам. Мечники для ближнего боя, копьеносцы против конницы, ну и арбалетчики против всего, что движется, плюс, первые два вида вояк защищают стрелков, в случае чего. Видимо, командуют у них неглупые ребята.

Только стоило подумать о командовании, как от общей массы отделились трое воинов в доспехах на порядок превосходящих экипировку остальных воинов. Двигающийся в середине, не отличающийся особым ростом, но с лишком компенсировавший этот недостаток внушительной шириной плеч, неожиданно молодо выглядевший паренёк с аккуратно подстриженной бородкой и не по возрасту мудрым взглядом явно был здесь главным. Это подтверждало не только по-хозяйски уверенное поведение, и почтительные взгляды шагающих рядом вояк. Помимо этого, на его высокий статус указывал полный пластинчатый доспех, на груди красовался круглый щиток со всё теми же тремя стругами, очень искусно выгравированными на металле. Богатый шлем с пластинчатой бармицей и украшенной золотом полумаской широкоплечий нёс под мышкой. На головах сопровождавших его воинов красовались такие же шлемы, но доспехи были попроще и представляли собой слегка улучшенную версию кольчуг, в которые были облачены остальные вояки.

— Приветствую дорогих гостей в нашем славном городишке! — звонким голосом, с улыбкой возвестил пластинчатый. — Заждались мы вас. Уж по всей округе дозоры разослали, на реку сколь народу согнали, а вы вот они, сами пришли.

— И мы вас, значица, приветствуем! Ведали б, што такогo ждёте, стороной бы обошли. — хмуро ответил бородокосый.

— И славно, что не знали. Нам хлопот меньше. О том, для чего искали встречи с вами сказывать стоит, верно?

— Нет, Годун об том уж поведал.

— Ах, Годун! Вечно он суёт свой длинный нос куда не следует. Ну, зато вы теперь знаете. — качая головой, весело проговорил паренёк и продолжил уже серьёзным тоном, вмиг спрятав улыбку. — Знаете, что мне от вас нужно и поможете мне это получить!

— Энтo с чего ж нам помогать то?

— А с того, что со мной здесь полсотни воинов. И коли не дадите, что нужно по-хорошему, я спрошу ещё раз, но уже по-плохому.

— Энтo как жещь? — прикинувшись дурачком, крёстный явно тянул время. То ли для того, чтобы попытаться найти выход из безвыходной ситуации, то ли в надежде на какое-то грёбанное чудо.

— А так! — проговорил пластинчатый полным злости голосом. — Коли говорить прямо, то ты, бородатый, мне без надобности, а про того вон, с топорами я вообще знать не знаю. Брать живым приказано только вот этого, в доспехе чудном. Потому, коли сами оружие не бросите, утыкают вас болтами мои самострельщики и вся недолга!

— Дык, а кто жешь вам помешат нас упокоить, опосля того, как оружие бросим?

— Никто. Но в смерти вашей тоже выгоды нет, да и под охраною вести вас проще, чем мертвых чрез весь город тащить. Ну, решайте!

Бородокосый колебался, хоть иного выхода, как сдаться, я не видел. До ближайших воинов не менее пятнадцати метров, пока преодолеем это расстояние, нас десять раз успеют пристрелить. И даже если добежим, придётся схватиться с полусотней бойцов. Шансов — никаких.

— Дядька Прохор, давай я прям на их двину, отвлеку, а вы с Пустым сбоку пробица пробуйте. — шептал крестному Демьян, решивший поиграть в берсерка.

— Так каков ваш ответ? — вновь весело улыбаясь, спросил паренёк.

Бородокосый уже открыл было рот, чтобы ответить, но вокруг стоявшей в центре троицы вдруг стало происходить что-то непонятное.

Сначала заволновался один из сопровождавших пластинчатого воинов. Нервно озираясь, он положил одну ладонь на рукоятку меча, висевшего на поясе, другую, растопырив пальцы, вскинул перед собой. При этом, напротив его руки воздух потемнел, словно сумерки, и так начинавшие опускаться вокруг, сгустились в этом месте до состояния, предшествующего полной темноте.

— Что такое? — спросил у него командир.

— Тут кто-то есть. — еле слышно пробубнил медленно поворачивающийся из стороны в сторону, воин. Темнота перед его рукой начала странно и неравномерно помаргивать, словно свет от лампы с неисправным контактом. Сравнение не очень хорошее, особенно если учесть, что вместо света здесь фигурировала темнота, но оно как нельзя лучше характеризовало непонятную пульсацию, объёмным пятном расплывшуюся в воздухе.

Зрелище было настолько необычным, что я даже на время отвлёкся от ситуации, в которой мы находились. Но увидеть, чем закончится эта странная пульсация, было не суждено.

В следующее мгновение она просто исчезла, вместе с головой своего создателя, внезапно отделившейся от тела и, в ореоле карминово-красных брызг, полетевшей к земле.

Пластинчатый и второй сопровождающий, надо отдать им должное, несмотря на внезапность и необъяснимость происшедшего, отреагировали моментально и правильно — отскочили в стороны от обезглавленного тела, на ходу выхватывая оружие. Но это им не помогло. Через секунду ещё одна голова в красивом шлеме с украшенной золотом полумаской покатила по земле, остановившись недалеко от первой.

Лишившийся поддержки юный командир, глаза которого до краёв переполнил ужас, развернулся и с криком бросился к замершим в отделении воинам. Убежал недалеко. На третьем шаге его тело вздёрнулось на полметра вверх, ноги конвульсивно замолотили по воздуху, а из возникшей из ниоткуда раны на шее тяжёлой струёй брызнула красным, заливая пластины доспеха.

— Ха-харгх! — раздался вдруг, то ли восторженный вскрик человека, то ли рёв дикого зверя из пустоты подле дёргающегося в агонии, истекающего кровью тела.

Вслед за звуком начала проявляться картинка, сначала совсем нечётко, лишь

невнятный, расплывающийся силуэт, но уже через мгновение выделились контуры и цвет, а ещё, спустя короткий миг, набравший объём и глубину Комар материализовался во всей своей смешной и одновременно жуткой красе. В вытянутой вверх руке босоногий легко держал свой монструозный двуручник, на клинок которого, словно муха на иголку, был нанизан юный командир. Лезвие вонзалось под мышку пареньку и, вместе с выплёскивающейся толчками кровью, выходило из шеи.

Вид умирающего на глазах командира заставил стрелков промедлить, но лишь секунду, всё же они были хорошими воинами. Более двух десятков арбалетов сработали почти одновременно. Град болтов обрушился на замершую в центре, долговязую фигуру. Но, вместо того, чтобы превратить Комара в утыканного стрелами ежа, снаряды бессильно пролетели сквозь него, будто тот был бесплотным призраком, тенью. Несколько болтов звякнули о пластины доспеха безвольно повисшего, безжизненного тела, которое сумасшедший убийца продолжал держать нанизанным на клинок, другие полетели дальше, большую часть поймали на щиты, прикрывающие арбалетчиков войны, хоть и не ожидавшие дружеского огня, но держащиеся настороже.

Один из болтов всё же нашёл цель среди окружавших площадку вояк, им оказался чернородый арбалетчик. С удивлением ухватившись за торчащий из груди хвостовик, бородач повалился навзничь.

Последние два шальных болта воткнулись в стену корчмы над дверью, едва не зацепив Демьяна. После этого мы, не стовариваясь, рухнули на землю от греха и вражеских стрел подалше.

— Ха-ха-харгх!!! — вновь разразился торжествующим рычащим смехом Комар, резким взмахом отбрасывая окровавленное тело, словно надоевшую игрушку.

— Пики вперёд, щиты сомкнуть! — скомандовал кто-то из толпы воинов, после чего оцетинившееся остриями копий и мечей полукольцо пришло в движение.

Босоногий отреагировал на это движение сумасшедшей улыбкой. Окинув полным безумия взглядом вокруг, он отрицательно покачал головой и, хохотнув, неожиданно растворился в воздухе.

Воины остановились, начали озиаться, послышалась ругань. Но затишье длилось недолго.

Внезапно, с левого края, вставшей полукругом, шеренги воинов, скрытого от нашей позиции углом корчмы, раздались крики боли, звон и скрежет металла. Тут же из-за угла выкатился, забрызганный красным щит и проехав пару метров, упал в пыль.

Бойцы, стоявшие ближе к месту схватки, наскоро развернувшись и перестроившись, двинулись на помощь товарищам. В результате этих манёвров, в построении возникла прореха. Через секунду, в этой самой прорехе, также внезапно, как и исчез, прямо из воздуха материализовался Комар. Причём материализовался уже нанося удары в спины двинувшихся к краю построения, воинов. Прежде чем идущие на помощь вояки опомнились и осознали, что помощь теперь необходима им самим, на земле уже лежали шестеро из них. Ещё троих раненных прикрыли щитами, подоспевшие от основной массы воинства, товарищи.

На босоногого навалилось сразу пятеро, меч так и замелькал у него в руках. Лязг и бряцанье металла слились в одну страшную, протяжную мелодию. Вот отлетело копьё с частью древка, срубленное могучим ударом, вот отступил один из воинов, держась за рассечённое вместе с кольчугой плечо, вот с криком повалился назад ещё один, получивший в лицо самым кончиком клинка.

Но на подмогу, со всех сторон, уже спешили другие, окружая Комара плотным кольцом.

Он не стал сражаться в столь невыгодном положении. Напоследок резко крутанув мечом вокруг себя, также, как и в прошлый раз, исчез, оставив разозлённых вояк биться с пустотой. Последний круговой взмах, кстати говоря, тоже нанёс урон: один лишился половины кисти, второму рассекло нос и скулу, третьему повезло, он отделался лишь выбитым из рук оружием.

Следующее появление Комара оказалось неожиданным, хотя ожидали его все без исключения люди, находящиеся на площадке перед корчмой, включая и нас. Неожиданным же это самое появление стало по двум причинам. Первая — в этот раз не случилось ни малейшей паузы между его исчезновением в одном месте и возникновением в другом. Босоногий словно телепортировался, за одно мгновение переместившись на добрый десяток метров. Вторая — материализовался он не на краю, и не где-то за спиной, а в самом центре построения, в самой гуще воинов. Но атаковать начал как прежде, едва объявившись, а может и раньше.

Поначалу видимость загораживала толпа вояк, о появлении среди них Комара понятно было по загремевшему железу и крикам убиваемых. Неизвестно, как безумец управлялся в тесноте со своим огромным двуручником, но результат был на лицо — пришедший за нами полусотенный отряд стремительно уменьшался. Также стремительно теряли решимость оставшиеся на ногах воины.

Поначалу, уверенные в своей боевой выучке и численном превосходстве, даже столкнувшись со столь необычным противником, даже лишившись командования, даже неся потери, бойцы оставались хладнокровными воинскими единицами, продолжали действовать сплочённо, не один из них не отступил. Всё же это были закалённые в боях вояки, не страшась ни бога, ни чёрта. Но предел стойкости есть у всего. Нашёлся он и у этих матёрых воинов. Этаким пределом для них оказался худой, босоногий, одетый в лохмотья безумец. Но понимание этого факта пришло не сразу.

Лишь после того, как треть отряда была убита, а другая треть имела по одной или несколько ран, разной степени тяжести, до вояк, наконец, начало доходить, что в этот раз противник им попался не по зубам.

Началось отступление. Поначалу организованное. Разбившись на небольшие группы по пять — семь человек, заслонившись щитами, воины начали движение прочь от центра площадки. Но Комару это то и надо было, появляясь рядом с одной из таких групп, он наносил несколько стремительных и смертоносных ударов, после чего исчезал и появлялся возле следующей группы. Причём, на мой взгляд, босоногий мог расправиться с каждой из групп, вырезав их до последнего бойца. Ведь вояки до сих пор даже не поцарапали сумасшедшего убийцу. Было ощущение, что Комар попросту играл с ними, словно кошка с мышью, растягивал удовольствие.

Не прошло и минуты, как вояки перестали сопротивляться и ринулись врассыпную. Несмотря на то, что их до сих пор оставалось больше двух десятков. Многие при этом бросали оружие, чтобы легче было бежать.

Лишь самые отчаянные остались сражаться. Было их четверо, встав спина к спине, держа оружие и щиты наготове, они с укором кричали в спины убегающих товарищей. Но никто из беглецов даже не обернулся.

Эту четвёрку Комар порубил, не выходя из невидимости. Выглядело это так, словно головы воинов внезапно, без каких-либо видимых причин, отделились от тела и попадали на

землю, словно горсть перезревших яблок, сорванных с ветвей порывом ветра.

После этого босоногий, безумно хохоча, материализовался прямо между повалившихся наземь, обезглавленных тел.

— Бежать удумали? Хе-хе-хе! Не, я ещё с вами не кончил! — насмешливо бросил в спины убегающих Комар. Подняв растопыренную пятерню на уровне глаз, он вдруг резко сжал ладонь в кулак. Это незначительное, казалось бы, действие вызвало очень значительную реакцию.

Спасаящиеся бегством воины неожиданно будто разом споткнулись и попадали, кто на колени, а кто и пластом, едва успев смягчить падение выставленными вперёд руками. После этого неведомая сила протащила их метров на пять назад, к стоящему в центре площадки босоногому.

Комар повторил свой жест и пытающихся подняться на ноги вновь опрокинуло и потащило к стиснувшему руку в кулак, сумасшедшему убийце. С мёртвыми, доселе лежавшими в местах, где их настигла смерть, произошло то же самое. Также и валяющееся тут и там оружие и щиты павших воинов, продёргивались к босоногому, словно привязанные невидимыми нитями, каждый раз, когда его кисть сжималась в кулак. Площадка перед корчмой вдруг превратилась в гигантский магнит, тянущий к центру всё, что оказывалось в радиусе его действия. Мы, к счастью, в этот радиус не попали.

С живыми воинами Комар расправлялся, через мёртвые тела переступал и вновь сжимал кулак, притягивая к себе оставшихся. Постепенно вокруг него начал образовываться настоящий, пропитанный кровью, вал, в котором плоть была перемешана с железом.

Лежащий рядом бородокосый, глядя на эту чудовищную картину, выругался сквозь зубы, Демьян тихо бормотал что-то себе под нос, может тоже ругался, может молитву читал. Я молчал, не потому что нечего было сказать, просто от увиденного к горлу подступила тошнота, во рту появился неприятный кислый привкус.

Между тем босоногий прекратил сжимать кулак. К этому моменту, в живых осталось всего три воина. Двое, безоружные, не делая попыток сопротивляться, лежали у его ног, третий — чуть дальше, метрах в пяти.

— Оставь им жизни, отпусти! Ты победил! — крикнул я, поднимаясь.

— Ты победил. — дрожащим голосом подтвердил один из воинов, лежащих у ног безумца. — Пощади-и!

— Не победа мне нужна, а их кровь. — ответил Комар насмешливо и, взявшись за меч двумя руками начал рубить, словно берёзовые чурки, отчаянно кричавших вояк. Крики оборвались, брызнуло красным.

Последний, оставшийся в живых воин, воспользовавшись короткой заминкой, кинулся бежать.

Это не ускользнуло от внимания босоногого. Он не воспользовался ни одной из своих способностей. Ни той, что позволяла моментально переноситься на большие расстояния, ни "магнитом", притягивающим всё, до чего может дотянуться.

С последней жертвой Комар не мудрил. Подняв меч над головой и хорошенько размахнувшись, он бросил полуметровый клинок вдогонку убегающему, словно какой-нибудь лёгкий метательный нож. Лезвие вошло в середину спины, пробив тело насквозь, вместе с кольчугой. Захрипевший воин опустился на колени, начал заваливаться вперёд, но торчащий из живота клинок воткнулся в землю, не дал упасть.

— Славно порезвился! — произнёс босоногий, с улыбкой оглядывая, превращённую в

бойню, площадку перед корчмой. Вид у него был донельзя довольный.

— Изверг ты, сколь людей зазря сгубил! — с горечью качая головой, проговорил Демьян.

— Эти люди вас в полон взять собирались. И взяли, не будь меня.

— Ты мог отпустить тех, кто убежать начал. — поддержал я Демьяна.

— Мог бы. Но не захотел. Слишком много люду упокоил, от такого у меня кровь глаза пеленой застилает, совсем дурею. И сейчас также, лишку дал. — равнодушно пожал плечами Комар, в голосе его не было и тени сожаления.

— Тебя теперича с города не выпустят, всей силой супротив тебя двинуца, всех то, поди не перебежьешь. — предостерегающе, но не очень уверенно произнёс Демьян.

— А я и не собираюсь с ними биться, сам уйду, своими путями тайными. Про меня ведь и не знает никто, окромя вас. Посему на ваших руках пролитая тут кровь останется. — проговорил босоногий со смешком.

— Да нече с им балакать, уходить надобно, пока ещѣ не поздно. — махнул рукой бородокосый. — Коней берѣм, значит, и к воротам, как задумали. Может оно и впрямь...

— Ворота закрыты. — перебил крѣстного Комар.

— Как закрыты?

— Наглухо закрыты. Не войти не выйти. На подступах караулы стоят.

— Откуда о том ведаешь?

— Только что там был.

Бородокосый не стал подвергать сомнению его слова, также не стал уточнять, как убийца успел так скоро переместиться на добрые три версты, и так было понятно, что тот вновь воспользовался своими тайными путями. После прозвучавших слов повисло молчание. Все прекрасно понимали, что единственный путь, по которому мы могли ускользнуть из города, перекрыт. Мышеловка захлопнулась. Нам осталось только гордо погибнуть в неравном бою, либо сдаться и погибнуть чуть позже, после пыток. Хотя...

Я засунул руку в карман разгрузки, нащупал овальную пластинку маячка.

Можно ведь вызвать подмогу, моих боевых товарищей из будущего. Они меня сюда послали, вот пускай помогают. Не знаю, насколько они сильны, в действии успел увидеть лишь одну из них, но всемером прорываться всяко лучше, чем втроём. Тем более у них у всех дальнобойной оружие, да и из полезных умений наверняка что-то имеется. Вот только... Пробиваться сквозь толпы местных вояк, которые по сути ни в чём особо не виноваты, а лишь выполняют приказы, полученные свыше?! Идти путѣм, отмеченным реками крови и горой трупов?! Сама мысль об этом вызывала внутренний протест, перед глазами до сих пор стояла сотворѣнная Комаром мясорубка. Да и большой вопрос: получится ли пробиться из города даже с прибывшим из будущего подкреплением?

— Не пойму. — прервали тишину и ход кружащих в голове мыслей слова босоногого, внимательно меня разглядывающего. — Ты не он, хоть и со стороны похож.

— Может и впрямь не я? — пожал безразлично плечами, сам продолжал размышлять о более насущном, как выбраться из западни.

— Нет, всё же ты! Но и не ты будто. Не пойму. Эх, ладно, уговор я выполнил. За вороченную жизнь твоим спасеньем отплатил. Так что прощевай.

— Стой! Ты не можешь уйти! — выкрикнул я, останавливая собравшегося исчезнуть

Комара, озарённый пришедшим в голову сумасшедшим планом спасения.

— Отчего же? — из голоса босоногого постепенно уходили эмоции.

— Ты не выполнил условие уговора, твои действия не спасли, а лишь отсрочили мою гибель.

— Чего же ты хочешь?

— Чтобы уговор был закрыт, ты должен вывести меня и моих друзей из города.

— Вывести? Хе-хе! Пройти, словно коса, по улицам города?! Вырезать всех, кто встанет на пути?! — с промелькнувшим в голосе сумасшедшим смешком, произнёс Комар.

— Нет. — выпалил я поспешно, глядя на безумный блеск в глазах убийцы. — Выведи своим путём, своими тайными тропами.

Босоногий молчал долго.

Молчали и мы, напряжённо ожидая его ответа. По лицам Демьяна и бородокосого заметно было, что предложенный вариант спасения с помощью кровожадного изверга им совершенно не нравился. Я тоже не был в восторге, но между ним и героической смертью в абсолютно ненужном конфликте без раздумий выберу первое.

— Давно никого не водил путями своими тайными. — задумчиво проговорил Комар и в голосе его неожиданно зазвучала светлая грусть.

Я не пытался понять причины этой неожиданной, несвойственной жестокосердному убийце эмоции. Главным в прозвучавшем высказывании было подтверждение возможности прохода по этому тайному пути. Больше всего боялся услышать, что никто, кроме него не сможет на тот путь ступить.

Вновь молчание, налитое нашим ожиданием и мыслями босоногого. Судя по его отсутствующему взгляду, мысли эти были связаны с далёкими воспоминаниями. Но какие именно воспоминания всплывали перед внутренним взором убийцы, понять было нельзя, его замершее, словно окаменевшее лицо не выдавало никаких эмоций.

— Проведу. — выдохнул наконец Комар. — Но не оттого, что будто б уговор не выполнил, а в благодарность за вороченную память. Оттого что могу теперь прошлые дни свои поминать, жизнь свою, Ольгу...

— Кто это Ольга? — решил я на осторожный вопрос.

— Жинка моя. — неохотно ответил босоногий. — Слушайте теперь о пути тайном. Один держится за меня, второй за этого первого и так далее. Держать можно за руку, аль за плечо, можете даже за ногу — всё едино. Главное, не отпускать, пока на другой стороне не выйдем.

— А коли рука сорвётся иль ещё какая оказия? — не ко времени решил полюбопытствовать Демьян.

— Тогда пожалеешь, что смерть от честного железа не принял. — очень серьёзно произнёс Комар и продолжил инструктаж. — Глаза закройте сразу как двинем, и также не открывайте, покудова пути не минуем.

— Рук не разжимать, зенки не раскрывать, вопчем ясно. — кивнул бородокосый. — Идём чтоль, а то ещё кто-нито заявица.

— Не заявится, случайный люд я даром своим отворачиваю, но лучше и впрямь поспешать.

Перед самым выходом произошла небольшая заминка. Из-за какого-то суеверия, брезгливости или по причине банального страха крёстный с Демьяном не желали держать сумасшедшего убийцу за руку, хоть напрямую от его помощи и не отказывались. Я же в этот момент отвлёкся.

Взгляд вдруг зацепился за дверь корчмы, столь искусно украшенную неизвестным мастером. Но теперь я не разглядывал голову медведя и растительный орнамент, её окружавший. Сейчас дверь была лишь отправной точкой для раскрытия ленты воспоминаний, связанных с этим самым местом. Я не понимал, когда, не понимал, как и что здесь происходило, но отчётливый признак повторного узнавания ударил в голову мягко, но хлётко, заставляя шире открывать глаза и напрягать заполненную пустотой память. Правда, ничего из этого не помогло, воспоминание так и осталось непонятным, словно всем известное дежавю, но только гораздо глубже, к тому же в противовес дежавю, оно не давало и малейшего повода усомниться в своей полнейшей аутентичности.

— Пустой, ты чегой тама? — голос бородокосого. в самый неподходящий момент. выдернул из раздумий, когда казалось, что разгадка уже почти в руках. Но я на него не обижался. Понимал, что чувство почти осознанного воспоминания обманчиво, сколько раз оно точно также оказывалось на расстоянии вытянутой руки и точно также ускользало, оставляя после себя привычную уже пустоту.

— Идём. — кивнул, бросив последний взгляд на дверь.

Когда-нибудь я вспомню, не только эту дверь, но и всё прочее, всю свою прошлую жизнь. Я верю, что вспомню. Я знаю, что вспомню.

Жилистая кисть Комара тисками сжала мою левую ладонь. Пальцы правой руки ухватили руку Демьяна. Крепьшь, руководствуясь предостережением босоногого призвал держаться руками в замок, для большей надёжности. Замыкал процессию бородокосый.

— Глаза. — напомнил убийца, протягивая левую руку вперёд и на следующем шаге растворился в воздухе.

Глядя, как последней истаивает правая рука Комара, я вмиг позабыл о его напоминании. Слишком нереальным и увлекательным было зрелище. Спустя мгновение точно такая же напасть постигла и мою ладонь, связанную с кистью босоногого крепким рукопожатием. Словно передающаяся при прикосновении болезнь, словно вирус, в один миг охвативший и растворивший на атомы живую плоть. Хотя, сравнение не очень удачное, я продолжал чувствовать стремительно исчезающую руку и первыми ощущениями были нестерпимый, словно в перетопленной бане, жар, и не менее жаркий ветер.

Шаг вперёд. В следующее мгновение вирус невидимости охватил плечо, а затем проглотил меня полностью.

Жар. Бьющий в лицо ветер. Разноцветные линии, тянущиеся вдаль, к месту, где должен находится горизонт, но его нет, лишь эти линии, куски беспорядочной, перемешанной радуги, имеющие рядом толщину в районе трёх-пяти сантиметров, но чем дальше, тем более истончающиеся, и сходящиеся, сворачивающиеся в рябщую круговерть, в сумасшедший калейдоскоп.

Неожиданно в этой круговерти, на самом пределе видимости, разглядел едва уловимые контуры человеческой кисти. Кисть состояла из таких же линий, поэтому вычленив её очертания из такого же нагромождения цветных полос можно было лишь по счастливой случайности. Проследив за продолжением кисти осознал, что она принадлежит мне. То есть я сам сейчас состою из таких же линий?! А если одна из линий уйдёт в сторону?! Я останусь без пальцев? Или без рук?

Последние посетившие в голову мысли заставили прийти в себя и вспомнить, зачем я, собственно, нахожусь в этом странном состоянии.

Мне же надо идти за Комаром! Но где он? Что-то впереди мелькает на периферии,

может это он и есть?! Не разобрать!

Стоп! Закрывать глаза, нужно было закрыть глаза. Только я не знаю, есть ли у меня сейчас глаза, я ведь стал потоком линий. Но ведь линии я вижу, значит и глаза есть, но как их теперь закрыть?

Снова стоп! Зачем пытаться закрыть глаза, если можно сосредоточиться на ощущениях. Мне нужно просто почувствовать кисть, которую я вижу. Так, вот она, чувствую, ещё чувствую, что босоногий по-прежнему держит меня за руку. Может подтянуться? Нет, не получается. Надо что-то другое. Так, а где рука Демьяна? Ага, вот она, на месте, двигаем дальше.

Точно, двигаем! Надо двигаться. Идти. Идти вперёд. Надо просто идти вперёд. Где там мои ноги? Вроде на месте.

Делать первый шаг было невообразимо тяжело, словно к ногам был привязан весь земной шар и пару близлежащих планет прицепом. Но я чувствовал, что его надо сделать, что потом пойдёт легче, нужно лишь сделать его, этот первый, главный шаг. Поднять ногу, протянуть вперёд и опустить. Ну же, это ведь так просто! Н-у-у-у ж-е-е-е-е...

Первый шаг оказался и последним. Оказалось, необходимо было сделать всего лишь один шаг. Такой короткий и такой... бесконечный.

Вокруг было темновато, но не потому что наступила ночь, просто мы оказались в лесу и опускающиеся снаружи сумерки под кронами деревьев превращались в преддверие настоящей темноты.

Первое, что почувствовал, после того, как окинул беглым взглядом окрестности, была рука Комара, резким движением разрывающая рукопожатие, с помощью которого нам и удалось сюда попасть. Причину столь поспешного действия осознал, чувствуя горячий, липкий пот, покрывающий не только ладонь, но и всего меня с ног до головы. Значит, всё это было на самом деле, не привиделось и жара, царящая на странном разноцветном пути босоногого была реальной?!

Чуть в стороне, согнувшись и сотрясаясь в рвотных спазмах, едва держась на ногах, стоял Демьян. Что это с ним?

— Вона оно как, Демьяша! Тебе ж сказывали, што глядеть невозможно, так на кой ты зенки то раскрыл? — бородокосый поддерживал крепьша, но судя по его весёлому голосу, особой опасности в случившемся с Демьяном не было.

— Ты его вытащил. — произнёс босоногий, глядя на меня, прищурившись.

Кстати говоря, из всех нас он один не был покрасневшимся и вспотевшим. Я сам чувствовал стекающие по спине и шее капельки пота, с Демьяна так вообще, чуть не ручьём лило, крёстный выглядел бодрее, но и на его лбу поблескивала размазанная рукавом влага. На Комара, судя по виду, жар пути вообще не подействовал, его гладковыбритое лицо было сухо и бесстрастно, словно окружающие нас деревья. Ну да, это ведь его тайные тропы, наверняка привык к тамошним условиям.

— Хотя и сам с открытыми глазами на путь шагнул, но вдоволь наглядевшись, вышел сам, да и этого вон, любопытного, вытянул. — продолжил босоногий с едва заметным оттенком интереса в голосе.

— Да я токмо одним глазком... — кашляя, вставил запоздалое оправдание Демьян.

— Ну и что, понравилось? — не обратив внимания на его слова, спросил у меня Комар.

— Да, красиво, только непонятно ничего толком. Выходит, я их обоих вытащил? — уточнил, кивая в сторону бородокосого.

— Нет, он глаз не открывал, потому сам вышел, со мной вместе. Потом уж вы выбрались.

— Так он же последним шёл, после Демьяна.

— Чтобы попасть, куда задумывал, войдя на путь, знать нужно, куда глядеть или же не глядеть вовсе.

— Такото, делать надобно, как сказывают! То бишь не подглядывать, коли сказано, што неможно. — поучающим тоном добавил бородокосый.

— Не знаю, как ты сам с пути выбрался, видно тоже есть в тебе сила, хоть и не тот ты, который жизнь мне отнял и вернул. После пути точно познал, что не ты это был, в тебе и крупичи черноты нету. А тот, со всей злобою, что душу его темнее самой тёмной тьмы чернит, никого из вас с пути не стал бы вытаскивать, бросил бы, и вся недолга. Не знаю, зачем он мне наказ дал, тебя спасти, но сторонись его, покуда можешь.

— Постараюсь. — проговорил я в ответ.

Помолчали.

— Энто, всё, конечно, славно, за помочь тебя, Комар, благодарим. — приговорил, приложив руку к груди, бородокосый. — Токмо ещё б вызнать, куды нас опосля твоего пути занесло?

— Белый лес — тихое место. — ответил Комар и голос его вдруг потерял всякий оттенок эмоций, стал таким же механическим, каким запомнился при первой встрече. — Вокруг соты без людских селищ, потому одержимые тут редкие гости.

— А от Красного торжища энто как, далёко?

— Пять верст с лишком.

— Хе-х, славно. Токмо медлить всё же не стоит. Тамошние князьки нас в покое теперича не оставят, всю округу перевернут вдоль и поперёк. А мож ты нас ещё на пяток вёрст перенесёшь, а? В энтот раз я сам прослежу, штоб Пустой с Демьяном зенки позакрывали, тряпку им на голову одену, штоб не подглядывали. — крёстный, всего пару минут назад с недоверием отнёсшийся к идее путешествия тайными тропами босоногого, теперь сам начал уговаривать повторить странный, но, без сомнения, полезный опыт. Причём говорил это таким весёлым, развязным тоном, будто они с ним были старые друзья.

— Нет. — коротко ответил Комар и продолжил, указывая едва заметным кивком за наши спины. — Там вас ждут.

— Кто ждёт, сколь их? — враз становясь серьёзным, спросил бородокосый.

— В полусотне саженой, на поляне. Четверо, но будьте покойны, в их душах зла и на палец не наберётся.

— Энто мы ещё поглядим, сколь у...

— Прощевайте. — произнёс босоногий, не дав крёстному договорить и, не сказав больше и слова, растворился в воздухе. Последнее, что запомнилось, был невероятной пристальности взгляд, устремлённый на меня. Словно даже уходя, Комар пытался понять, что именно связывает спасённого им человека, с его таинственным нанимателем.

— И ты прощевай, душегуб. — бросил бородокосый в пустоту. — Пошли чтоль, глянем, кто там нас поджидат. Не иначе стая волотов, вечерять собралися. Демьяша, ты как, идти могёшь?

— Могу.

— Двинулись не спеша, не только по причине неважного состояния крепьша, но и потому, что старались идти тише, не издавая лишнего шума. Несмотря на увещевания

босоногого о безобидности дожидающихся нас людей, бежать вперёд раскинув руки для обнимашек, никто не торопился. Я зарядил арбалет, крестный наложил стрелу на тетиву, даже Демьян взял в руки один из своих топоров, правда в схватке от него сейчас вряд ли стоит ждать помощи, шёл с трудом, то и дело опираясь о стволы деревьев. Да уж, нелегко нашему крепышу дался тайный путь Комара.

Пройдя около сотни шагов, услышали раздающиеся из-за стены деревьев голоса. Причём один из них явно был женский.

Бородокосый сбавил шаг, прислушиваясь, удивлённо уставился на меня. Я в ответ пожал плечами.

Ещё через десяток метров сквозь прогалы в поредевшем лесочке разглядели промелькивающее за деревьями пламя костра.

Они что, совсем с ума сошли, посреди ночи в лесу костёр разводить?!

Я сделал ещё пару шагов и вдруг остановился, как громом поражённый, хотя, если быть точнее, поражён был голосом, точнее даже не голосом, а голоском. Голоском, который меньше всего ожидал услышать в этом тёмном лесу. И осознав, наконец, что доносящийся до слуха столь знакомый девичий щебет не галлюцинация, разрядил арбалет, закинул на плечо и с невольной набежавшей на лицо улыбкой шагнул вперёд.

— Крестничек, ты куда? Сбрэндил штоль? — зашипел бородокосый, вытаращив глаза.

— Убери лук, дядька Прохор, там друзья. — бросил через плечо, продираясь сквозь кольцо кустов и молодых деревьев, опоясывающих по периметру поляну.

На освещённой пламенем небольшого костра, свободной от зарослей и поросшей разнотравьем, почти идеально круглой площадке, действительно находились друзья. Настасья с Варварой, Тимофей и ещё какой-то мужичок, имени его я не знал, но лицо было знакомое, то ли при оборон посёлка видел, то ли в свите знахарки. Рассевшись вокруг висящего над пламенем, приветливо побулькивающего котелка, они беззаботно разговаривали, словно находились не посреди ночного, кишящего опасностями леса, а где-нибудь на отдыхе.

— Добрый вечерочек, не пустите к костерку погреться? — весело крикнул, выбираясь на поляну.

— Дяденька Пустой, вовремя вы, у нас как раз похлёбка готова. — поднимаясь на ноги, приветливо замахала рукой Настасья. При этом на лице девчушки не было и намёка на удивление, словно мы с ней полчаса назад виделись.

Также и с остальными, радость от встречи явственно читалась на лицах, но сама встреча не была неожиданностью ни для кого из них. Да что такое то? Мы ведь не за хворостом в лес уходили! Уже почти неделя прошла с момента, как последний раз виделись.

— А где дядька Прохор и дядька Демьян? — быстрым шагом двигаясь навстречу, спросил Тимофей.

— Сейчас подойдут. — ответил, встречая друга на полпути. Обнялись. — Ты как, Тимоха, в порядке?

— Хорошо всё, вот вас дожидались. Сказано было...

— Тимофейка, а ну подмогни? — перебил парнишку бородокосый, вместе с опирающимся на его плечо Демьяном, вышедший в этот момент из лесу. Видимо, короткая прогулка не лучшим образом отразилась на состоянии крепыша.

Совместными усилиями дотащили его до бивуака, опустили на лежанку из веток и травы, где ослабевший Демьян немедленно прикрыл глаза и засопел. Причём сон его был

вполне спокоен, словно он просто лёг отдохнуть после тяжёлого дня.

Настасья, на правах помощницы знахарки, осмотрев крепыша, потрогав лоб и щёки, послушав грудь и зачем-то пощупав ногу в районе колена выдала похожий диагноз: телом и душой устал, всё силы отдал, отдохнёт и силы воротятся. Напоследок напоив полуспящего Демьяна живчиком, оставила его в покое.

Выполнив свои знахарские обязанности, Настасья, по традиции, кинулась обнимать меня и бородокосого. Ну хоть в этом не обманула ожиданий.

В момент объятий вновь проявилось то непонятное тёплое чувство, что посещало раньше, но в этот раз было оно в разы слабее, едва осязаемое. Думаю, всё это от тоски по семье. Изначально, при появлении в посёлке, память о близких была наглухо закрыта тяжёлым чёрным занавесом пустоты. Видимо поэтому, обнимая болтушку Настасью, или маленького любителя прятков Антошку, чувствовал теплоту и необъяснимую тоску по детишкам, оставленным где-то далеко в прошлом. Теперь, когда воспоминания о родных вернулись, пускай лишь маленьким кусочком, ожившей картинкой с семейным чаепитием, те же объятия потеряли большую часть своих волшебных свойств, став просто приятным тактильным ощущением. Хотя, конечно же не просто, в дополнение ко всему это ещё и знак доверия и дружбы.

Остальные были более сдержанны в приветственные жесты и отделались взаимными похлопываниями по плечу и рукопожатиями.

— Ну, сказывайте, какого лешего вы по лесам шастаете? Ещё и огонь потемну зажгли, сбрендили штоль? — попытался нахмурить брови бородокосый, но после наполненной положительными эмоциями встречи это получилось у него неважно.

— Так вас дожидаемся, того, с подмогою. Толпой, оно всяко легче в пути, в бою тожить. А огонь, што он тебе, Прохор, на тот огонь ни один одержимый не явица, даром я их отгоняю, сам знать должен. Да и вы в сам час, энто самое, пришли-то, в сам час. Как темнеть зачнёт — явитесь. Так говорено было, таково оно и вышло. — видимо, на правах старшего взял, слово молчавший доселе худощавый мужичок с короткой, клином, бородёнкой. Правда, выражался он настолько путано, что понять суть сказанного было сложно.

— Кака така подмога?! Энта вона ребятня?! Вы тама все белены объелися штоль?! — всё же, после услышанного, крёстному удалось не только нахмуриться, но и вспылить.

— Толпой, оно завсегда сподручнее. Так, энто самое, говорено было, вона мы и дождалися. — словно не слыша, продолжал тот гнуть своё.

— Кем говорено? Откуда вызнали, что мы тута объявимся?

— Так сказано было... — уже не так уверенно проговорил мужичок.

— Эх, Ефим — Ефимушка, дарами не обделён, но голова твоя — бедовая! — махнул на него бородокосый и повернулся к Настасье. — Давай уж ты сказывай, егоза, языком почесать ты любишь, да и сказ твой всяко быстрее и складнее Ефимова выйдет.

— Дяденька Прохор, тут уж наскоро даже у меня не выйдет. Долгая история. — развела руками девчушка.

— Долгая? — глянув по сторонам, задумчиво проговорил крёстный. — Ну тогда, давай и впрямь похлёбки вашей отведаем, да отдохнём. И к Демьяше, глядишь, силы возвернутся, не тащить же этакое бычка потемну, да чрез лес. А на ранней зорьке, значица, дальшее двинем. Токмо огонь то и впрямь погасить надобно, тута и без одержимых нечисти тожить хватат.

